

3 бестселлера о ведьмах

Людмила Сиволобова
Все меня называют ведьмой

Глава 1

Я сидела в СВ-купе поезда Москва-Хабаровск. Непонятное чувство тревоги и ожидания чего-то билось в голове, заставляя напряжённо перебирать в памяти события этого утра. И вроде бы ничего необычного не происходило. Правда, началось все после вчерашнего сна, когда пришла ко мне бабушка. Села молча на кровать и, погладив меня по голове, как в детстве, печально произнесла:

— Бедная моя внученька. Всё пройдёт, но я же тебя предупреждала, что месть за Митю вернётся бумерангом. А ты не послушала меня, старую, вот теперь и пришло время пожинать плоды. Мужайся, Рада. Помни, страх и паника приносят только смерть, не поддавайся им! Ты умная, будь хладнокровной, это тебе поможет. Запомни, ещё не настало твоё время уходить вслед за нами!

Напоследок бабушка склонилась надо мной, коснулась теплыми губами щеки и исчезла, как лёгкая предрассветная дымка, оставив после себя

тревожное чувство ожидания чего-то нового.

Резко открыв глаза, я села в кровати. Зябко поёжилась и натянула на плечи сползшее одеяло. Приложив руку к груди, задержала дыхание в попытке успокоить бешено колотящееся сердце.

Выспаться не удастся. Призрачная надежда на безмятежный сон испарилась с остатками видения. Тяжело вздохнув, я спустила ноги с кровати, касаясь босыми ступнями мягкого ворса ковра. Прислушалась к тишине в доме. Полумрак еще окутывал спальню. Неслышно ступая, приблизилась к окну и отдернула кружевную занавеску. Прислонилась к холодному стеклу разгоряченным лбом и замерла. Так и стояла какое-то время — неподвижно, наблюдая, как стремительно светлеет, как четче становятся очертания деревьев, только и ждущие, когда их коснется первый луч солнца.

В голову лезли какие-то смутные образы, навевая щемящую тоску. Больше всего тревожил сон. С чем связано появление бабушки? Расплата за месть... Она уже три года висит надо мной, как Дамоклов меч. Если бы сейчас мне дали шанс все изменить, я без колебаний ответила бы отказом. В моей душе не было сожалений о содеянном. Большого наказания, чем потеря брата, для меня не существовало. А Мити уже нет.

Митя! От одного его имени в глазах

защищало, в горле появился комок. Словно и не было этих лет. Боль от потери намертво засела под кожей, царапая острыми когтями мою и без того истерзанную душу. Что толку от всех этих знаний и умений, если не смогла убереечь самого близкого человека?! Зачем они мне? Ответить на этот вопрос мог один лишь Бог, но до него не достучаться.

Распахнув окно, я впустила в комнату утреннюю прохладу, наполненную запахом летних трав.

Вот уже почти три года я живу со Славкой. На этом настоял он, сказав, что для моей же безопасности. Странные у нас с ним отношения. Похожи на семейные, но мы не любовники. Хотя все окружающие в этом уверены, кроме друга Славки и, по совместительству, телохранителя — Игоря Кондратьева или просто Кондрата.

Сколько воды утекло, когда я пришла в кабинет к некому Северу за помощью, а помню, словно, все было вчера. Не понимаю, почему этот суровый мужчина до сих пор терпит мой вздорный характер. Упрямство, сумасбродные выходки и даже возникающие по моей вине проблемы, из которых он постоянно меня вытаскивает. И я считаю его своей семьёй, даже больше чем просто родственником. Звучит довольно странно, особенно, из уст человека, родившегося в многодетной семье. Но правда жизни такова, что,

кроме брата, у меня близких не осталось, причем уже давно. Бывший криминальный авторитет, Северский Святослав Николаевич, заменил мне всех. Иногда кажется, что он мой настоящий отец, которого так не хватало в детстве. Ибо реальный родитель лишь номинально присутствовал в моей жизни, да и то, когда изредка приходил с очередной попойки.

Семью, где я выросла, с натяжкой можно назвать дружной. Вечно занятая мама не успевала уделять одинаковое внимание всем семерым детям. Разве что самым младшим, но я в их число не входила. Сколько себя помню, особой любви я ни у кого не вызывала, кроме Мити.

У Северского же ни жены, ни детей. Он сам по себе. Правда, когда-то давно у него была невеста, которую он безумно любил, и из-за которой оказался в тюрьме. Но правду об этой трагедии знали двое — я и он. Слава не распространялся о прошлом, молча продолжал хранить память о любимой. Может, поэтому мы и сошлись, понимая горе друг друга. Взаимная симпатия, однако, не мешала нам бурно ругаться, выяснять отношения. Вот и вчера мы рассобачились на тему моего отъезда в тайгу...

Слава, все еще обиженный, но уже с признаками оттаивания в душе, вышел проводить меня до машины.

— Рада, всё равно ты зря отказываешься от охраны. Тревожно мне что-то. На кой чёрт переться в такую глушь за каким-то бурьяном, не понимаю?! Ну, возьми с собой хотя бы Кондрата.

Я представила себе эту картинку и весело рассмеялась.

— Ой! Слава! Зачем он мне там, а? Не смехи! Перестань дёргаться, мы же всё вчера решили. Никому я в тайге не нужна, поверь. Насобираю трав и через неделю вернусь обратно. Ты и соскучиться не успеешь.

Я обняла за шею встревоженного мужчину, погладила впалую колючую щёку.

— Упрямая ты, зараза! — недовольно ворчал он. — Надо тебя замуж выдать, будешь мужу мозги пудрить. Старый я уже для этой канители.

— Слав, прекрати! Мне никто не нужен, кроме тебя. — Я прижалась к нему, положив голову на грудь. — Кто меня так защитит еще? Не-а, дураков нет, поверь!

— Эх, ты! Вроде с виду умная девка, а сейчас глупости говоришь! — Он отстранил меня за плечи и посмотрел в глаза. — Да все завидуют моей потенции, думают, ты моя любовница. А как смотрят на тебя, не замечала?! — Славка хрипло и коротко хохотнул. — Провожают такими взглядами, что хоть пожарных вызывай.

— Ага, как же! Славка, да они боятся мне

руку пожать. Не говоря уже про другое. Сначала присматриваются, изучают, есть ли на мне перчатки... Ладно, Слав, мне пора. Обещай недолго засиживаться в офисе. И кури меньше, а то не расстаёшься с сигаретой.

— Рада, не зарывайся! Это ты у Генки нахваталась, да? Он мне всю плешь проел: не пей, не кури! Достал уже, эскулап хренов! Может ещё мне дышать через раз прикажет?! Тебе ли не знать, что от судьбы не уйдёшь и, если там, — он поднял высоко голову, — написано помереть мне, то даже в ядерном бункере «костлявая» найдёт. Ладно, девочка. Хватит мои философствования слушать, езжай. Поезд ждать не будет. Как доберешься, позвони. Вот же чёрт! Что-то у меня душа не на месте от твоей авантюры с отъездом.

— Слав! Всё будет хорошо, увидишь. Пока!

Изобразив на лице уверенность, которую вовсе не ощущала, села в такси. Машина плавно тронулась с места, увозя меня на вокзал...

Дверь купе со скрипом отъехала в сторону, прерывая воспоминания. На пороге возник странный тип: маленький щуплый, лысый. Он нагло шагнул вовнутрь.

— Вы кто? Что вам нужно в моём купе? — возмутилась я подобному нахальству.

— Извини за вторжение, — съязвил он. —

Меня просили передать тебе привет... от Беса! Помнишь его или напомнить?!

С трудом заставив себя не паниковать раньше времени, вдруг пронесёт, кивнула.

— Считай, что передал. А теперь освободи помещение, мешаешь, — я и сама поразилась холодному тону своего голоса.

— Э, нет дорогая! Не так быстро! Бес хочет тебя видеть!

— А я его нет! — сказала, как отрезала. — Можешь так и передать своему хозяину.

— Слушай ведьма, не выкобенивайся! Поехали, он ждёт. И лучше не зли меня! Тебе не понравится моя злость, — прищурившись, предупредил он.

— Ага, прямо сейчас, только шнурки поглажу и прибегу! — съязвила я. — Нет, это ты меня послушай! Выметайся из вагона, пока я добрая. Бесу скажи, если ему приспичило лясы поточить, пускай сам приходит.

— Борзая, да? Ты, сука, совсем страх потеряла?! Быстро подняла задницу, и на выход!

От такого наезда я даже растерялась. Опомнившись, вскинула бровь и окатила незваного гостя презрительным взглядом.

— Чего?! Я смотрю это ты у нас шибко смелый выискался! Да стоит мне сейчас...

Из-за двери донёсся чей-то низкий мужской

голос:

— Лис! Ну и долго ты с ней будет церемониться?! Харэ языком чесать! Бес ждать не любит.

А вот это уже плохо. Значит, этот сморчок не один! Только тогда я поняла, что попала. В голове пронеслись панические мысли, кисти рук похолодели.

Спокойно, нельзя поддаваться страху! Думай, Рада, думай! Надо дать Славе с Кондратом какую-нибудь зацепку, чтобы поняли, где меня искать и у кого. Господи, помоги, прошу тебя!

И тут неожиданно повисшую на секунду тишину купе пререзал звонок моего мобильного, лежавшего на столике.

Похититель напрягся всем телом и первым схватил телефон.

— Слава... — прочитал он высветившееся имя на дисплее. — Блядь!

Аппарат в его ладони продолжал надрывно трезвонить. Тот лишь зажал его крепче, достал из-за пояса пистолет и направил его в мою сторону.

— Ответь! Но без глупостей! — угрожающе приказал он. — Ты же умная баба и не хочешь пострадать, да?

Я кивнула. Тот нажал кнопку приёма вызова и включил громкую связь.

— Але, Рада?

— Да, Слав. Что случилось?

— Ничего. Хочу спросить, может, всё-таки возьмёшь с собой кого-нибудь? Тут Кондрат кипишет, хотел к тебе ехать.

Я задрожала, еле сдерживая себя, чтобы не крикнуть: «Помоги!» Но умом понимала, что ничего это не даст. Он понятия не имеет, где меня искать. Надо было срочно придумать, дать хоть какой-то намёк.

— Нет, нет! Успокой Кондрата, он нервничает по поводу жены. Ты скажи ему, что с его любимой Ириной и её братом всё будет хорошо. Никого не нужно присылать.

Похититель довольно хмыкнул и жестом показал, что пора заканчивать болтовню.

Остаётся только надеяться, что Славка передаст Игорю мои слова о жене и по специально допущенной ошибке тот обо всем догадается. Ведь жену его зовут не Ирина, а Инга и у неё нет братьев!

— Ладно, давай прощаться, Слав! Звони, целую!

— Я передам ему, — вздохнул Слав. — Всё девочка, как будешь на месте, сообщи! Пока. Эй... — он хотел что-то ещё добавить, но не успел.

Наглый тип, которому надоел наш разговор, быстро нажал на сенсорный экран и сбросил вызов.

Глава 2

Джип стремительно удалялся от вокзала. Водитель, не сдерживаясь, матерился, поминая московские пробки. Сидя на заднем сидении, я безучастно смотрела в окно на проезжающие мимо машины. Отгородившись от похитителей глухой стеной равнодушия, только и надеялась, что Кондрат незамедлительно кинется выяснять, почему я в разговоре со Славой перепутала имя его жены, да ещё и несуществующего брата приплела. Слабая, но всё же хоть какая-то надежда.

Мне было страшно. Выйдя из купе и увидев двух амбалов, я отчетливо поняла, во что ввязалась. Ругаться, кричать, звать на помощь было бесполезно. И пусть, рук мне не заламывали, кляпом рот не затыкали и глаз не завязывали. Даже старательно поддерживали иллюзию цивилизованного разговора, после которого меня отпустят на все четыре стороны. Но я понимала, что это блеф. Никто меня не собирался отпускать, разве что только на тот свет.

Почему во мне жила такая уверенность? Причина проста — похищают с какой-то целью. Чаще выкупа. Но просить денег у Севера мог только камикадзе. А Бес не походил на самоубийцу. Он понимал, если на него падёт хоть малейшее подозрение, то место на кладбище ему, считай,

заказано. Славка такого не прощает, тем более, если тронули меня. И я не понимала, что или кто толкнул Беса на это безумство? Да, тогда, в Чечне, мы расстались не очень хорошо. Но прошло много времени, и до сегодняшнего дня о нём я ничего не слышала.

Покинув Москву, джип покатился по МКАД в неизвестном направлении. Через какое-то время свернул влево и выбрался на неказистую дорогу. Спустя ещё несколько минут, мы остановились на въезде перед шлагбаумом. Нахальный сморчок, что ввалился ко мне в купе, нехотя вылез из машины и подошёл к охраннику на посту. После короткого разговора нас пропустили на огороженную территорию без проблем и досмотра.

Проехав по широкой асфальтированной дороге элитного посёлка, мы свернули в переулок. Через несколько метров авто остановилось возле высокого забора частного дома. Железные ворота бесшумно отворились, пропуская нас вовнутрь.

Руки похолодели, по позвоночнику мелкими колючими мурашками пробежал страх. Надеюсь, меня уже ищут, а если нет, то это конец. Ведь своих лиц они не скрывали, так же как и место пребывания. А это означает лишь одно — меня не боятся. Вернее, уже не боятся, потому что живой отсюда не выпустят.

— Выходи! Ну, скорее! — открыв дверь

машины, потребовал амбал.

— Не нукай! Не запрягал! — огрызнулась я, не желая показывать страх.

Он попытался схватить меня за плечо и вытащить насильно, но вместо этого получил подзатыльник по бритой голове.

— Грабли убери! — возмутилась я. — Не смей меня лапать, придурок!

— Да кому ты нужна, истеричка! Не льсти себе, пигалица! Худушие малолетки, не в моём вкусе. Вылезай уже, харе верещать! — недовольно искривился амбал.

Я быстро выскочила из салона автомобиля и со всей силы захлопнула дверцу.

— Лис! Забери эту стерву, а то она меня достала! — крикнул амбал сморчку, который стоял чуть поодаль, оживлённо болтая с кем-то. — Вот скажи, откуда столько гонора в такой малявке?!

Лис усмехнулся и подошёл к нам.

— Да, эта пигалица, как ты её назвал, стоит намного больше, чем мы все вместе взятые. Не зря же Бес столько отвалил за информацию о ней, — кивнул он в мою сторону. — Иди за мной, он тебя уже дождался.

Услышав это, я напряглась. Значит, кто-то следил за мной? А я, дура самоуверенная, ничего не заметила! Чувствовала же атмосферу, звенящее напряжение вокруг. Я мысленно обругала себя за

глупое поведение. Надо было послушать Славку, взять с собой Кондрата. Упрямая идиотка! Ведьма называется, дальше своего носа не вижу!

За мыслями не заметила, как приблизились к дому. Обычный, двухэтажный, ничего особенного. Миновали просторный холл и, обогнув витую лестницу, ведущую на второй этаж, остановились напротив массивной двери.

— Заходи! — пихнул меня в спину сморчок, распахивая дверь.

— Ещё раз толкнёшь, пожалеешь, — прошипела я и вошла в кабинет.

Замерла на пороге, окинув взглядом комнату. Дорогая мебель из тёмного дерева, шкафы, набитые книгами в элитных переплётках. Кожаный диван и широкие кресла. Прямо напротив входа одиноко стоял стул, явно предназначенный для меня. Сладковато пахло сигаретами. Глубоко вздохнув, гордо выпрямила спину и шагнула внутрь помещения.

— Ну, здравствуй, Рада! Я так долго ждал этой встречи и, наконец, дождался, — ехидно, с долей превосходства раздался голос Беса.

Я разглядела лишь кисть его руки с дымящейся сигаретой, пока он резко не развернулся ко мне, сидя в кресле за массивным столом.

— И тебе не хворать, Бес! Как говорится, обещанного ждут три года, значит подошёл срок, —

язвительно заметила я и, подойдя к стулу, опёрлась на спинку руками. — Только не знаю, зачем ты ждал так долго. Раз хотел пообщаться, в чём проблемы? Или разыскать меня в Москве не мог?

— Вижу, за это время гонора в тебе не убавилось! Такая же наглая, дерзишь. Не боишься? — усмехнулся он, затягиваясь сигаретой.

— Нет, ничуть, — сладко улыбнулась я. — Давай оставим китайские церемонии и перейдём к делу. Говори, дорогой, что хочешь от меня?

— Ну, как знаешь, — пожал он плечами. — Я много чего хочу, а ты мне поможешь.

— Да?! Интересно! С какого перепуга ты считаешь, что я буду тебе помогать?! — в недоумении я вскинула бровь. — А ещё говоришь, я наглая.

— М-да! Слишком Север тебя избаловал, придётся мне заняться твоим перевоспитанием, — с нарочито сокрушённым видом покачал он головой.

— Поздно перевоспитывать. Старую лошадь новым трюкам не научишь. Может, наконец, скажешь, зачем я тебе понадобилась?

— Ладно! Скажу, раз не хочешь беседовать. Хочу занять место Севера.

— Что?! Бес, ты совсем умом двинулся?! Помогать тебе? Никогда! — возмутилась я.

Он встал из-за стола, подошёл ко мне, зло ухмыльнулся.

— Вот что, ведьма! Не зли меня, а то отдам тебя людям Доку! Не забыла такого? Они уже давно мечтают познакомиться с тобой поближе!

Внешне я постаралась сохранить спокойствие на лице, но внутри всё звенело от напряжения.

— Ты, думаешь, я вникаю в его дела? Ошибаешься! Слава меня не посвящает в это, так что даже при великом желании помочь не смогу, — обогнула я стул и села, закинув ногу на ногу.

— Врёшь, сука! — со злостью выплюнул он. Рванул из кресла, схватил меня за волосы и больно дернул, заставив смотреть в перекошенное от гнева лицо. — Думаешь, я поверю, что старый хрен, который тебя трахает, ничего с тобой не обсуждает? Или думаешь, я шутить с тобой буду?! Хочешь повеселиться, сейчас устрою! Мальчиков позову, устроим «субботник».

Посмотрев в его глаза, я заметила расширенные зрачки и поняла, что смутило меня в сладковатом дыме. Анаша! Вот что он курил. Чёрт! Только обкуренного идиота не хватало для полного счастья!

Страх липкими щупальцами прополз по коже, заставляя похолодеть изнутри. С наркоманами даже мне становится не по себе. Затуманенный этой дрянью мозг невозможно контролировать. Такие способны на все. Стараясь не выказывать страха, я нагло усмехнулась.

— Завидуешь Славке, да? Что не ты на его месте, а? — цинично рассмеялась я. — Зови, мальчиков! А то скучно у тебя здесь, как в гробу!

Он явно не предвидел такого поворота, ожидая совершенно другой реакции. Несколько секунд растерянно смотрел мне в лицо, притянув к себе ещё сильнее за волосы. Я стиснула челюсти от боли, но постаралась не показать ему этого.

Затем опомнился, зло прошипел:

— Я всегда знал, что все бабы шлюхи. Им бы только член потолще, да подлиней. Интересно, а Север знает, что его любовница любит групповушку?! Лис!

Дверь в кабинет приоткрылась, и появился сморчок.

— Звал?

— Пригласи желающих развлечься. А то нашей даме, — при этом слове он брезгливо скривился, — скучно!

— Как скажешь, Бес! Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

— Лис, я не нуждаюсь в советчиках! Иди, выполняй!

Тот лишь пожал плечами, кинул взгляд на меня и молча вышел.

Отпустив мои волосы, Бес отошёл к столу и прислонился к столешнице бедром. Я старалась сохранять спокойствие, мысли же со скоростью

звука проносились в голове.

И что теперь? Зачем я это сделала? Чем остановить или напугать толпу озабоченных мужиков? Взгляд упал на стол. На краю стоял стакан с водой. В голову пришла шальная идея. О, боже! Спасибо тебе! Только бы всё получилось! Один раз ради шутки я пробовала разбить стакан силой мысли, и вот теперь у меня есть только одна попытка. Если всё правильно разыграть, то вряд ли у мальчиков возникнет желание развлекаться.

Между тем, в комнату ввалилась толпа мужчин, человек восемь, с азартно горящими глазами.

Повернувшись на стуле к вошедшим и стараясь не показывать свой страх, спросила:

— Мальчики, а вы меня не боитесь?

Раздался дружный хохот, и один из них ухмыляясь, ответил:

— Не-а, не боимся. Чего тебя боятся?

— Да так, говорят, я — ведьма.

— Гы, гы! Удивила! Все бабы ведьмы! Ты зубы не заговаривай, не поможет! Не бойся, маленькая! Тебе понравится, мы таких крошек любим! — подмигнул он своим друзьям.

— Мальчики, зря вы не боитесь. Смотрите на стакан. Представьте, что это ваш член.

Они продолжили гоготать и раздевать меня взглядами.

Я же сосредоточилась на стакане с водой, собрав все силы и злость. Представила их в виде энергетического шарика и направила его в стакан. Через секунду он разлетелся на мелкие осколки, засыпав столешницу, пол и даже опешившего Беса градом воды и стекла.

На мгновение все находившиеся в комнате замерли, переваривая происшедшее, не веря глазам. Затем по лицам парней прокатилось изумление и недоверие, суеверный шок.

— И ещё одно, мальчики. Прежде чем вы решитесь рискнуть здоровьем, хочу спросить, знаете Доку Загаева и его братца?

Живя среди мужчин, я изучила их повадки. Порой они такие же сплетники, как и женщины. А судьба этого гада наверняка уже обросла небылицами и стала притчей во языцех. И теперь она должна помочь мне.

— Ты имеешь ввиду покойника? А причём здесь он? — поинтересовался кто-то.

— Да, его, — кивнула я. — Наверно, все в курсе, как он умер?! Он меня обидел и поплатился за это сполна. Среди вас есть добровольцы, которые хотят передать ему привет от меня лично? Если поймете меня, обещаю каждому такую смерть, от которой сдох этот шакал!

— Чё вы её слушаете! Она всего лишь болтает, а вы, как сопливые малолетки, уши

развесили! — вмешался Бес, видя, что его люди растеряли боевой пыл. Со злостью хлопнул по столешнице рукой и смёл с неё поднос с чашками. — Вы, что, её боитесь?! Эту шулершу, которая показала вам фокус, и вы нассали в штаны?!

— Не верите?! — с издёвкой в голосе усмехнулась я. — Тогда зачем чеченцы хотят меня видеть и платят тебе за это, если всё враньё и бабские рассказы?!

Старалась максимально спокойно смотреть на сомневающих мужчин, не выдавать страха. Малейшее его проявление, и хрупкий план полетит к чертям. Несколько секунд показались мне часами.

Скрывая радость, я заметила, как они дрогнули, поверили в то, что их ждёт неминуемая мучительная смерть, если решатся на изнасилование.

— Знаешь что, Бес, разбирайся со своей девкой сам! Нам ещё жить охота, а если ты не веришь её словам, то можешь сам попробовать. Пошли отсюда, они без нас разберутся, — высказался за всех один из подчинённых авторитета.

Сам Бес порывался что-то сказать, но его никто уже не слушал. Мужчины быстро удалились, прикрыв за собою дверь.

— Bravo!

Я обернулась. Бес ухмылялся во всю ширь и громко хлопал в ладоши.

— Знаешь, ведьма, ты меня удивила. Теперь понимаю, за что Север тебя так ценит. Такой балаган устроила. Любо-дорого посмотреть! Куда там голливудским актрисам, они с тобой и рядом не стояли! Надо же, как справилась с моими пацанами, развела их мастерски. Даже я на какую-то долю секунды поверил в ту ерунду, которой ты их пугала. Можешь своё шоу открывать. Успех гарантирован, зрители будут в восторге.

— Хм! Интересно! А почему это ложь?

— Рада, скажи, по-твоему, я похож на Дауна?! Да будь у тебя хоть половина того, о чём ты сейчас втюхивала этим идиотам, мы бы уже не беседовали. Ну ладно. Повеселились и хватит. Пришла пора нам серьёзно побазарить.

Я прошла вглубь комнаты и снова села на стул. Скрестив руки на груди, всем видом показала, что готова его выслушать.

— А вот теперь слушай меня внимательно. Ты мне поможешь, если, конечно, дальше хочешь жить, — хмыкнул он. — Или ты думаешь, я тебя отпущу на свободу? Чтобы Север узнал, кто под него роет и наведался в гости?

— Спасибо, но я не буду тебе помогать.

— Ты подумай, время ещё есть. Искать тебя здесь не будут. Никому даже в голову не придёт

подозревать меня. Ну поищут они месяцок-другой и, допустим, найдут твой хладный труп. Это в том случае, если ты и дальше будешь кобениться!

В дверь громко постучали.

— Входи! Что случилось?

— Да, тут охранник Ирины звонит.

— Так, опять она наверно очередной фортель выкинула. Давай трубу, — с тяжёлым вздохом Бес прошёл мимо меня и взял рацию. — Слушаю, что на этот раз она сделала?

— Ты только не бесись, но мы не можем её найти.

— Где вы?!

— В каком-то торговом центре, как же его... чёрт возьми... бутике! Она шмотки решила купить, пошла примерять и всё! Как в воду канула!

— Мать вашу! Вы там чё совсем мозги растеряли?! Ищите!

— Но Бес...

— Я сказал, ищите! Наверняка, она ещё в другой бутик побежала, пока вы там на тёлок слюни пускали! Искать, бараны! — приказал он и отключился. — Лис, твои люди в конец обнаглели! Разберись с ними! Уже не могут Ирку найти, ведь знают, что она может сбежать.

На столе ожил мобильный, заставив меня вздрогнуть.

— Могу поспорить, это Ирка звонит. Сейчас

начнёт грузить подробностями, что купила, и какие охранники дебилы, — обрадовался Бес, протопав к телефону.

Взглянув на экран, улыбнулся, кивнув головой, ответил:

— Да, Ирка! У тебя совесть есть или как?! Стоп! А это кто? — нахмурившись, спросил он. — Чево?!

По меняющемуся выражению лица Беса становилось понятно, что звонивший — явно не его сестра.

— Да, я понял тебя. Знаю, где это. Буду там, — он говорил напряженно, шипя сквозь сжатые челюсти. От этого скулы его выпирали сильнее обычного. — Хорошо, через час.

Как только звонивший отключился, Бес с ненавистью отшвырнул телефон в сторону. Тот попал в книжный шкаф. Стекло разбилась, и осколки со звоном посыпались на паркет.

— Лис, твою мать! У нас крот завёлся?!

— Нет!

— Тогда объясни мне, откуда Север знает, что его девка у нас?!

— Не знаю! Может, он блефует?

— Ага, щас! Этот хрен звонил с Иркиной мобилы, угрожал! Сказал, если не вернём её, то Ирку убьют, а перед этим трахнут на камеру и

пришлют мне видео! — бешено орал он от бессилия. — Где ты прокололся?! Может, вас кто-нибудь засёк из людей Севера?! Ну, вспоминай!

— Не может быть! Мы специально не спешили, смотрели по сторонам. Там никого из его людей не было, за базар отвечаю!

— Тогда, как он узнал?! — схватив подельника за грудки, Бес ударил его кулаком в челюсть. Тот с грохотом завалился на столешницу, сметая всё, что находилось на ней.

Впервые я видела невменяемого человека, который вымещал свою злость на подчинённом. Смотреть на это было страшно. Бес избивал Лиса жестоко. Казалось, ещё немного, и он убьёт его. Страх за жизнь человека вынудил меня на не совсем продуманный поступок.

— Хватит! Он не виноват, это я предупредила! Кирилл! — крикнула я, видя бешеные глаза Беса.

— Что?! — он замер, а затем, бросив окровавленного Лиса, подскочил ко мне. — Как ты могла предупредить Севера?

— Да, очень просто. Когда твои люди ввалились ко мне в купе, позвонил Слава. Этот, — я кивнула в сторону избитого, — приказал ответить на звонок. Вот я и воспользовалась моментом.

— Ах ты, сука!

Его гнев перекинулся на меня. Он с размаху

ударил меня по лицу. Ослепляющая боль пронзила голову. Снова удар. От него я отлетела к шкафу, царапаясь об осколки стекла. Казалось, сейчас мозг взорвётся от боли. Руки кровоточили от множества впившихся в них осколков. Очередной удар ногой отправил меня в забытьё.

Не знаю, сколько находилась без сознания, но когда очнулась, тело болело нещадно, дышать могла через раз, каждый вздох отдавался болью в груди. Кто-то снова усадил меня на стул. С трудом приоткрыла один глаз, зрение поплыло. Звуки слышались приглушённо, как через подушку. Тошнило, и во рту стоял вкус крови.

Обрывки фраз не достигали сознания, вызывая лишь смутные ассоциации. Приложив невероятные усилия, я приподняла голову и наткнулась мутным взглядом на маячивший перед лицом предмет. Когда удалось сфокусировать зрение, поняла, что это оружие.

Глава 3

Тихий щелчок предохранителя возле уха привел немного в себя. Холодное дуло пистолета упёрлось в висок. Ну, вот и всё. Через секунду я умру, и тогда в душе наступит желанный покой.

Как ни странно, вместо всепоглощающего страха перед смертью в голове присутствовали

лишь пустота и смирение. Говорят, что в последнюю секунду перед внутренним взором умирающего пролетает вся его жизнь. Вот и со мной произошло то же — забытые образы прошлого возникли в памяти, как будто это было только вчера. Детство, которое слишком рано закончилось, и тот злополучный день, с которого моя судьба сделала крутой вираж.

Маленькая ничем непримечательная сибирская деревенька, домов на тридцать, располагалась вдали от городов. С двух сторон раскинулся таёжный лес. Рядом, через просеку, приютилось живописное озеро, с плакучими ивами по берегам и ярко-зеленым папоротником. Вода в озере была прозрачная и прохладная...

Одиннадцать лет назад я и не помышляла о том, что меня будут бояться, и называть ведьмой. Про свой дар тогда не знала, и занимали меня совсем другие проблемы. Но даже тогда самым близким мне человеком был Митя. В какие бы переделки я не попадала, он всегда защищал и любил ту взбалмошную девчонку с тёмными косичками.

Жила наша многодетная семья бедно, в старом деревянном домике. Четыре комнатки и большая русская печь с лежанкой. Был ещё старенький чёрно-белый телевизор — вот и всё наше богатство.

Все деревенские ребяташки любили летом бегать на озеро купаться. Родители, конечно, были против, но разве за всеми уследишь! Да и особо не беспокоились, ведь детвора хорошо плавала, и знала озеро как свои пять пальцев.

В тот год лето выдалось на редкость жаркое и засушливое. Помогая Диме, или Мите, как все его звали, поливать грядки с овощами, я мечтала лишь об одном — быстрее сбежать с подружками на озеро. У нас уже был уговор: уйти втихаря и вдоволь насладиться прохладной водой, которая, как магнит, притягивала нас.

Взяв с меня слово, что вернусь пораньше, Митя отпустил меня с доброй улыбкой. Я обрадованно умчалась со двора.

Шагая с подругами по проторенной тропинке, мы весело щебетали и смеялись. Старенькое ситцевое платье на мне раздувал жаркий летний ветерок. Так, за разговорами, мы незаметно пришли к озеру. Подружки расстелили взятое из дома покрывало и разложили на нём еду: сырую картошку, помидоры и хлеб. Затем мы разожгли на берегу небольшой костёр и начали печь картошку.

— Вот смотрю я на тебя, Рада, и думаю, на кого ты похожа? — завела свои обычные рассуждения Ира. — У вас в семье все светловолосые, а ты чёрная, как цыганка. Хотя, нет! У них кожа тёмная, а у тебя белая...

В ответ я лишь пожала плечами и тяжело вздохнула.

— Не знаю, Ир. Отец говорил, что я похожа на его прабабушку. И глаза у меня непонятного цвета, — глянула я на свое отражение в стоячей озёрной воде.

Оттуда на меня смотрела худенькая девчушка с тонкими мышинными косичками, нахмуренными бровями, большими глазами непонятного тёмного цвета и белой просвечивающей кожей. В общем, одно расстройство.

Внезапный порыв холодного ветра заставил нас посмотреть в небо. Только что светило яркое летнее солнце, как вдруг всё изменилось. Тучи затянули небо, по водной глади побежала рябь. Как-то стало не по себе от этих перемен.

Мы хотели уже пойти по домам, когда Галя предложила:

— Трусихи вы! Ветерка испугались, что ли? Давайте напоследок разок окунёмся и по домам. А то что — зря приходили сюда?!

Мне почему-то не хотелось идти в воду, но и прослыть трусихой тоже приятного мало.

Девчонки не стали меня ждать, и уже отплыли на довольно-таки приличное расстояние от берега.

Немного потоптавшись на месте, я всё-таки решилась — быстро сняла платье и шагнула в озеро. Поплыла к подругам, но в какой-то момент

потеряла их из вида. Тут мне впервые стало жутко... Оглянувшись назад, поняла, что нахожусь далеко от берега. Тело налилось свинцом, судорога сковала ноги, как будто кто-то стал тащить меня на дно... Я пыталась сопротивляться, но быстро устала и, нахлебавшись воды, пошла ко дну.

Приходила в себя постепенно. Странные, непонятные и порой пугающие образы посещали голову. Незнакомые люди появлялись и молча стояли возле меня. Старые и молодые. Я точно знала, что все они мертвы. Их пустые бесцветные глаза смотрели на меня с отчаянием и мольбой, только зачем они пришли, было непонятно.

Издали послышался тихий женский шёпот, он звал меня:

— Радмила... Радмила... Радмила...

Голос постепенно приближался, и в этой жуткой толпе я увидела её.

Женщина отличалась от остальных. Её лицо осветила добрая улыбка, когда увидела меня.

— Ну, вот я и нашла тебя, девочка! — приблизилась она ко мне.

Теперь я её смогла хорошо рассмотреть. На вид ей было лет пятьдесят-шестьдесят. Длинные седые волосы, круглое лицо, высокий лоб, чёрные прямые брови, тонкий, с небольшой горбинкой нос и красиво очерченные губы. Одета она была в тёмное длинное платье без всяких украшений. Но

больше всего меня поразили глаза. Необыкновенные, большие, зелёные, как первая весенняя трава. И даже лучики морщинок в уголках не старили их, а лишь придавали немного лукавый вид.

— Где я? Митя, мама... где все? Вы кто? Откуда знаете меня?

— Пойдём со мной, Радмила. Я тебе всё расскажу, только не здесь. Тебе ещё слишком рано сюда.

Она протянула руку и с мольбой смотрела на меня. Я подала ей свою, и в следующую секунду мы оказались на лесной поляне, сплошь усеянной белыми с жёлтой сердцевинкой подснежниками.

— Как? Этого просто не может быть! — удивилась я. — Подснежники цветут только весной, а в августе — нет!

— А в этом году возможно. Это мой подарок тебе, Радмила. Что бы ты ни думала, это не сон и не явь. Прими как неизбежность: теперь ты не просто девочка. Ты — моя ученица. Жаль я не успела познакомиться с тобой при жизни, — вздохнула с сожалением она.

— Я что — умерла? — на глаза невольно навернулись слезы.

— Нет. Ну что ты! Это я умерла, не успела передать свой дар. Мне некому было его отдать. Твоя мать обещала привести тебя ко мне, но не

выполнила уговора.

— Бабушка, а вы кто?

Она улыбнулась и, развела руками.

— Называй меня Вера, и я — ведьма. Ты боишься меня?

Она меня не пугала, скорее наоборот. Добрая, миловидная женщина, с необыкновенными глазами. В голове никак не укладывалось, что она ведьма.

— Нет, я вас не боюсь, — улыбнулась я. — Но как вы будете учить меня, если умерли?

— Не беспокойся об этом, я знаю как. Только мне нужно твоё согласие. Что скажешь, Рада?

— Странная вы ведьма — спрашиваете моего разрешения...

Она улыбнулась.

— Рада, ведьма — это от старинного слова «ведать», значит «знать». То есть я — знающая, а вот колдуньи — это плохо.

— Я буду такой же, как вы?

Женщина кивнула.

— Согласна?

— Да, но это, наверное, трудно? — с опаской спросила я.

— Я тебя научу всему, что знала. Только ты должна слушать меня. И ещё одно: люди нас не любят и боятся. Они будут приходить к тебе за помощью, но любить не будут. Даже твоя семья, кроме брата. Тяжело знать, когда умрёшь ты, семья,

друзья, и ничего нельзя сделать... — с горечью и сожалением предупредила она.

На поляне, где мы стояли, появился силуэт мужчины. Он приближался, направляясь прямо ко мне. Размытость пропадала. Я как зачарованная смотрела на него. Вера тоже его заметила и, недовольно хмыкнув, сказала:

— Пойдём, тебе нужно вернуться. Рада, посмотри на меня! Тебе ещё рано с ним знакомиться. Потом узнаешь, когда время придёт.

Она потянула меня за руку в противоположную от незнакомца сторону. Последнее, что рассмотрела — это тёмные волосы. Слабый ветерок донёс его запах — какой-то терпкий, чуть солоноватый и невероятно родной. Захотелось прижаться к этому мужчине и уже не отпускать. Но, увы, Вера настойчиво тянула меня в сторону. Всё исчезло, только неприятный писк резанул слух.

Очнувшись, я попыталась открыть глаза. Удалось только с пятой попытки, и то не до конца. Я лежала на кровати. В комнате всё было белым: стены, простынь, которой меня укрыли, непонятный прибор — именно он раздражающе пищал. Посмотрев на приоткрытую дверь, я услышала стук каблучков и приглушенные голоса. Разговаривали две женщины.

— Бедная девочка, уже семь дней лежит без

сознания. Вот, что значит многодетная семья. Родители не успевают контролировать детей. Как подумаю об этом, так слёзы наворачиваются. Ведь её одну только и нашли, а других до сих пор ищут.

— Мда-а-а... Её брат нашёл. Он первый забил тревогу, когда они не вернулись с озера. Ещё неизвестно, сколько она пробыла без воздуха, и какие могут быть последствия.

Одна из медсестёр в голубом халате и такой же шапочке посмотрела на меня через открытую дверь и ахнула:

— Ой! Девочка, ты очнулась! Наташа, беги, позови скорее Виктора Михайловича! Скажи, что его пациентка очнулась!

Вторая девушка поспешно скрылась из вида, лишь по коридору гулко разнеслись её торопливые шаги.

— Привет, ты помнишь, что с тобой произошло? — приблизилась ко мне медсестра.

Я попыталась сесть, но что-то больно укололо руку на сгибе, да и сил не было даже просто пошевелить пальцами.

Дверь в палату резко распахнулась, и в неё буквально влетел высокий пожилой человек в белом халате нараспашку. У него были короткие седые волосы, скуластое лицо.

Он улыбнулся и присел на край кровати.

— Я врач. Ты помнишь, как тебя зовут?

Я облизнула пересохшие губы и попыталась ответить, но это оказалось невероятно тяжело.

Доктор взял с прикроватной тумбочки стакан с водой и поднёс к моим губам, поддерживая мою голову. Я сделала несколько глотков.

— Ну, вот теперь скажи мне что-нибудь, — попросил он.

— Дяденька врач, а где Митя и мама?

Доктор радостно кивнул медсестре, и она вышла за дверь.

— Они скоро придут. Ты нас очень напугала. Прямо как Спящая Красавица. Мы все за тебя переживали и ждали, когда ты проснёшься. Твой брат здесь уже. Который день ходит, испереживался весь.

Я чуть-чуть пошевелись и невольно охнула, когда в руку снова что-то кольнуло.

— Так, лежи и пока не двигайся, — строго велел врач. — А то капельница выскочит. Рада, расскажи мне, что последнее ты помнишь перед тем, как проснулась.

Я внимательно посмотрела на доктора и задумалась. Вспомнила побег на озеро и всё остальное тоже, вплоть до того момента, как стала задыхаться и тонуть. Только тут я осознала, что сказали медсестры. Мои подружки мертвы! К горлу подступил комок, глаза наполнились слезами, которые тут же градом покатались по лицу. Тело

затрясло, как в лихорадке. Надоедливый прибор тут же снова запищал. В палату влетела встревоженная медсестра со шприцем в руке.

— Катя! Быстро успокоительное! — приказал врач.

Я почувствовала укол, и вязкая тёмная пустота моментально поглотила меня.

Глава 4

В следующий раз я очнулась и силилась вспомнить, снилось ли мне что-нибудь. Легко открыла глаза и сразу увидела спящего на стуле Митю. Несколько секунд просто смотрела на него, пока в палату тихо не вошёл тот самый доктор, что разговаривал со мной в прошлый раз.

— Доброе утро, Рада. Вижу, сегодня ты выглядишь значительно лучше, чем позавчера, — снова присел он на край кровати. — Твой брат умаялся за ночь. У тебя вчера был переломный момент: высокая температура и сильный жар. Нам только к утру удалось сбить его. Ты металась в бреду, а он, — кивнул он на Митю, — так устал бороться с тобой за ночь, что, когда всё пришло в норму, заснул прямо на стуле, — улыбнулся доктор. — Ну, а теперь, давай спокойно и без нервов рассказывай. Что помнишь, где побывала?

Я удивлённо посмотрела на врача, а он только

усмехнулся и продолжил:

— Вижу по тебе — угадал. Думаешь, раз пожилой доктор, то не поймёт? А я за столько лет здесь на многое насмотрелся и наслушался про всякие видения с того света. Когда тебя привезли сюда, то все подумали, что ты вряд ли выживешь. Сердце останавливалось и целых шесть минут не билось! Это очень много, но ты, наверно, хотела жить, и вернулась. А для начала давай познакомимся. Меня зовут Виктор Михайлович.

Он протянул мне широкую ладонь, и я пожала её.

— Я — Радмила, — представилась я.

Он кивнул.

— Знаю, интересное у тебя имя. Ну, а теперь рассказывай, что с тобой было.

— Виктор Михайлович, ничего особенного. Я была в какой-то толпе незнакомых людей и всё.

Я решила рассказать только начало сна. Про встречу со странной женщиной промолчала. Ни к чему было врачу знать правду, а то подумал бы ещё, что я дурочка. Уж больно он был приветливый, даже слишком. Это и насторожило меня.

Тогда я впервые доверилась своей интуицией. Со временем стала гораздо чаще прислушиваться к ней.

На лице доктора читалось явное

разочарование. Но он быстро справился с собой и постарался быть ещё более добрым и весёлым.

— Так-так, Рада. Жаль. Я думал, что ты расскажешь мне интересную историю. — Он развёл руками и с притворным вздохом сожаления поднялся. — Сегодня тебя переведут в обычную палату, и если не будет рецидива, то скоро ты поедешь домой.

Я в недоумении посмотрела на доктора и спросила:

— Виктор Михайлович, а что такое рецидив?

— Ерунда. Думаю, тебе это не грозит. Нервы крепкие, бреда нет и вообще ты очень разумная девочка, — объяснил он.

Тут проснулся Митя. Он радостно соскочил со стула и быстро шагнул ко мне, но внезапно остановился и, растерянно посмотрел на доктора.

— Что случилось с глазами Рады?!

Врач отпустил ручку двери, за которую держался, собираясь выйти. Повернулся, подошёл снова к кровати и ответил:

— Ничего, у твоей сестры очень необыкновенный и красивый цвет. А что такое?

— Но у неё не было зелёных глаз, — возразил брат.

— Рада, а ты меня хорошо видишь? — встревожено спросил Виктор Михайлович.

— Да, конечно, — кивнула я.

— Ну, так бывает из-за перенесённого стресса. У людей происходят различные изменения. Скажу офтальмологу, чтобы проверил зрение твоей сестры. Я, во всяком случае, каких-либо патологий не вижу. Вполне возможно, что постепенно её цвет вернётся, и не стоит так трагически всё воспринимать, — успокоил он Митю.

Брат облегченно выдохнул, улыбнулся и подошёл ко мне. Присел на корточки и крепко обнял меня.

— Рада, как же ты нас всех напугала. Больше на озеро ни ногой, поняла? — нарочито строгим голосом сказал он.

Я лишь сильнее прижалась к нему и шмыгнула носом.

— Никогда-никогда, обещаю. Мить, а мама где?

Брат погладил меня по голове.

— Мама сегодня приедет вместе Аней. Она должна была сменить меня здесь. Но раз доктор сказал, что тебя скоро выпишут, то ей уже необязательно оставаться в больнице.

— Митя, а что с Ирой и другими? — спросила я его, и почему-то повеяло холодом, и моя кожа покрылась противными мурашками.

— Ты знаешь, да?! Откуда?

Я тяжело вздохнула, посмотрев на белую стену, и призналась:

— Случайно услышала разговор медсестёр, что ты меня нашёл. А их до сих пор ищут.

— Успокойся, сестрёнка! Сделанного не воротишь, только странно: вы же хорошо плавали. Как такое могло случиться?!

Только я подумала поделиться с Митей своими сомнениями и догадками, как в палату вошли два врача и медсестра. Нам пришлось прервать разговор до следующего раза.

Офтальмолог долго и тщательно осматривал мои глаза. Потом сказал, что ничего противоестественного не находит.

Виктор Михайлович объявил, что держать меня долго в больнице не имеет смысла. Если в течение двух дней не будет ухудшения, то, скорее всего, меня отпустят домой.

В этот же день меня перевели в общую палату. Когда приехали мама и сестра, я находилась одна в шестиместной комнате. Огромное давящее помещение с неизменно белыми стенами, очень высоким потолком и большими окнами. Одинокая лампочка тускло светила где-то под самым потолком.

Дверь с тихим скрипом отворилась. Вошли мама и Анна.

— Ну, привет, утопленница! — язвительно поздоровалась сестра. — Всех на ноги подняла, не стыдно?! А теперь сидишь, сама невинность.

Мама медленно повернулась к Анне и негромко, но строго сказала:

— Замолчи сейчас же! Это тебе должно быть стыдно, Аня! Рада болеет, а ты смеешь так говорить!

Сестра лишь опустила голову, чтобы мама не увидела её злую мину, и глубоко вздохнула.

— Мамочка приехала! — на всю палату вскрикнула я, и голос мой эхом прокатился по пустой палате.

Спрыгнув со скрипучей кровати, я кинулась к ней, прижалась и обняла за талию.

— Мамочка, я по тебе скучала! — со слезами в голосе прошептала я.

Позади меня раздались шаги Мити. Мама обняла нас обоих и рассказала:

— Мы, как только узнали, что Рада очнулась, сразу собрались к вам и приехали. Ну, и как вы здесь без меня? Что доктор говорит?

— Да всё нормально. Вот только глаза... — Брат запнулся.

— Что?! Неужто Радка окосела? — опять язвительно подколола сестра и рассмеялась. — Вот будет потеха!

Если бы тогда я обладала своими способностями в полной мере, то Анна не сошла бы с места живой. Настолько разозлённой и обиженной я была в тот момент. Оторвавшись от мамы, я

пристально посмотрела на неё. Продолжая смеяться, она поймала мой взгляд. Веселье резко оборвалось, сестра в испуге шарахнулась от меня.

— Она... она... — запинаясь, пыталась она что-то сказать. — Ведьма! Как бабка Верка из соседней деревни. Это она и утопила подружек.

Мама прикрикнула на Анну:

— Опомнись, дочка! Как ты можешь говорить про сестру такое! Замолчи!

Но та не унималась, всё повторяя:

— Ведьма, это она их убила. Теперь я сестра ведьмы. Кто же меня замуж возьмёт?

Лишь когда Митя подошёл к ней, дал ей затрещину, истерика прекратилась. Она замолчала, но все продолжила с ненавистью смотреть на меня.

Глава 5

Позднее мне много раз несло в спину это слово — ведьма... Оно следовало за мной, как чума или проклятие. Но тогда было обиднее всего, ведь впервые его произнесла моя родная сестра. И именно с того переломного момента началась моя новая жизнь. Но поняла это я значительно позже, когда между мной и остальными людьми образовалась пропасть. И хотя мама попыталась защищать меня от нападок Анны и не показывала страха, я чувствовала и её отчуждение тоже.

Заставив себя разжать руки, я отошла от сестры и непривычным, лишённым всяких эмоций голосом произнесла:

— Аня, ты с ума сошла, да? Я твоя сестра, ты знаешь меня с рождения. Какая ещё ведьма?!

Митя положил свою руку мне на плечо, в знак поддержки. Его доброта и искренность окутали, словно одеяло, помогли снять холод. Сестра же, заметив такое отношение Мити ко мне, разозлилась пуще прежнего.

— Ты мне не сестра! — прокричала она на всю палату. — Рада умерла! А ты всех утопила, ведьма! Бедная моя сестричка, как же теперь мы без неё?! Я не буду жить с этой... — Она запнулась, а потом продолжила причитать: — Ой-ё-ёй!.. И на кого ты нас покинула?!

Глядя на спектакль, устроенный Анной, я невероятным усилием воли подавила дикое желание рассмеяться. Если бы не заглянувший в палату на шум доктор, даже не знаю, чем бы закончилась эта семейная встреча.

Вбежавший врач растерянно посмотрел на истерящую сестру и громко велел:

— Это ещё что за спектакль?! Немедленно вон из помещения! Я-то думал, что вы приедете поддержать ребёнка, а вы устроили балаган! Вон, я сказал!

Притихшие родственники в ту же секунду

выскочили за дверь и аккуратно прикрыли ее за собой.

— Ну, а ты почему стоишь босиком на холодном полу? Марш в кровать ложись, простудишься! — отчитал меня доктор.

Повернувшись спиной к Виктору Михайловичу, я машинально подошла к кровати. Молча забралась в нее, укуталась в одеяло, подтягивая колени и прижимаясь к ним лбом. На Митю я тоже не смотрела. Слышала лишь, как доктор сказал тому:

— М-да-а-а... Судя по тому, что я слышал здесь, трудно будет Раде жить в вашей семье. Чего только стоит одна эта девица-истеричка! Она не оставит твою сестру в покое. Даже не знаю, что посоветовать... Но в такой обстановке долго она не выдержит.

Стиснув до боли зубы, я продолжала молча сидеть, глядя на противоположную стену. Такое чувство, словно тогда во мне умерло что-то светлое, а место его заняли холодная пустота и безразличие. Больше я не прислушивалась к их разговору, очнулась, когда тёплые руки брата сжали мои плечи.

— Рада, ты чего? Плачешь что ли?

Я мотнула головой и спросила:

— Мить, а ты видел ту женщину, про которую говорила Анна?

Он провёл рукой по моим растрёпанным волосам и ответил:

— Да, только не похожа она была на ведьму. Хотя все и болтали, что, дескать, она порчу на людей и скотину наводит. А сами по ночам втихаря бегали к ней за помощью. Даже наша мама ходила, ещё до твоего рождения.

Я удивлённо посмотрела на брата.

— Расскажи, что знаешь, пожалуйста! — попросила я.

Он пожал плечами и глубоко вздохнул.

— Знаешь, Рада, наш отец не всегда был таким. Раньше он не пил и был очень хорошим. Но потом пошли слухи, что отец гуляет с кем-то из соседней деревни. Маме соседки-доброжелательницы донесли сплетни, и она долго ругалась и выясняла, с кем. В конце концов, наверное, узнала, потому что однажды пошла к этой знахарке. Пробыла она там до самого вечера. Вернулась домой вся заплаканная, несколько дней ни с кем не разговаривала. Потом, вроде, всё наладилось, только отец стал пропадать с друзьями и приходиться домой пьяным. Затем родилась ты, и отец окончательно запил. Стал таким, каким ты его знаешь, — поведал мне брат.

— Ты думаешь, что это она с отцом сделала?

— Не знаю, но Анька тоже знает эту историю. Поэтому и бесится. Года два назад мы

возвращались с ней из школы и случайно встретились с этой бабкой на дороге. Так Анна словно свихнулась, накинулась на женщину с руганью. А та только стояла и смотрела на неё с укором, затем развернулась и ушла. На прощание сказала: «Какая же ты, девка, злая. Нельзя так с людьми разговаривать, а то всех женихов распугаешь». Так Анька чуть с кулаками на беднягу не накинулась, вовремя успел её перехватить. А вот бабка та остановилась, повернулась к нам, покачала головой и, блеснув колдовскими глазами, ушла. Сестра всю дорогу от злости тряслась и боялась, что та её сглазила.

— Мить, я что — так уж на неё похожа?

Он в недоумении посмотрел на меня и переспросил:

— На кого похожа?

— Ну, на ту ведьму.

Брат искренне рассмеялся.

— Нет, только цвет глаз такой же. Мне так даже больше нравится! А ты не слушай Аньку, завидует она тебе.

Я не поверила своим ушам.

— Как это?! С чего вдруг в ней зависть проснулась?

— Ой, Радка! Какая ты ещё маленькая... Не понимаешь, что она конкуренции боится. Вот подрастёшь — поймёшь, — ответил брат с

улыбкой.

Мои скандальные родственники так больше и не появились в больнице. Через два дня, как и обещал Виктор Михайлович, меня выписали. Сев с братом в выдавший виды пыльный автобус, мы отправились домой. Подпрыгивая на каждом ухабе, раскачиваясь из стороны в сторону, набитый под завязку людьми, автобус медленно полз по грунтовой дороге. Я сидела рядом с братом и ловила на себе взгляды любопытных пассажиров. Чувствовала себя очень неуютно.

С другого конца автобуса к нам протиснулась женщина лет сорока в ярком цветастом платье и лёгкой газовой косынке на голове.

— Митя, ты что ль? Ой, еле узнала! Давно хотела увидеть вас. Ну, как вы там поживаете? — с интересом стала расспрашивать она брата.

Он лишь растерянно смотрел и явно не узнавал разговорчивую женщину.

— Я Раиса! — догадавшись о затруднении Мити, представилась она. — Вы с Таней, мамкой твоей, были у меня в гостях, правда, давно уже, лет десять прошло.

Брат медленно кивнул, наверное, что-то припоминая.

— А ты что делал в районе? — полюбопытствовала она. — Кто это с тобой?

Митя крепко обнял меня и ответил:

— Сестрёнка моя. Она болела и лежала в больнице, теперь мы едем обратно домой.

Раиса слегка нахмурилась и, недовольно скривив губы, высказалась:

— Нда... Странная мать у тебя, парень. Я конечно понимаю: работа, хозяйство, семья большая и деток много, но, чтобы за девочкой вместо матери или сестры ухаживал взрослый парень... не видала. Да ладно, это не моё дело. Передавай от меня привет Татьяне, скажи, может, на днях заскочу к вам.

Она развернулась и пошла к выходу. У самой двери снова остановилась и окинула нас пристальным взглядом. А потом махнула на прощание рукой и вышла.

— Митя, а кто это? Знаешь её? — спросила я брата.

Он растерянно взъерошил свои короткие светлые волосы.

— Смутно... Мне тогда лет восемь было. Как раз в разгар скандала с отцом мама ездила искать знахарку, и я за ней увязался. Она к этой Раисе и пошла, та ей и рассказала, как и где найти знахарку. Оказалось, они давние подруги, а мама-то уши и развесила, слушая рассказы про чудеса, которые ведьма творит. Вот и пошла она со мной к домику на краю села, я-то на улице остался. Ну, а остальное ты знаешь...

Дальнейшая наша поездка прошла без приключений. На конечной остановке мы вышли из автобуса и привычной дорогой направились домой, даже не догадываясь, какой сюрприз нас там поджидает.

Деревенька встретила нас странно. Люди, попадавшие навстречу, испуганно шарахались в сторону и шептались, показывая на меня пальцами. Я же остро ощущала их агрессию и страх, теснее прижималась к брату, чувствуя приближение чего-то неотвратимого.

Возле дома мы стали свидетелями настоящего спектакля в исполнении Анны. Мало того, что та за эти дни не уgomонилась, так вдобавок ещё и всех деревенских настроила против меня. Она бегала по двору с истерическими воплями и разбрасывала мои вещи.

— Ой, люди добрые! Да что же это делается?! Эта ведьма, — тыкала она в меня пальцем, продолжая причитать, — не моя сестра! Она вселилась и забрала душу бедной Радочки! Лежит теперь та на дне озера, вместе с подружками... Как я буду жить рядом с этой... — Она показательно перекрестилась. — Пускай идёт, куда хочет! Мама, слышишь, выбирай, или она остаётся или я!

Глядя на это представление, я впадала во все больший ступор. Пройдя по двору, спокойно собрала свои вещи и направилась в дом. Лишь на

пороге обернулась и сказала:

— Ань, прекрати спектакль, а то ведёшь себя как буйно помешанная. Так тебя точно замуж не возьмут. Зачем кому-то жена-истеричка?

Она даже растерялась от таких слов. Сначала покраснела, затем побледнела и напоследок, плюнув в толпу зевак, пробежала мимо меня в дом.

Глава 6

Продолжая стоять с вещами на пороге, я слышала, как Митя сказал толпе зевак:

— Расходитесь по домам, представление окончено, и продолжения не будет.

Через открытую дверь сладко запахло яблочным вареньем. Войдя в дом, я с порога посмотрела на маму, которая суежилась над печкой и намеренно (ведь скандал, устроенный Анной, слышали все) не замечала моего присутствия, на заставленный банками со свежим вареньем стол... В глаза бросился маленький стаканчик с подснежниками. Застыв, я вспомнила тот странный сон и слова женщины, что это её подарок.

Мимо пробежала младшая сестра Алёнка. Остановив её, я тихим голосом спросила:

— Откуда цветы?

Она добродушно улыбнулась щербатым ртом и, гордясь собой, ответила:

— Их нашла я, на полянке недалеко от озера. Правда чудо?!

— Да, уж, — не отрывая взгляда от белых цветов, согласилась я.

Тут уже невольно задумалась над словами Анны: может она права? Даже как-то не по себе стало: неужели действительно ведьма?

Кто-то с силой толкнул входную дверь, так что она шарахнулась о стену. Послышалось шарканье ног, скрип стула и жалобное позвякивание банок с вареньем. Чертыханья донеслись до меня из соседней комнаты, за которыми последовал горестный вздох мамы. Вот и отец вернулся. Теперь уж мне точно покоя не видать.

— Мать! А что у нас за представление было? Полдеревни судачит, будто в моей семье ведьма завелась! — заговорил отец, а я напряглась всем телом.

Тут из другой комнаты раздался голос неугомонной сестры:

— И правильно говорят! Это не Радка, я так всем и рассказала.

— Так это ты слухи разносишь?! — громыхнул отец. — Да как у тебя язык повернулся болтать такое о Раде?! Ежели ещё раз услышу, не обижайся! Пока я здесь хозяин, не позволю, чтобы из моего дома мусор выносили! — шарахнул он

ладонью по столешнице, и банки снова угрожающе звякнули. — Татьяна, угомони свою дочь, а не то я сам пропишу ей «успокоительное»!

— Но, папа... — начала было возмущаться Анна.

— Так! Ты мне ещё перечить будешь?! — повысил голос отец.

Раздались торопливые шаги и еле слышный шёпот мамы, которая пыталась внушить что-то сестре.

— Рада, иди сюда, дочка, — позвал отец.

Неспешно встав с кровати, потупив взгляд, я медленно вышла к нему. Подошла вплотную и ждала, что будет дальше. Отец приподнял мой опущенный подбородок своей большой загорелой рукой и спросил:

— Дочка, ты что-то натворила?

Я увидела перед собой безмерно уставшего человека с потухшим взором и ранней сединой в кудрявых волосах. Густые тёмные брови, карие глаза и глубокие морщины вокруг них, крупный с горбинкой нос. Неопрятная щетина скрывала нижнюю половину лица.

— Нет, ничего, папа.

— Тогда не опускай глаз, раз тебе нечего бояться. Пускай другие прячутся, а моя дочь должна ходить с высоко поднятой головой. Так всегда говорила твоя прабабка, и ещё одно...

Договорить он не успел — на кухню влетела запыхавшаяся Анна с очередными обвинениями.

— Ты зачем украла мой золотой крестик?!

Опешив от неожиданности, я только растеряно смотрела на неё и молчала.

— Отдай! А то хуже будет!

— Он мне ни к чему, да и не знаю я, где ты его положила, — ответила я.

— Крестик лежал на тумбочке, а туда заходила только ты. Больше никто не возьмёт. Верни, по-хорошему прошу!

— Зачем он мне? Не брала я чужого, тем более твоих вещей.

Но она не унималась, продолжала кричать. Тогда отец собой заслонил меня от сестры.

— Анька! Прекрати обвинять Радугу. Уйди, не доводи до греха.

Лишь бы прекратить перебранку, я сорвала с шеи шнурок, на котором болтался крестик, и кинула его на стол со словами:

— Не знаю, кто взял твой. Вот, возьми мой на замену. От золота лишь зло и раздор.

Она явно не ожидала такого поворота и растеряно смотрела на лежащий на столе крест. Затем опомнилась и протянула руку со словами:

— Зачем ведьме крест? Она же в Бога не верит, — ухмыльнулась она и взяла его.

На пороге появился Митя, таща за собой

упирающуюся и ревущую в три ручья Алёнку.

— Вот, смотрите, что я у неё нашёл.

В протянутой ладони брата лежал крестик Анны. Увидев свою вещь, она накинулась на и без того плачущую сестрёнку.

— Ах ты, поганка мелкая! Вы только посмотрите на неё! Украла и ещё ревет! Ну, я тебе сейчас задам, чтобы в следующий раз знала, как чужое брать!

Сказав это, она попыталась вытащить малявку из-за спины Мити. Но брат не дал ей ударить Алёнку, перехватил руку.

— Коль сама виновата, незачем на других пенять. Убирать надо свои побрякушки, чтобы потом на невинных людей в следующий раз напраслину не наводить, — сказал он и отпустил её.

Вся бледная от злости, сестра круто развернулась и опрометью выскочила с комнаты, напоследок хлопнув со всей силы дверью.

Все безмолвно застыли, не решаясь что-либо сказать. Потом нас ждал сюрприз, даже два. Сначала отец молча прошёл в их мамой спальню и вышел оттуда с коробочкой. Он обратился ко мне со словами:

— Рада, раз ты отдала ей без сожаления свой оберег... — взглядом показал он в сторону ушедшей Анны. — Я давно хотел тебе подарить одну вещь, которую мне оставила родственница с

тем условием, что когда-нибудь я отдам её своей дочке.

Он протянул мне открытую коробочку, в которой лежал серебряный перстень в виде бабочки с усыпанным зелёными камешками крылом. В ажурных лапках бабочка держала такой же камешек, только большего размера.

— Это кольцо принадлежало моей прабабушке, она его никогда не снимала с пальца. Лишь когда умирала, подозвала меня к себе и отдала. А золото действительно приносит одно зло.

Я, как зачарованная, смотрела на кольцо. Мне казалось, что оно само просится на палец. Оно оказалось удивительно легким и, к моему огорчению, слишком большим. Но отец и эту проблему решил — взял разорванный шнурок от крестика, продел его сквозь перстень и повесил вместо кулона мне на шею со словами:

— Носи его, дочка. Оно старинное и принесёт тебе счастье. Не обращай внимания на все сплетни и слухи, они просто завидуют. Ты у меня вырастешь красавицей, — сказал он и впервые по-отечески обнял и поцеловал в щёку, слегка уколов её колючей щетиной.

А вот мама не поделила всеобщей радости и восхищения. Она раздражённо хмыкнула, заявив:

— Надо же... не пропил эту железяку. Я-то думала, его и в помине уже нет. Твоя прабабка тоже

была ещё той «знахаркой», и Радка, видно, в неё пошла. Кому, как не ей, носить эту ведьмину вещицу. Видно судьба у неё такая, пошла в тебя и эту твою... — Тут она осеклась, всплеснула руками, будто сболтнула лишнего, и тяжело присела на ближайшую табуретку.

Отец нахмурился и сказал:

— Вовсе это не железо, а настоящее серебро и камешки не простые — изумруды. Я ум свой пока ещё не пропил. Так что, Рада, береги перстень, память обо мне будет. А теперь, дети, выйдите на улицу, погуляйте, нам с вашей мамкой поговорить надо наедине.

Мы все заторопились во двор. Последнее, что я расслышала, была фраза отца:

— Ну, вот, Татьяна, теперь мы одни. Говори, что собиралась. Хватит недомолвками бросаться, рассказывай...

Наша троица молча уселась на крыльце, и лишь Алёнка порывалась пойти обратно к родителям, но Митя её остановил:

— Не нужно, пускай поговорят.

Сестра побежала играть к подружкам, а мы так и остались на ступеньках.

Митя со вздохом обнял меня, протянул какую-то бумажку и произнёс:

— Час назад приходил почтальон и принес мне повестку. Через два дня в армию. Хотел сказать

всем, но сейчас это ни к чему. После сообщу.

Я прижалась к брату. Душу охватила такая беспробудная тоска, хоть вой! Изо всех сил старалась сдерживать слёзы, но они всё равно прорвались сквозь закрытые глаза, и тоненькими ручейками потекли по лицу.

— Что ты плачешь? Перестань мокроту разводить, а то вон, смотри, на дворе тоже дождик заплакал. Только светило солнышко и вдруг туча, — пошутил Митя. — Видишь, погода испортилась, глядя на тебя.

Раздались торопливые шаги, и на крыльцо сначала выскочил отец с диким выражением на лице, а следом за ним выбежала голосящая мама.

— Петя, пожалуйста, остановись! Прости меня, ради Христа. Не знаю, что тогда нашло на меня! Вернись! — крикнула она и попыталась схватить его за локоть.

Но отец был явно не в себе — отдёргнул с брезгливостью руку, сорвался с места и без оглядки убежал.

Мама зарыдала, а мы с Митей подскочили к ней. Но она лишь оттолкнула меня и прошептала:

— Это ты во всём виновата, ведьмино отродье!

В её голосе было столько ненависти, что мне показалось, как среди знойного лета повеяло зимней стужей.

— Мама! Рада твоя дочка, как ты можешь такое говорить?! — возмутился Митя.

— Она вовсе и не дочь! Пусть идёт куда хочет. Видеть её больше не могу в своём доме! Всё из-за неё и этой ведьмы, сил моих больше нет!

А я застыла, не в силах произнести даже слова. Всё смотрела на мать и не понимала, что делать. Все происходило, как в дурном сне. Кажется, вот-вот проснёшься, и все изменится. Но, увы, это был не сон.

— Да что же сегодня происходит?! Все сразу с ума сошли?! Мама, опомнись! Куда Рада пойдёт, ей всего девять лет! — выходя из себя, прокричал брат.

— Ничего, найдёт, где жить! Такая, как она, не пропадёт! Анечка права оказалась, давно надо было это сделать. А я-то, глупая, боялась...

Не в силах больше слушать этот бред, я направилась в дом за одеждой.

— Нет! — Окрик матери остановил меня. — Не входи, сама вынесу вещи.

Меня вновь окутало безразличие ко всему. Словно находилась под наркозом. Боли не было, но я знала, что она вернется потом и начнет терзать меня с удвоенной силой.

Как назло, в этот самый момент появилась сестра и, правильно оценив ситуацию, решила вмешаться.

— Правильно, мамочка. Выгнать её со двора, нам она не родня. Ещё сглазит или наколдует такое, век не отмоешься.

Её слова настолько задели меня, что безразличие как ветром сдуло. Повернувшись к ней и пристально глядя в глаза, я отчетливо произнесла:

— Ты везде кричишь, мол, я ведьма. А сама-то не больно боишься меня. Вот возьму и сделаю что-нибудь тебе за это.

Анна резко побледнела от страха и бросилась в дом за матерью с причитаниями:

— Ой, мамочки! Теперь точно сглазит, замуж никто не возьмёт!

Лишь пожав плечами на такую реакцию, я рассмеялась и спросила брата:

— Мить, как ты считаешь, она действительно так думает или прикидывается?

Не успел он ответить, как с моими пожитками появилась родительница и, кинув их на крыльцо, приказала:

— Убирайся со двора немедленно, и не тронь сестру!

Я склонилась, подобрала одежду, и пошла к забору. Брат окликнул меня почти у калитки.

— Рада, подожди меня.

Он тоже шёл с охапкой одежды, а мать с порога крикнула:

— Митя, ты куда идёшь, сынок? Ты что

делаешь, одумайся! Она же ведьма, во всём виновата.

Брат повернул голову и ответил:

— Ухожу я от вас, мама. Рада, пойдём отсюда. А они пускай остаются с миром. Хотя, это надо посмотреть, кто тут ведьма. Уж, скорее вы с Анной.

Он обнял меня за плечи и, взяв из рук мои вещи, пошёл прочь из родного дома, не оглядываясь. А я, заглянув в его серьёзное лицо, спросила:

— Куда же мы идём? Где жить будем?

Он ободряюще подмигнул мне и ответил:

— В ведьмин дом пойдём, не выгонит он своих родственников. Много раз пытались его подпалить местные, а он стоит, как заговорённый. Наверное, нас все это время дожидался.

Глава 7

Мы медленно брели по мокрой дороге, под сеющим, больше похожим на туман, летним дождем. Я закинула голову, подставляя лицо невесомым каплям. Несмотря на все то, что произошло, в душе моей поселились покой и лёгкость. Казалось, ещё совсем чуть-чуть и от дуновения ветерка я невесомым пёрышком воспарю к облакам. Кто-то из классиков сказал, что «Детство — это пора, когда все несчастья кажутся

проходящими и быстро забываются». Не знаю, так ли это, но мои переживания точно отошли на второй план. Но лишь на время, чтобы в самый неподходящий момент напомнить о себе. Но это случилось позже, а пока, шагая рядом с братом, в промокшей одежде, неизвестно куда, я была обычным ребёнком, которому хотелось приключений. От этих эмоций слегка кружилась голова, и я не осознавала, что возврата к старой жизни не будет.

Мы прошли несколько километров, прежде чем на окраине соседнего села показался одиноко стоящий, аккуратный кирпичный дом. Сразу за ним начинался тёмный лес.

Низенький деревянный забор окружал палисадник, калитка была распахнута, словно приглашая войти. Ведьмин дом рождал во мне странное чувство — словно я, наконец-то, добралась до желанной цели. Возникало ощущение чего-то родного, и от этого сердце в груди гулко стучало, радуясь. Чем ближе становился дом, тем сильнее хотелось побежать к нему. Что я и сделала. У самой калитки остановилась и оглянулась на идущего позади брата, не решаясь ступить во двор одна. Видя мои нетерпение и нерешительность, он прибавил шаг.

— Ну вот, сестрёнка, наконец-то мы пришли сюда. Надеюсь, нас отсюда не выгонят, —

улыбнулся Митя. — После смерти и похорон бабы Веры, все жители бежали сюда с намерением разорить дом и спалить. Так их даже к забору не пустило — ветер такой поднялся, что еле ноги унесли. Теперь стороной обходят, лишней раз даже смотреть боятся в его сторону...

Затаив дыхание, слушала я рассказ брата и мысленно удивлялась, откуда он так много, ведь он находился со мной всё это время...

Внимательно рассматривая дворик, с изумлением отметила, что ни он, ни дом, оставшийся без хозяйки, не выглядели заброшенными.

— Митя, а откуда ты всё знаешь про это место?

— Да, мне Ванька рассказал, помнишь его?

В памяти всплыл образ высокого неуклюжего паренька.

Я кивнула.

— Так вот, он был здесь. Думал что-нибудь стащить. Но когда понял, чем дело оборачивается, первым удрал. Сам мне потом рассказывал, причём в красках и лицах. Но тогда я не особо вслушивался в его болтовню. Санёк тот ещё врун. Ладно, пошли уже. Вроде бы ураганов и потопов не наблюдается, значит, нас ждут. Вон, и калитка приоткрыта, словно приглашают, — пошутил брат и легонько подтолкнул меня в спину.

Под ногами зашуршали мелкие камешки, устилавшие дорожку, ведущую к дому. Я прислушивалась к царившей вокруг нереальной тишине. Казалось, сама природа присматривается ко мне. Даже птицы и те притихли.

Когда я коснулась дверной ручки, из-за туч выглянуло солнце, и дождь сразу же прекратился. Подул тёплый летний ветерок. Намокшая одежда неприятно холодила тело. Видя мою нерешительность, Митя поднялся на крыльцо, потеснил меня плечом и распахнул дверь. Я очень удивилась, что она оказалась незапертой.

— Проходи, а то ещё простудишься. Чем тогда я буду тебя лечить, а?! Да и печку затопить надо, наши пожитки высушить.

Дом встретил смесью запахов трав и затхлости давно нетопленного помещения. Половица под моей ногой тихо скрипнула, и на миг показалось, что в доме кто-то — будто этот кто-то ворчливо охнул.

— Митя, ты слышал?... — встревожено прошептала я.

Он отрицательно покачал головой и сказал:

— Сестрёнка, здесь нет никого, кроме нас. Это просто старый дом скрипит. Не бойся! Проходи и располагайся.

Он первый снял обувь и босиком прошёл на кухню, оставляя за собой следы на пыльном полу. Я

двинулась за ним, рассматривая обстановку. Наглухо закрытые ставни почти не пропускали дневной свет, лишь тоненькие лучики просачивались в комнаты. Деревянный резной сервант ломился от посуды. На окнах домотканые занавески с цветной вышивкой. Под потолком натянута бельевая веревка с гирляндами сушеных грибов и пучков трав. Заметив в углу веник с совком, я решительно закатала рукава блузы, свернула дорожки и взялась подметать полы.

Митя нашёл вёдра в сенях и отправился за водой. Вернулся он быстро и радостно сообщил, что на границе с лесом есть колодец.

Голод нам тоже не грозил — я нашла припасённые прежней хозяйкой и аккуратно расставленные пакеты с крупой. В подполе нашлась картошка, лук, мука и несколько банок с закрутками на зиму. Из найденных продуктов я с легкостью сварганила суп.

А когда мы в серванте обнаружили чай и сахар, то радости не было предела.

За суетой мы не заметили, как наступил вечер. Мы зажгли старинную керосиновую лампу, сидели за столом разговаривали. Митя со взрослым видом бывалого раздавал советы и наставления. Я, стараясь сохранять серьёзный вид, кивала, соглашаясь со всеми его идеями. Постепенно усталость брала свое, и брат заметил это.

— Ну, что, Рада, вижу, у тебя уже глаза слипаются. Пора на боковую...

В соседней с кухней маленькой комнатке, где заранее застелила постель, я надеялась легко уснуть. Но сон не спешил приходить. Лёжа на скрипучей чужой кровати и настороженно вслушиваясь в ночную тишину, я долго расслаблялась, пока не впала в дремоту. Внезапно к ноге прикоснулось что-то тёплое. Сквозь дрему мне показалось, что это что-то живое и пушистое, явно стремящееся погреться. Но я сразу же вспомнила, что в доме нет животных. От этой мысли мне стало жутко. Лежала с закрытыми глазами, не в силах даже пальцем шевельнуть. На ум пришла фраза с давнего рассказа одной пожилой женщины: «Если кто-то почувствует ночью, что к нему прижимается живое и мягкое, но не кошка, нужно мысленно спросить: «К добру или ко злу?»» Что я и сделала незамедлительно.

Тут же в голове прозвучал странный голос, полудетский, полустарческий:

— К добру, молодая хозяйка. Ой, к добру!

Тогда я поняла, с кем разговариваю, и продолжила мысленный диалог:

— Что, погреться пришёл?

— Да, молодая хозяйка. Погреться... замёрз я без человеческого тепла. Ой, как замёрз! — проворчал домовой. — Старая-то хозяйка померла.

Да и наказывала, чтобы я охранял дом от «худых» людей. А без тепла не могу я долго жить. Вот ты пришла, я и решил чуток погреться.

— Ладно, только брата не тронь. И отпусти меня, а то устала лежать неподвижно.

Тут же оцепенение как рукой сняло, тот же голос стал извиняться:

— Прости меня, старого! Совсем одичал без общения, а за брата не изволь беспокоиться. Даже и в мыслях дурного не было, чай я не зверь. Мы с понятием, хоть и нечисть.

Усмехнувшись, я закрыла глаза и повернулась на другой бок. Почти сразу уснула. Снилось мне Вера. Сидела она за столом напротив меня и беседовала.

— Здравствуй, Рада. Вижу, ты уже познакомилась с Никодимычем.

Я в недоумении пожала плечами, и спросила:

— А кто это, Никодимывич?

— Как, он даже не представился?! — возмутилась та. — Так, а ну, иди-ка сюда! Ты что ж это творишь? Совсем от рук отбился... Думаешь, если девочка не знает правил, можно и наглеть?! Иди сюда, старый ворчун.

Тут из-за печки, кряхтя и ойкая, появился маленький человечек в длинной вышитой рубаше и широких штанах в полоску. Седой, как лунь, длинная борода доставала ему до колен. Он отвесил

нам поясной поклон, чем вызвал у меня желание дотронуться до него и проверить, настоящий ли.

— Итак, Никодим, слушаю тебя внимательно, — строго сказала Вера, сурово нахмурившись.

— Я это... хозяйка... — замялся Никодим, потупил взгляд и зашаркал ногой. — Неудобно было ночью со знакомствами лезть.

— Говоришь, неудобно?! — продолжала возмущаться она. — В кровать к девочке лезть погреться удобно, а представиться постеснялся?!

Домовой вдруг упал на колени, утратив всю важность и, слёзно заглядывая в глаза прежней хозяйке, запричитал:

— Ой, прости ты меня, старого! Не хотел я обидеть ребёнка. Что хошь для тебя сделаю, только не наказывай!..

Продолжая молча смотреть на это представление, я не вмешивалась в чужой спектакль. Взглянув на Веру, заметила, несмотря на её попытки сохранить суровый вид, как она старательно прячет улыбку.

— Ну, ладно, будет тебе, Никодим. Прощаю, на этот раз. А ежели будешь баламутить, то тогда не обессудь, я быстро найду на тебя управу.

Он мгновенно вскочил на короткие ножки и отряхнул штаны, важно прошёлся по кухне, чем вызвал у нас дружный смех.

— А теперь, Рада, пойдём. Нам пора заняться делами. — и решительно встала из-за стола Вера, взяв меня за руку.

Казалось, я даже моргнуть не успела, как мы очутились на той же поляне, что и в прошлый раз.

— Что мы будем здесь делать? — не удержалась я от любопытства.

Она внимательно посмотрела на меня и ответила:

— Ты будешь стоять молча, что бы не происходило. А я буду делать заговор на посвящение тебя в знахарки, хватит время тянуть зря.

Мы оказались в незнакомом помещении, кругом горели свечи, и в воздухе витал запах травами. Бабушка стояла ко мне лицом, смотрела мне в глаза и тихо шептала диковинные слова:

— Силы небесные призываю вас в свидетели и вас духи земные.

Беру вас в свидетели последней воли моей, подчинитесь мне!

Желаю передать свой дар Радмиле, возьмите его и пересилите в неё!

Приказываю вам я ведунья в семи поколениях Вера!

И тот же миг по комнате, словно тёплый ветерок пролетел, обдал меня горячим дыханием, разом потушив все горящие свечи, испарился,

будто и не было его вовсе. Всё погрузилось во тьму. А на душе стало легко, будто весь мой вес разом исчез, и на одно мгновение показалось, что отрываюсь от пола. Словно у меня за спиной выросли невесомые крылышки, которые и подняли меня ввысь.

Глава 8

На следующий день я, по привычке, проснулась рано. Переодевшись в высохшие за ночь вещи, принялась готовить завтрак. Через некоторое время услышала смутно знакомый женский голос. Выйдя за порог, увидела нашу недавнюю попутчицу Раису. Она стояла возле калитки, не решаясь в неё войти. Я взмахом руки пригласила её пройти со мной в дом. Женщина явно нервничала, её пальцы беспокойно теребили бахрому цветастого платка.

— Здравствуй, Рада! — озираясь, произнесла она. — Не знаю, помнишь ли ты меня?...

— Конечно, я помню вас. Вчера мы ехали с вами в автобусе. Что-то случилось, раз вы пришли в такую рань?

Она положила руки на стол и начала разговор:

— Да, я по делу, девонька. Твоя мать, Татьяна, попросила меня кое-что передать тебе на словах.

Женщина замолчала, явно не решаясь

продолжать.

— Говорите, что вас просили передать, — подбодрила ее я.

Раиса глубоко вздохнула и решительно произнесла:

— Она просила передать, чтобы ты никогда не смела появляться у их дома и даже забыла о семье. В свою очередь Татьяна пообещала раз в неделю передавать продукты и одежду через Алёнку, — выпалила женщина на одном дыхании.

От такого унижения захотелось крикнуть, что я и сама от них ничего ни приму. Но вспомнила о брате и о том, что, к сожалению, без посторонней помощи вряд ли проживу одна зимой, которая в наших краях наступала рано и длилась по полгода. Припасов надолго не хватит. Денег на покупку продуктов нет. Пришлось запрятать гордость до лучших времён.

— Раиса, передайте им, я согласна, — скрепя сердце, кивнула я. Заметив, что непрощенная гостья не торопится уходить, спросила: — Вы ещё что-то хотите от меня?

— Хочу... — потупила та взгляд. — Ты, наверное, не понимаешь поступков Татьяны. Я же знаю эту историю с самого начала и поведаю тебе всё. Только выслушай меня, не перебивая, хорошо?

Я молча кивнула и приготовилась слушать.

— Так вот, всё началось ещё задолго до твоего

рождения, когда Пётр влюбился в дочь ведьмы. Да-да, не удивляйся. У неё была дочка, красавица. Все окрестные парни засматривались на неё, но в зятя к ведьме идти не хотели. Тогда и стали ходить слухи о твоём отце и Варьке (так звали её). Когда Татьяна узнала об этом, то пришла к ведьме умолять оставить мужа в покое. Та ей поставила одно условие, если ей так нужен муж... Его свободу в обмен на жизнь ещё не рождённого ребёнка. Сказала, что Татьяна беременна и родит мертвого младенца. Пообещала, что дочь оставит Петра в покое при одном условии: подменить своего мертвого на живого новорождённого. Взяла с неё слово, что та будет любить и воспитывать этого ребёнка. Ежели она этого не сделает, то Пётр уйдёт из дому. Без помощи акушерки в этом подсудном деле нельзя было обойтись, вот подружка и попросила меня помочь. Я в то время работала в районной больнице, роды принимала и ради счастья Татьяны пошла на подлог. Но Варька (упокой её душу) померла при родах, а вышло так, что рожали они в одно время, и подменить мне детей удалось чисто. Никто даже не заподозрил! В эту ночь все свободные врачи были заняты в операционных, неподалёку от нас случилась страшная авария и всех кинули туда. В гинекологии осталась я, да старая полуслепая нянечка, — сделав паузу, Раиса отхлебнула воды из стоящего поблизости стакана.

При этом рука её дрожала, как у пьяной. Отдышавшись, она продолжила: — В то время мы обе обрадовались, что все так гладко вышло. Но отец твой, узнав о смерти ведьминой дочери, впал в уныние и запил по страшному. А ведь до того капли в рот не брал. Видно, шибко она его к себе привязала, даже после смерти не отпустила. Ты на неё всё больше походить стала, только глаза от бабки достались. У твоей-то матери они тёмные были...

Слушала я её с нескрываемым интересом, в какой-то степени, понимая теперь странное отношение мамы. Воспитывать чужого ребёнка, а тем более дочку соперницы (пускай даже мёртвой), большое испытание. Но вот за что меня невзлюбила Анна, оставалось секретом.

— Всё шло хорошо, только Татьяна с той поры перестала со мной общаться. В гости не заходила и нос воротила, как от чумной. А вот мне, уже несколько месяцев, снится Варька... Станет над кроватью и смотрит с укором, дескать всех обманули и радуетесь. Подсунули чужое дитя и не вспоминаете. Совесть меня совсем замучила, бессонница одолела. Прости меня, ради Христа, Рада! Грешница я великая! Прости! — и она сползла со стула, бухнулась передо мною на колени.

Опешив от неожиданности, я в изумлении

смотрела несколько секунд на женщину, не испытывая зла. Опомнилась, вскочила с табурета и спокойным голосом попросила:

— Поднимитесь немедленно! Вы передо мною не виноваты. Наоборот, я должна сказать вам спасибо.

Раиса растерянно посмотрела на меня и спросила:

— Мне?! Это за что спасибо-то?

— Да, вам. За семью, которая у меня была. А вот у кого вам нужно просить прощения, так это у покойной Варвары. Идите в церковь и поставьте свечку за упокой её души и просите у неё прощения за ваш обман.

Откуда взялись эти слова в голове, не знаю. Но произносила я их уверенно, как умудрённый опытом человек, а не девятилетний ребёнок.

Раиса, не веря своим глазам, растерянно взирала на меня с высоты своего роста. Затем, вытерев заплаканное лицо ладонями, спросила:

— Так ты меня прощаешь? Серьёзно? И зла не держишь?

Я лишь грустно улыбнулась и подтвердила:

— Да, прощаю. Идите с миром.

— Блаженная, как есть блаженная! Все остальные, после такого признания, возненавидели бы, прокляли и выгнали бы меня взашей. А ты простила! — изумилась она.

Я лишь пожала плечами.

— Что толку от злобы, ведь всё равно прошлого изменить нельзя. И вся округа благодаря моей сес... — тут я запнулась на секунду, продолжила: — Анне, будет звать меня ведьмой. Хотя, до сих пор не понимаю, за что она так моментально вспылала ко мне ненавистью.

Женщина уже собиралась уйди, но услышав мои слова, вернулась и ошарашила словами:

— Как?! Ты ещё не знаешь?! Ревнует она тебя!

Я растерялась от этих слов.

— Не может быть! Она с ума сошла?! С чего вдруг? К кому?

— Нет, девонька. Твоя сестрица в своём уме, к сожалению. Может, знаешь парня по имени Андрей, ну, он недавно из армии вернулся?

Я смутно припомнила... Высокий, темноволосый, со светлыми глазами, проходил несколько раз под нашими окнами.

— Да, помню. Ну, и что?

— Так вот, Анна в него влюбилась, стала за ним бегать. Он возьми, да и ляпни, мол, не люба ты мне Анька, а вот на ком бы женился, так на вашей Радке. Красавицей она у вас будет! Вот обожду годочков пять-шесть и возьму её в жёны. А теперь представь, каково было слышать такое Аньке?!

— О, Боже мой! Вы-то это откуда знаете?! —

с раздражением спросила я, всплеснув руками.

— Сама слышала, как Андрюшка сказывал моему сыночку Грише. Они приятели с детства. Это как раз перед твоим утоплением было, а потом и того хуже стало. Как Анька приехала от вас из больницы злющая, стала всем сказывать, что, мол, ведьма в тебя вселилась и утопила всех подружек. Их родители на тебя уж больно злые были, а как сплетню услышали, сразу поверили ей. Не хотят знать, что дети по своей глупости утонули.

От всего слышанного у меня в горле пересохло. Оказывается, дела обстоят ещё хуже, чем мы с братом думали. Намного хуже, и надежды на затишье нет. Скорее наоборот, слухи будут расти, как снежный ком.

— А почему вы не верите Анне? — с трудом сглотнув, спросила я.

Она рассмеялась.

— Я знала Веру и, несмотря на слухи, что разносили наши бабы, она никому в жизни не сделала зла. Тем более, после смерти. Ты очень сильно на неё похожа, поэтому и верят Анькиному вранью. Трудно будет тебе, девонька, жить здесь. Но так думаю, характером ты в свою бабку пошла, а она сильная была. Упокой её душу с миром, Господи! Ладно, засиделась я у тебя, пойду домой. Не провожай. Дорогу найду сама. Так положено.

Она вышла в коридор, не оглянувшись.

Я вернулась к приготовлению завтрака, но мыслями была далеко. От всех этих новостей на душе становилось только хуже.

Итак, всё в моей недолгой жизни оказалась обманом. Семья, мама и сестра... Только один Митя остался. Он меня любую примет и поймёт, несмотря ни на что. И тогда я дала себе слово, чтобы ни случилось дальше, брат навсегда останется для меня главным человеком. Ради него я пойду на любые жертвы. Он единственный, самый родной мне в целом свете, дороже которого нет и не будет.

Глубоко задумавшись, я не заметила, как вошел брат. Вздрогнула, когда он заговорил:

— Доброе утро, сестрёнка! Как вкусно пахнет! А кто приходил? Я вроде слышал женский голос...

Я улыбнулась, повернулась к нему лицом.

— Доброе, Митя! Приходила наша попутчица, Раиса. Только не надо делать вид, что ты не расслышал наш разговор.

Он шагнул ко мне и крепко прижал к себе.

— Да, ты права. Слышал всё, но для меня ничего не изменилось от её правды. Рада? — он приподнял моё лицо, заставляя посмотреть ему в глаза, и продолжил: — Ты моя сестра, и никто никогда этого не изменит! Слышишь?!

Я закивала, как китайский болванчик.

— Митечка! И ты для меня тоже самый-самый лучший и дорогой брат на целой земле, — проговорила я осипшим голосом.

Он вытер большим пальцем одинокую слезинку, катившуюся по моей щеке, и подбодрил:

— Не нужно плакать! Ведь у нас всё хорошо, правда?! Рада, пообещай мне быть сильной и выстоять назло всем, пока меня не будет с тобой. Обещай! — потребовал он.

— Обещаю, братик! — шмыгнув носом, ответила я.

Удовлетворённый моими словами, он успокаивающе провёл рукой по моим волосам и сменил тему:

— Что так вкусно пахнет? Показывай, чем будешь кормить.

Шагнув к столу, опустился на стул.

— Сегодня я пойду за остальными вещами, надо и твои забрать заодно, — принялся он делиться планами. — Ты только не ходи со мной. Судя по словам этой Раисы, родители твоих потонувших подружек жаждут разобраться с тобой. Меня они не тронут, не бойся. Потом дров наколоть на всю зиму и сложить поближе, а то замёрзнешь, пока сама из сарая принесёшь...

Митя неспешно рассуждал, непроизвольно размахивая вилкой, с наколотым на неё кусочком жареной картошки.

После завтрака, как и обещал, брат отправился за оставшимися вещами в наш бывший дом. С его уходом какое-то смутное чувство тревоги зрело во мне. Я пыталась сосредоточиться на домашних делах. Но, увы, тревога не уходила, а только крепла. Да и Мити уже три часа, как не было.

Выйдя из дому на дорогу, я вглядывалась вдаль, ожидая появления знакомого силуэта. Но его все не было. Тогда я решила нарушить обещание и пошла навстречу брату. Через какое-то время я добралась до окраины деревушки. Ещё издали я разглядела людей, столпившихся около забора нашего дома. Чем ближе подходила, тем яснее слышала ругань. Родители моих погибших подруг спорили с отцом и братом.

Глава 9

Даже не задумываясь о последствиях, я побежала и протиснулась сквозь толпу. Сразу же оказалась в центре скандала. Увидела искажённые злобой постаревшие от горя знакомые лица.

— А вот и ведьма пришла! — обрадованно воскликнула тётя Лена, мама Гали. — Ты-то нам и нужна! Что моя девочка тебе сделала? Зачем Рада, ответь! Почему, они утонули, а ты жива?!

— Не знаю, что там произошло, — честно призналась я. — Они мои подружки, мы хотели

пойти домой. Но Галя предложила искупаться напоследок...

Договорить мне не дали. Женщина явно не намерена была выслушивать мои оправдания и, всхлипывая, принялась упрекать:

— Да, как же тебе не стыдно, а?! Моя Галочка вообще не собиралась с вами идти! Вы её подбили к этому... — она заплакала, закрыв лицо руками.

— Лена! Как ты можешь так говорить?! Ирочка ни в чём не виновата! Она всегда слушала твою дочку! — причитая, вмешалась тётя Маша, мама ещё одной подружки.

Тут же началась перепалка между родителями, выясняющими, кто кого подбил на купание. Я слушала их скандал и, на душе становилось всё хуже и хуже. Лишь теперь я до конца осознала, что мои подруги мертвы. От этого на глаза навернулись слёзы, и горло перехватило, ели сдержав рыдания.

Я так бы и дальше продолжала стоять и слушать, если бы брат не дернул меня за рукав и не показал знаками, что пора уходить. Продвигались маленькими шажками, старались не привлекать к себе внимания. В воздухе уже пахло потасовкой, когда нам удалось незаметно вырваться из окружения.

Мы стремглав бросились напрямик через лес, не останавливаясь до самого дома. От

переполняющих эмоций и страха сердце казалось, вот-вот выскочит из груди. Лишь на краю леса, когда показался наш дом, я позволила себе прислониться к дереву и отдышаться.

— Ух! Надо же, получилось! — всё ещё задыхаясь от быстрого бега, проговорил Митя. — Всё шло к тому, что нас побьют. Я чуть с ума не сошёл, когда увидел тебя. Подумал, теперь точно потасовки не избежать. Ты мне слово дала сидеть дома, а сама что?!

Я рассмеялась от пьянящего чувства свободы. Голова слегка кружилась, а колени так и вовсе подкашивались.

— Ага, если бы я продолжала сидеть и ждать, вас бы точно побили! Да положи ты уже эту котомку! Бежал с ней в обнимку, еле догнала, — всё так же смеясь, выговаривала я брату.

Неподалёку раздался треск, и птицы, потревоженные звуком, взмыли ввысь, возмущенно крича. Мы с Митей замерли, всматриваясь в тёмно-зелёную стену из елей. Хруст следующей сломанной ветки заставил нас стремительно подняться на ноги и броситься бегом к дому. Только за калиткой, не сговариваясь, обернулись. Каково же было наше изумление, когда на краю леса показалась рыжевато-коричневая шкура лося.

Я нервно хихикнула, а брат ухмыльнулся и сказал:

— М-да, сестрёнка! Правду говорят, что «у страха глаза велики». Надо же испугаться мирного животного. Ладно, пошли домой.

Дома, придя себя, каждый занялся своими делами. Брат колот дрова на зиму, а я разбирала принесённые им вещи. Незаметно за заботами наступил тихий вечер.

Мы сели на порожке, обнявшись. Митя тяжело вздохнул:

— Жаль тебя, сестрёнка, оставлять одну. Но ничего ни поделаешь, от армии не убежишь. Это всего лишь на два года. Потерпишь? Я верю в тебя, Рада. Ты глупостей делать не будешь?

Я отрицательно покачала головой.

— Вот и хорошо, — улыбнулся он. — Думаю, справишься. Еда на первое время есть, одежда тоже. Дров я нарубил много, надолго хватит. Сложил их в коридоре, тебе и выходить зимой лишний раз на мороз нет нужды. Только жди меня, и я вернусь, — подмигнул он. — А время быстро пролетит, не заметишь, как.

На улице стремительно темнело, и меня одолела зевота. Заметив, как старательно я пытаюсь держать глаза открытыми, брат подхватил меня на руки и отнес в кровать. За день я так вымоталась, что не заметила, как уснула.

На этот раз сон больше напоминал сказку.

Оказавшись на лесной поляне, освещённой множеством разных по размеру свечей, расставленных по кругу, я увидела Веру в белом одеянии. Она тоже заметила меня и махнула рукой, приглашая пройти в большой очерченный круг. В нем стояли табурет и чашей, наполненная до краёв водой.

Я вошла в круг. Вера стояла в нескольких шагах от меня, но не приближалась. На вытянутых руках она держала какую-то книгу в старинном переплёте. Её распущенные чёрные волосы обдувал лёгкий ветерок, еле заметно шевеля их.

Я хотела заговорить с ней, но Вера приложила палец к своим губам, призывая к молчанию.

— Рада, теперь ты знаешь, почему я выбрала тебя. В нашей семье дар целительства передаётся по женской линии испокон веков. Твоей матери, моей дочке, он не передался, а вот в тебе он очень сильный. Я это знала задолго до рождения Варвары, поэтому учить её было бессмысленно. Теперь пришло время для первого твоего испытания. Ничего не бойся, я хочу, чтобы ты не страшилась неизвестности и смерти и это твоё первое испытание. Стой молча пока я буду читать. Отвечай на мои вопросы и не бойся. Всё что ты увидишь в отражении этой чаши, исполнится, как бы мы ни старались этого избежать. Смотри на воду, внучка.

Я смотрела на воду, вслушиваясь в странные

слова заклинания. В отражении появлялись лица людей, они лежали в гробах. А Вера задавала мне вопросы:

— Кто это?

Если человек был мне знаком, называла его имя. Сначала люди были разные: пожилые, наши соседи, родственники, даже отец. А вот потом стали появляться молодые незнакомые парни, но, как ни странно, зрелище меня не пугало. Догадалась, что бабушка перед началом действия прочла заговор от страха.

От очередного отражения, дыхание перехватило у меня в груди. Я видела Митю.

— Кто это? — спросила в очередной раз Вера.

— Митя?! Но как? Он же живой! — воскликнула я.

— Да, сейчас он жив. Но всё люди смертны, и он тоже умрёт в своё время. Ты не должна бояться смерти, она часть жизни. Продолжим!..

По инерции я отвечала на вопросы, но мысленно обдумывала её слова. Даже когда в чаше появилось моё отражение, этот факт прошёл вскользь, не затронул душу. Без содрогания ответила бабушке:

— Это я.

— Ну, вот и всё на сегодня. Поутру, когда проводишь брата, ты должна будешь пойти в комнату, где спит Митя. Там под кроватью есть не

прибитая половица. Отодвинь её и возьми книгу. Её содержание выучишь наизусть. Чтобы, даже поднявшись ночью, смогла без запинки произнести любой заговор. А теперь отпускаю тебя, внучка. Но иногда буду приходить к тебе и журить за промахи или хвалить за удачи.

С этими словами она подошла ко мне, перешагнув границу круга, поцеловала в щёку и исчезла.

Наутро я вспомнила сон. Пообещала себе изучить магию, сделать всё возможное, чтобы пророческое видение на счёт Мити не сбылось. Защитить его от всех бед и несчастий, стало единственной целью, ради которой я была готова на любые жертвы.

Оставшись одна, я сделала над собой усилие, чтобы не разрыдаться, и вспомнила о книге. Ноги сами понесли меня в комнату Мити. Действительно, под кроватью обнаружилась не прибитая дощечка, а под ней тайник. Просунув руку, нащупала холодный, металлический переплёт. А вот вытащить её оказалось делом трудным. Ободрав кисть об доски пола, с невероятным усилием, с третьей попытки, вытащила книгу.

Такие фолианты я до того видела только в исторических фильмах. Сгорая от любопытства, схватила книгу в охапку и побежала на кухню. Аккуратно положила ее на чистую скатерть,

расстегнула замок и откинула тяжёлую крышку. На первой странице лежал сложенный вчетверо обычный тетрадный листок. Развернув его, я прочла следующее:

«Здравствуй, внучка! Жаль, что встретиться в этой жизни нам не удалось. Ну, да ладно. Наверняка ты сгораешь от любопытства и нетерпения прочитать эту книгу. Всё тебе сейчас знать не нужно, пока ко всем тайнам доступ закрыт. Я приняла меры предосторожности. Но ты будешь взрослеть, и сила твоя будет крепнуть. В книге будут появляться все новые заговоры. Рада, будь внимательна к произносимым словам, когда помогаешь людям! Порой одно неверное слово меняет весь смысл заговора! Не произноси их на автомате, вкладывай душу, представляй того человека, которому помогаешь. И ещё одно предостережение. Умоляю, никогда не наводи порчу насмерть! Это опасно! В первую очередь для тебя — сделанное тобою зло, вернётся, как бумеранг, в двойном размере! Вот и всё, что я хотела тебе сказать, внучка.

Пс. Береги книгу, она имеет ценность для тебя! Чужие, даже если заглянут в неё, ничего прочесть не смогут».

Отложив письмо, я принялась осторожно перелистывать пожелтевшие от времени страницы с диковинными буквами и непонятными рисунками.

Но были тексты, которые читались легко. Они давались с пояснениями, что нужно для этого и в какой день недели можно их применять.

Взяв приготовленную для школы общую тетрадку и ручку, я стала переписывать всё то, что могла прочесть. Заговоры были разные: от сглаза, от боли, привороты, лечение разных болезней...

Потянулись однообразные дни, наполненные школьными проблемами... Все прежние друзья сторонились и игнорировали меня. Учителя, терзаемые навязчивым любопытством, пытались выяснить, почему я проживаю одна.

Тёплые дни сменялись осенней прохладой. Тропинка, по которой каждый день приходилось ходить в школу, становилась с каждым днём всё более яркой от осенней листвы. Затем и листья осыпались, укрывая землю пестрым ковром. Они тихо шуршали под ногами, навевая грусть и тоску по чему-то несбыточному.

Незаметно подкралась зима... И однажды утром, выглянув в окно, я увидела первый снег, за ночь накрывший белым покрывалом землю.

Наконец, люди оставили меня в покое, наедине с собой. Учёба давалась легко и помогала мне не одичать окончательно от недостатка общения. Бабушкина наука сначала с трудом, постепенно всё больше затягивала меня в неизведанный, странный, даже иногда пугающий,

мир. Туда я уходила от всех проблем, ненависти, злости и пороков. Это была сказка без конца, которую хочется читать запоем и невозможно оторваться.

Митя писал редко, но все его письма для меня были, как долгожданный подарок. Он старался смягчить свой рассказ о тяготах службы, но ему плохо это удавалось. Я знала, что служит он в разведгруппе спецназа, в самом разгаре боевых действий в Чечне.

Глава 10

Там была настоящая война, с убитыми и искалеченными молодыми парнями, ещё толком не знающими жизни. В свои девятнадцать-двадцать лет они с изломанной психикой возвращались домой (кому, так сказать, «повезло» уцелеть) не нужные никому, кроме несчастных родителей. Оставались наедине со своими не проходящими душевными травмами от увиденного на войне. Изувеченные тела мёртвых друзей, с которыми они, ещё каких-нибудь полчаса назад, разговаривали, курили, смеялись никак не выходили из памяти.

Я это знала не столько из писем брата, сколько благодаря набиравшему силу дару и тому, что начавшие приходить ко мне за помощью родственники таких людей приводили с собой этих

несчастливых, измученных ночными кошмарами. Дотрагиваясь до них, я глубоко погружалась и видела их глазами все зверства, боль, грязь, негатив и всепоглощающее жгучее желание отомстить за всех. Эти чувства сродни гигантской чёрной дыре, поглощающей всё живое на своём пути — у испытавших такое отсутствовала жажда жизни. Смех, радость, даже любовь проходили мимо, если и задевали, то могли вызвать только агрессию. Я старалась помочь смириться с потерей, забыть, простить себя, изгнать мнимую вину за бессилие. После таких пациентов я по нескольку дней прибывала в подавленном настроении. Апатичность, как неизвестный вирус, передавалась мне, проникала под кожу.

В такие дни хотелось только одного — забраться в постель, свернуться клубочком под одеялом и забыться сном. Но такую роскошь я не могла себе позволить, приходилось насильно заставлять себя заниматься обычными делами. Да и о главной цели — спасти Митю, невозможно было забыть. Все подходящие разговоры шли вход для защиты брата от бед.

Постепенно, благодаря своим способностям, ко мне с разными проблемами стали обращаться не только жители близлежащих деревушек, но и заезжие пациенты из города. В основном дамы, желающие узнать про «увлечения» своих мужей

или приворожить любовников, которые отказывались от брака с ними.

Далеко не за всё я бралась, какие бы методы убеждения и мольбы о помощи не звучали от женщин. Старалась убедить отказаться, ведь это навсегда, а приворожённому помимо воли человеку придётся мучиться всю жизнь. Тем более, если это насаждённая любовь с одной стороны сродни медленному убийству. Вмешиваясь в судьбу, против воли привязывая мужчину к себе, они тем самым совершали насилие и сокращали его жизнь. Некоторых удавалось отговорить от необдуманных поступков, но попадались и другие, которые в угоду своих капризов хотели подкупить меня с помощью больших денег. С ними разговор был короткий, твёрдое «нет» и настоятельная просьба больше не беспокоить.

Однажды, в середине зимы, возвращаясь знакомой тропинкой домой, издали заметила группу деревенских мальчишек. Они сгрудились вокруг небольшого сугроба и громко о чём-то спорили. Я намеревалась пройти мимо, но услышав некоторые обрывочные фразы, остановилась и внимательно присмотрелась к этому сугробу. На вершине его копошилось что-то маленькое, какое-то темное пятно. Я приблизилась настолько, чтобы внимательнее рассмотреть объект повышенного интереса. Тут один из мальчишек:

местный хулиган, отбежал на десяток шагов и стал кидать снежки в направлении этого пятна, явно пытаясь попасть в цель под одобрительные возгласы толпы. Непонятный комочек, обсыпанный снегом от падавших рядом с ним снарядов, попытался убежать, но застряв в глубоком и мокрому сугробе, жалобно запищал.

Вот тогда я поняла, что этот непонятный зверёк всего лишь крохотный бездомный котёнок, над которым ради потехи издевались эти малолетки. Не теряя больше времени, даже не задумываясь о последствиях, со всей силы швырнула в эту шайку свой портфель и помчалась выручать беспомощное животное.

Раздались возмущённые возгласы, тех в кого попал мой «снаряд», но увидев, кто его запустил, все виновники сначала оторопели, а потом убежали в рассыпную с криками:

— Ведьма! Ведьма! — эхом раздавалось в зимнем, морозном лесу.

Лишь один хулиган попытался сопротивляться и не побежал с остальными. Кинул в меня снежком, думая этим испугать. Наивный, зря так поступил.

Разозлившись ещё больше, я кинулась на него с кулаками, не видя перед собой растерянного, выше меня на целую голову парня, со всей злости ударила ему в глаз. Потом схватила за ухо, как

нашкодившего щенка, заставила наклониться к моему лицу и, зло прищурившись, прошипела:

— Ещё раз увижу, что вы мучаете бедных зверюшек, прокляну! Ясно?!

— Д...да! — заикаясь, крикнул в ответ он.

— Смотри, если обманешь, плохо тебе будет. Понял меня?! — спросила я строгим голосом.

Парнишка усиленно закивал чубатой головой, шапка валялась рядом с ним, в ногах. Слетела она от энергичной оплеухи, которой я его «наградила» для закрепления обещания.

— А теперь скройся с глаз, чтоб больше не видела вашу компанию здесь! — выпуская его пурпурно-красное ухо, велела я.

Он, бледный от страха, пулей бросился от меня в сторону и забыл свой головной убор. Отряхнув пальто, склонилась над мокрым, дрожащим от холода и страха котёнком. Темная шёрстка непонятного цвета намочла от попыток маленького животного слизать снег. Взяв на руки шипящий комочек, не задумываясь, расстегнула верх пальто и сунула сопротивляющегося котёнка себе за пазуху. Придерживая ворот, быстро подхватила со снега портфель и побежала домой.

Едва открыв дверь и вступив на порог, мыслях раздалось недовольное ворчание Никодима:

— Хозяйка, тебе самой есть нечего, а ты ещё один рот притащила. Зачем, он нужен?

— Помолчи, Никодим! — вслух приказала домовому. — Он теперь будет жить с нами, не смей его обижать. Его чуть не убили местные хулиганы, вон, видишь, как, бедненький, дрожит.

Котёнок, которого я вытащила из пальто, стоял на полу, смешно пошатываясь на маленьких лапках. Совсем ещё малыш, от силы месяца три.

Быстро скинула верхнюю одежду и, схватив первое попавшееся под руку полотенце, принялась его вытирать.

Скрипнула входная дверь, из коридора женский голос позвал:

— Рада? Ты дома?!

— Да! Проходите сюда, пожалуйста, — пригласила нежданную гостью я.

Вошедшая женщина, была маленького роста, одетая в ватную телогрейку и пуховый платок, пожилая, лет шестидесяти, с румяным от мороза лицом. Морщинистый лоб, прямые брови, водянисто-серые глаза, вздёрнутый нос и тонкие губы. Серафима Егоровна или бабка Сима, как все местные её звали, частенько обращалась ко мне за помощью в лечении животных, которых она любила больше, чем людей. Слыла среди деревенских скандалисткой, охочей за чужими секретами и сплетницей невероятной. Стоило кому-нибудь на одном краю чихнуть, как уже на другой стороне деревни бабка Сима говорила:

«Будь здоров, милочк».

Но ко мне она относилась с непонятым уважением и даже защищала в спорах с «доброжелателями».

— Добрый день, Серафима Егоровна. Что случилось у вас? — поздоровавшись, спросила я у неугомонной женщины.

— Ой! Радочка, беда у меня! Захворала моя любимица козочка Роза. Ничего ни ест, только лежит да стонет бедняжечка. Помоги, а?

— Конечно, сейчас пойдём. Посмотрим, что с вашей Розой случилось, — согласилась я, поднялась со стула. Закутала котёнка в сухую тряпку, положила поближе к печке на плетеное кресло.

— Откуда ты взяла котёночка? — спросила любопытная старушка.

— Да в лесу отбила у мальчишек. Вон, смотрите, как боится. До сих пор трясётся, как осиновый лист.

— Ах, они ироды! Ни про что обидели беззащитную животинку, — рассерженно сказала женщина. — Я вот им покажу в следующий раз, как издеваться над слабыми! Надолго запомнят бабу Симу эти нелюди.

— Серафима Егоровна, идёмте, — произнесла я, заново одеваясь.

Мысленно

приказала

Никодиму

присматривать за новым жильцом и не пугать по чём зря.

Вышла вслед за своей посетительницей за околицу, обернувшись, закрыла на задвижку калитку.

Идти не очень далеко, мы уже почти добрались до нужного двора, когда нам навстречу, чуть ли не бегом, направилась средних лет женщина в модной короткой песцовой шубе и высоких сапогах. Завидев нас, прибавила шагу и остановила окриком:

— А ну, стоять! — запыхавшись, приказала она и сразу накинулась на меня с какими-то обвинениями. — Эй ты, оборванка, верни моему сыну шапку, а то я в милицию заявлю. Немедленно.

Я растерянно слушала её, не понимая, чего она хочет. Зато шедшая со мной старушка сразу кинулась в бой.

— Надька, придержи коней! Это тебе твой оболтус-сыночек сказки рассказал? Да по нему самому комната милиции плачет. Он же изверг. Моему коту Барсику этот* изверг привязал к хвосту банку консервную и отпустил. Я за бедным животным полдня бегала по всей деревне, насилу поймала. Так что, иди куда шла, подобру-поздорову, и не трогай Раду!

— Пока она не вернёт Вовочке шапку, я с места не двинусь! — упёрлась скандалистка.

Только теперь я поняла, кто она такая. Это родительница того паренька, который мучил ни в чём не повинное животное и потерял шапку, когда убежал от меня.

— Извините, но ничью шапку я не брала. Пускай ваш Вовочка меньше делает гадостей людям. И не к чему запугивать меня. А его вещи валяются там, где он их оставил, нечего других обвинять в своих грехах, — высказалась я и, развернувшись, пошла по накатанной, скользкой от подтаявшего на солнце снега, дорожке, придерживаясь за забор.

Вслед мне посыпались такие отборные ругательства, что даже пьяные мужчины их не произносили от стыда.

Спустя некоторое время, вся запыхавшись, догнала меня старушка и рассказала продолжение этого «разговора». Мать этого хулигана, оказывается, работала в администрации нашего района и не привыкла к правде о своём ненаглядном сыночке. Пообещала натравить на «строптивную малолетнюю мошенницу» органы опеки. Но я, к сожалению, не придавала этим словам никакого внимания, мало ли что говорят в пылу гнева. В тот момент меня больше занимала проблема заболевшей козы Серафимы Егоровны, чем пустые угрозы очередной истерички.

Уже вечером, возвратившись домой с полным

бидоном молока, который почти насильно всучила мне старушка за излеченное животное, вспомнила эти слова. И на душе заскребло неприятное чувство тревоги. Зря, конечно, я тогда не прислушалась к интуиции, но прошедшего вернуть нельзя...

Занявшись насущными делами, быстро позабыла все неприятности. Сварив кашу, я первый раз за целый день поела, накормив Мурку (так назвала найденного котёнка) села учить заданные в школе уроки. Свернувшись пушистым темно-серым клубочком у меня на коленях, тихо урчала спящая кошка. Придавая этим звуком умиротворение и покой, иногда прерываемый навязчиво-громким кукованием старинных настенных часов, висевших на противоположной стене и своим шумным тиканьем, мешавшими спать по ночам.

Так незаметно проходило время, и наступила долгожданная весна. А вот вместе с ней пришли ко мне и обещанные неприятности.

Тёплые майские дни наполняли воздух пьянящими ароматами трав, которые я собирала для целительства, развешивала пучки для просушки.

И когда меня в очередной раз позвали незнакомые голоса с улицы, не подозревая подвоха, я вышла.

Возле самой калитки стояли трое в строгих деловых костюмах. Двое мужчин и одна женщина, которая держала дипломат в согнутой руке.

— Девочка! Это ты, Радмила Селиванова?! — громко спросила она.

Я медленно кивнула в ответ.

— Вот и хорошо, а мы из опекунского совета. Пришли с тобой поговорить, — продолжила в том же тоне женщина. — Пригласи нас в дом, будет удобнее беседовать.

Мне ничего не оставалось, как позволить им войти.

Оглядывая внимательным взглядом помещение, они прошли через тёмный коридор и оказались в доме.

— А электричества у тебя нет? — брезгливо морща лицо, начал расспрашивать мужчина. — Как же ты одна живёшь?! Кто присматривает за тобой?! Да и вообще, невозможно проживать в таких условиях!

Чувство протеста начало пониматься во мне и грозило вырваться из-под контроля. Стараясь глубоко дышать, я кинулась в наступление.

— Живу я не одна, а с братом. Правда сейчас он отсутствует по уважительной причине. А чем вам не нравится этот дом? Он гораздо лучше предыдущего, если бы видели тот! Здесь чисто. Кстати, осторожнее, я только что помыла полы. Вы спрашивали, кто за мной присматривает. Так это... соседка. Зовут её Серафима Егоровна, могу позвать, если нужно.

Они, явно не ожидая такого отпора от маленькой девочки, отступили к дверям.

— Но мы бы хотели осмотреть помещение и условия проживания. Чем ты питаешься, во что одеваешься? — спросила опекунша, не желая сдаваться.

— Вы можете пройти, — кивком показала на женщину, нагнулась и специально вытащила из тумбочки старые, протёртые в нескольких местах, тапочки. — Только переобувайтесь, а то полы опять мыть из-за вас придётся, — сказала я, стараясь сохранить невозмутимое выражение на лице, видя их мины.

С тяжёлым вздохом смирения женщина сняла туфли и надела предложенную обувь. Она прошла вслед за мной к стоящим на печи кастрюлям. Подозрительно принюхиваясь к их содержанию, зачерпнула половником рисовую кашу. С осторожностью попробовав, в недоумении вскинула бровь.

— А еду тебе тоже соседка приносит?

— Нет, конечно. Сама готовлю, я же не инвалид, — рассмеявшись, ответила я и предложила. — Кушать будете?

— Спасибо, не хочу, — категорически отказалась женщина.

— Что ж, тогда продолжим инспекцию? — насмешливо проговорила я и жестом пригласила её

пройти в комнату брата.

И мы скрылись с глаз мужчин, которые всё так же стояли на пороге, почти не шевелясь, топтались на месте, иногда о чём-то перешёптывались.

Решив поддержать беседу и заодно узнать о «гостях» побольше, спросила:

— А вас как зовут?

— Ой! — спохватилась женщина. — Совсем из головы вылетело. Надо же, забыла представиться. Меня зовут Зоя Алексеевна. Я председатель опекунского совета.

Женщина протянула мне холёную, с красивым маникюром, руку. Едва услышав её должность, в голову пришла шальная мысль, попробовать воспользоваться своими способностями и мгновенно решила на этот риск.

Осторожно дотронулась до её кисти. Слегка пожав пальцы, я снизу вверх заглянула в тёмно-карие глаза и, не отпуская женщину, молча, приказала ей сесть на кровать...

Спустя минут пять мы, как ни в чём не бывало, вышли из комнаты. Они все сухо попрощались и ушли. Лишь когда проводила их со двора, позволила себе перевести дух.

С тех самых пор из той организации меня больше не беспокоили, вплоть до того момента, когда в нашу школу пришёл новый учитель.

Молодой, амбициозный тип. Он старался всем показать своё превосходство, выставив учеников неучами и лодырями. Но со мной это не выходило, что его раздражало и злило.

Случайно узнав, что я проживаю одна, учитель решил сделать из меня отстающую в развитии девочку, нуждающуюся в специальном обучении. Начал всячески придираться к выполненным домашним заданиям и жаловаться окружающим на моё отставание от школьной программы. Приходившие на уроки для контроля директор и завуч только разводили руками на его претензии, потому что не находили каких-либо отклонений.

Тогда Глеб Юрьевич (так звали учителя) решил наглядно доказать, что у меня нестабильная психика. Оставив под предлогом помощи, он просто стал наглым образом давить на нервы.

В конце концов, забившись в угол, я была готова сорваться и звать на помощь. Как вдруг дверь класса распахнулась, и на пороге появился человек, которого мне так давно хотелось увидеть.

— Митя! — обрадовано вскрикнула я, не обращая внимания на попытки учителя остановить, побежала к брату.

Брат присел на корточки. Пролетев расстояние, разделявшее нас, за секунду, я крепко обняла его за шею, прижавшись всем телом.

Где-то на грани сознания раздавался громкий голос Глеба Юрьевича:

— Селиванова! Сейчас же вернись, мы не закончили! — И хлопнул об столешницу пятернёй.

Митя посмотрел на меня сияющими небесно-голубыми глазами, обхватил руками моё худенькое тельце, встал и пристально посмотрел в сторону кричащего человека.

— Сестрёнка, я так рад тебя видеть, — сказал он и прижался шершавой щекой к моей. — Иди домой, а мне нужно с этим... — он сделал паузу и продолжил, — пообщаться. По какому праву он орёт и приказывает тебе?! Не бойся, я только поговорю с ним, — уверил он, подтолкнув меня к выходу.

С невероятным усилием я разжала свои объятия, быстро подхватила портфель и выскочила из класса. Последнее, что невольно удалось расслышать, была фраза разозлённого учителя:

— Да, кто ты такой? Врываешься в помещение, прерывая мою беседу с подопечной!

— Я — брат Рады! А вот теперь мы побеседуем без свидетелей. Что здесь творится? Ты приставал к моей сестре?!

Дальше я не стала подслушивать и побежала домой. Сердце гулко стучало в груди от радости, казалось, большего счастья не бывает.

Примерно через полчаса в коридоре

послышались тяжёлые шаги. В открытом дверном проёме показалась светлая, с короткими волосами, голова брата. Камуфляжная форма ярко выделялась на фоне выбеленных стен. Присмотревшись повнимательнее к его внешности, отметила, что он сильно изменился. Черты лица потеряли детскую наивность, стали более жёсткими и мужественными. Особенно взгляд, настороженно-внимательный, хоть он и старался улыбаться, но пережитое спрятать невозможно.

После проведённой Митей «беседы» с Глебом Юрьевичем, последний старался игнорировать мою персону и вообще перестал замечать.

Неделя отпуска, отпущенная брату, пролетела в одно мгновение. И вот снова прощание с ним рвало мою душу на части.

— Ну, волшебница! — он в шутку стал меня так называть, когда, увидел сколько людей приходило за помощью. — Мне пора ехать, а то опоздаю на поезд. Остался ещё один годик потерпеть тебе, и я вернусь. Обещай, что ты не будешь делать глупостей.

Я усиленно старалась изображать радость, кивала и соглашалась со всем. Хотя на самом деле хотелось разреветься в голос, по-звериному вцепиться в брата пальцами, не отпускать от себя. Увы, этого меньше всего заслужил Митя, поэтому, стиснув зубы, я продолжала сохранять на лице

улыбку.

Напоследок, он крепко прижал меня к себе и отпустил. Сел в подъехавший автобус и, помахав на прощание рукой в открытое наполовину стекло, уехал.

Опять потянулись однообразные дни, заполненные заботами и проблемами. Всё больше возрастало количество страждущих, ждущих моего дара, людей. Порой я начинала приём ранним утром, а заканчивала глубоко за полночь, не успев даже полноценно покушать, валилась на кровать в одежде, мгновенно засыпая.

Митя писал очень редко и скупо, а потом решил остаться в армии дольше. В нашей деревушке в то время работы совсем не осталось. Так что я, скрепя сердце, согласилась с его выбором, видя, как спиваются молодые парни от невозможности найти себе дело.

Брат высылал деньги, иногда вырывался со службы, привозя подарки. Но для меня лучшим из всех подарков был он сам. Его стараниями я окончила школу, но когда брат стал уговаривать меня поехать жить к нему, отказалась наотрез.

Каждый раз он пытался полушутя убедить меня поехать к нему жить. Говоря мне, что от такого уединения скоро совсем одичаю и буду, как снежный человек. На эти слова я только смеялась и показывала на толпу, которая день ото дня

становилась всё многолюднее.

Вот в один из таких редких приездов брата ко мне постучались. Занятая делом, я попросила его выйти к гостям. Он вышел, и в коридоре раздались возбуждённые голоса.

Глава 11

Спустя несколько минут в комнату вошли четыре человека, двое из которых были в милицейской форме. С ними рядом стояли мужчина и женщина средних лет. Она вся заплаканная с опухшим от слёз глазами, а её спутник дёрганный какой-то.

— Сестрёнка, это к тебе, — объяснил брат. — У них внучка пропала, приехала на каникулы из города и пошла с подружками в лес. Вечером дети вернулись, а вот их девочка нет. Они сначала пытались сами её искать, но не нашли. Утром заявили в милицию о поиске ребёнка, ищут уже три дня. Местные предложили обратиться к тебе.

Я растерялась, никогда в жизни ещё с поиском людей не сталкивалась. И даже понятия не имела, как это делается. Конечно, существовали призывные заговоры, но их нужно делать глубокой ночью. Но никакой гарантии в успехе нет, а время будет упущено.

Наверно   мои   сомнения   всё-таки

промелькнули на лице, потому что ждущие помощи совсем поникли. Но страдающая женщина решилась на отчаянный шаг, она опустилась передо мной на колени и хриплым голосом попросила:

— Помоги, молю тебя! — и разрыдалась, вздрагивая всем телом.

Очнувшись, я стремительно подскочила к несчастной. Подхватила её, заставила подняться с колен. Помогла сесть на стул и подала стакан с водой.

— Успокойтесь, пожалуйста! Как вас зовут? — спросила я.

От стресса женщина сначала даже не поняла вопроса, потом, всё ещё всхлипывая, ответила:

— Валентина Васильевна, можно просто тётя Валя.

— Тётя Валя, не знаю, что вам обо мне рассказывали, но поиском людей я никогда не занималась, — призналась я в своём бессилии.

А вот следующие слова женщины поразили:

— А ты, девонька, сделай так, как в одной передаче про экстрасенсов.

— Про кого?! — не поняв, переспросила я.

— Ну... экстрасенсов. Передача такая по телевизору идёт, там показывают людей со способностями и им дают различные задания. А когда нужно найти кого-нибудь, им дают фото человека. Они берут его в руки, чувствуют и

говорят то, что видят, — объяснила женщина. — И протянула мне фото со словами: — Попробуй, ведь хуже не будет. Может, и почувствуешь, где наша внученька находится.

Я очень сомневалась в этом эксперименте, но решила попробовать. Взяв фотографию, не глядя на изображение, зажала между ладонями и, закрыв глаза, попыталась что-то почувствовать.

Сначала от фото стало ощущаться исходящее тепло, потом очень тихо в мыслях зазвучало имя Алеся. Будто какая-то сила с нарастающей настойчивостью хотела показать ребёнка. И я увидела, как девочка лет шести-семи сидит на поваленном дереве и испуганно озирается по сторонам. Тёмные спутанные кудряшки, настоженные карие глаза, круглое личико. Одета в жёлтое платье, которое ярко выделяется на фоне тёмной зелени леса. Место показалось очень знакомым — эта дальняя поляна, на которой несколько дней назад собирала лечебные травы.

От радости и нетерпения я быстро заговорила, взяв переживавшую женщину за сжатую в кулак ладонь:

— Валентина Васильевна, скажите, Вашу внучку зовут Алеся?

— Да, — подтвердила она.

— А на ней было жёлтое платье? — продолжила расспрос я. — У Алеси тёмные волосы

и карие глаза?

— Да, а ты откуда знаешь? — удивлённо спросила она. — Ведь даже на фото не посмотрела. Почувствовала, да?

— Я видела вашу внучку, она жива. Правда, очень испугана, идёте. Теперь знаю, где надо искать, — ответила я, быстро поднявшись со стула.

Милиционер, стоящий до того момента молча, подал голос:

— Рада, если знаешь место нахождения ребёнка, расскажи. Мы сами её отыщем. Там в нашем распоряжении целая поисковая группа, ещё добровольцы из местных. Найдём пропавшую быстрее, чем ты. Только объясни, где искать.

Я весело посмотрела на этого «следопыта» и разъяснила:

— Это место вы днём с огнём не найдёте. Туда напрямик часа полтора хода, но это для меня. Вы полдня будите ходить вокруг и вряд ли разыщите полянку. Так что лучше, если на поиск я отправлюсь сама. За три часа найду и вернусь, в лесу я каждую травинку знаю. Надо поторопиться, пока девочка находится там.

— Ну, тогда давай мы довезём тебя до нужного места, — предложил он. — Мы на машине.

Согласившись на предложение, переобулась в лёгкие балетки и вышла вместе с Митей. Брат тоже

захотел поехать с нами, в старом милицейском «бобике» места мало и пришлось разделиться.

Мы с Валентиной Васильевной поехали первыми, а затем машина должна вернуться за остальными. Проехав деревушку, машина остановилась возле толпящихся людей, которые пришли помогать в поиске. Выгрузив нас и вкратце пояснив ситуацию, водитель поехал обратно за оставшимися.

Стараясь не терять драгоценного времени, попросила у спасателя фляжку с водой для девочки и отправилась в путь. Шла я самым быстрым шагом, какой позволяла дремучая тайга. Мысленно старалась не потерять тот ели заметный тёплый поток энергии, который вёл меня к искомой цели.

Этот незримый поток становился всё теплее и ощутимей по мере приближения к поляне, как в детской игре «тепло — холодно». Стоило чуть-чуть отклониться от намеченной цели, как ощущение слабело. Приходилось снова ловить его, возвращаясь обратно.

Довольно быстро добравшись до нужного места и, чтобы не испугать своим неожиданным появлением ребёнка, стала звать девочку по имени:

— Алеся! Алеся-я-я, отзовись! Ау!

Постаралась вслушаться в звуки леса, может, повезёт услышать хоть какой-нибудь отзвук похожий на голос. И вздрогнула всем телом от

радости, когда совсем близко раздался тоненький детский голосок:

— Ау! Я здесь! Помогите!

Кинулась в сторону раздавшегося ответа, и разглядела неподалёку жёлтое пятно. Продолжая звать ребёнка, я подбежала к потерянному ребёнку.

— Привет, Алесья! Я пришла за тобой! Пойдём, отведу тебя к бабушке. Она ищет, переживает и не только она, а ещё много людей!

Девочка внимательно рассматривала меня, потом спросила:

— Ты кто?

— Я — Рада! Твоя бабушка попросила найти тебя. Хочешь попить?

Она с радостью протянула по-детски тонкую ручку к фляжке, открутив пробку, я отдала ей воду. С жадностью девочка кинулась пить. Когда она вдоволь напилась, мы неспешно отправились в обратный путь. Всю дорогу Алесья любопытно расспрашивала меня о том, как я нашла её и как это получилось.

Заметив усталость своей попутчицы, предложила сделать маленький привал. Остановившись, мы присели на ближайшее поваленное дерево. Не много отдохнув, продолжили идти сквозь густой, поросший молодым папоротником, лес.

Уже в конце, увидев, что Алесья шагает не так

бодро, я подхватила ребёнка на руки и быстро преодолела остальное расстояние.

Выйдя на окраину опушки, где нас уже с нетерпением дожидались, отпустила девочку на землю и помахала людям, привлекая их внимание.

— Беги быстрее, Алесья. Там тебя бабушка ждёт, — с улыбкой сказала я.

Та сорвалась с места и стремглав помчалась навстречу женщине, которая уже бежала к нам...

Обрадованная Валентина Васильевна предлагала нам ехать с ними. Обещала устроить праздник на радостях, но я отказалась. Сославшись на странную усталость, неожиданно одолевшую и клонившую в сон.

Мне пришлось сделать усилие над собой и не заснуть прямо в машине, которая везла нас с братом домой.

Попрощавшись с водителем и, покачиваясь от слабости, я прошла в дом. Едва добравшись до кровати, не раздеваясь, легла. Укрывшись одеялом, подтянула согнутые колени к подбородку, свернулась клубочком и моментально провалилась в забытьё.

Мне впервые приснился отец, но выглядел он иначе, чем всегда. Молодой, красивый, со счастливым блеском во взоре. Он присел на мою кровать, улыбнулся и начал монолог:

— Ну, здравствуй, дочка. Я пришёл к тебе повидаться на прощание. Какая ты стала взрослая, красавица! Очень похожа на Варю, любил я её сильно. Поэтому и запил, не смог смириться с потерей любимой. Казалось, становится легче, когда выпью, забывалась боль. Хочу попросить тебя, прости и не держи зла. Плохой из меня вышел отец. Ухожу я к Вареньке, вот и всё. Не поминай лихом, будь счастлива, Рада!

— Папа, что ты такое говоришь! — возмутилась я. — Почему прощаешься?

Он молча встал, повернулся спиной и ушёл без оглядки.

В ту же секунду я проснулась от своего крика, подскочила на кровати, резко села и стала озираться в поиске отца.

Сердце сжималось от осознания чего-то непоправимого. И окончательно проснулась, поняв значение сна. Руки мгновенно похолодели, дыхание перехватило. Я невольно вспомнила слова бабушки: «Всё, что ты увидишь в отражении чаши, сбудется! Как мы ни старались это предотвратить».

Слёзы тонкими ручейками стекали по щекам, горло сдавливал спазм. Обхватив себя руками, я некоторое время сидела медленно раскачиваясь взад-вперёд, стараясь успокоиться. Потом всё-таки справившись с эмоциями, глубоко вздохнула и вытерла слёзы. Заставила себя встать со скрипящей

железными пружинами кровати. Тихо прошла на кухню, стала у окна и долго стояла, глядя вдаль, вспоминая прощальные слова, которые говорил отец.

Послышались торопливые шаги, и вскоре в комнату вошёл брат, чуть запыхавшись. Увидев меня, он обрадовано произнес:

— Рада, ты проснулась. Я не хотел будить, но тут такое дело... — Митя на секунду смолк, подбирая слова, затем продолжил. — Там к тебе пришли.

— Ну, а в чём дело? — спросила я его. — Мить, что с тобой? Какой-то ты нервный. Скажи всё как есть.

— Тебя на улице ждёт мама, наша мама, — пояснил он. — Она хочет поговорить и не уйдёт, пока тебя не увидит.

В ответ на это я пожала плечами и с тяжёлым вздохом согласилась.

— Передай ей, я сейчас выйду.

Он поспешно обратно вышел.

Разговор предстоял неприятный, ведь причину столь неожиданного появления бывших родственников предугадал мой сон.

Взяв со спинки стула шаль, завернулась в неё и постаралась заглушить эмоции, мысленно подготавливая себя к беседе. В предстоящем диалоге они могли стать плохим союзником.

Зябка поёжившись, обняла себя и решительно пошла на встречу «долгожданной» посетительнице. У самого забора, опираясь на него руками, стояла женщина, которая растила меня до девяти лет, а затем выбросила, как ненужную вещь и за все прошедшие годы ни разу не поинтересовалась жизнью брошенного на произвол судьбы ребёнка.

Теперь же она, смилив свою гордыню, пришла ко мне за помощью. К той, которую ненавидела всеми фибрами души. Странная порой жизнь — сталкивает людей.

Шла я к ней медленным шагом, старалась детально рассмотреть внешность. За восемь лет она изменилась, на лице появились морщинки, в волосах ранняя седина. Годы её не пощадили, преждевременно состарив. Но злости в душе на эту женщину не было, лишь жалость.

Подойдя, я остановилась в нескольких шагах от гостыи. Она окинула меня пронзительным взглядом и, недовольно поджав губы, сказала:

— Здравствуй, Рада. Какая ты стала взрослая, даже не верится. И всё больше похожа на свою мать, прямо как она передо мною стоит. Я к тебе пришла с другим вопросом.

— Добрый день. Знаю, зачем вы проделали столь долгий путь. Хотите узнать, где запропал отец?!

— Да! Он уже неделю дома не появляется,

всех его дружков по четвёртому кругу обошла. Но самого нет. К тебе часом не приходил?

— Ну, можно и так сказать, — грустно улыбнулась я. — Только не в том смысле, что отец в гости заходил. Он прощался со мною.

— Зачем? — не поняла она. — Куда Петя собрался?

— Вы найдёте его на берегу озера. Он умер, поэтому и пришёл ко мне, — откровенно ответила ей и, затаив дыхание, ждала ответной реакции.

— Что? Как ты можешь говорить такое, а?! Петя, умер?! Не может быть такого! Это ты специально надо мною издеваешься, — она не верила, думала, что я просто захотела отомстить за тот давний поступок.

Я лишь с тоской смотрела на бывшую мать, она, как безумная, продолжала твердить одно:

— Нет! Петя не умер! Он не может меня бросить!

Несколько секунд я простояла, молча слушая причитания, затем отвернулась. Сокрушённо покачав головой, возвратилась обратно в дом.

При всех своих способностях, отвести беду от дорогих людей мне никак удавалось. С нарастающей тревогой знала и страшилась этого знания. Потому что видела, кто должен уйти через некоторое время вслед за отцом, от этого становилось жутко.

И снова в ход пошли древние заговоры из бабушкиной книги, там почти не осталось запретных страниц, лишь последний лист так и не поддавался прочтению. Казалось, за годы обучения что-то или, может, кто-то упорно закрывал эту часть, а она как все тайны притягивала. Хотелось узнать скрытое, и от этого любопытство становилось сильнее.

Через день мы стояли на кладбище в отдалении от всех остальных членов семьи. Отца нашли в тот же день на указанном мною месте, этот факт дал повод для новых сплетен и обвинений. Неувядающая соседка Серафима Егоровна известила, что слухи, до той поры умолкшие, с новой силой возникли с подачи неугомонной Анны. В чём только она не обвиняла меня за глаза, вплоть до виновности в смерти отца.

Теперь же она стояла возле его могилы, рыдала белугой и при этом смотрела в нашу сторону испепеляющим взглядом.

Не по сезону холодный пронизывающий ветер пробирал до костей, несмотря на тёплый свитер, который должен был согревать. Прижавшись к брату, я уткнулась в его рубашку лицом и кусала губы, чтобы удержаться от рыданий, рвущиеся из горла. Митя молча гладил мои плечи, старался защитить от неприкрытой ненависти собравшихся людей.

Ели дождавшись окончания прощания, остро ощутив настроение родственников затеять очередной скандал, шепнула брату на ухо: «Я ухожу» и развернулась спиной к толпе.

Быстрым шагом пошла прочь, огибая заброшенные покосившиеся кресты на могилах. Старое, заросшее высокой травой кладбище, располагалось на самом краю деревни, частично примыкая к опушке леса. Частенько бывая здесь по своим делам, изучила его вдоль и поперёк, могла даже ночью найти нужную могилу. Так что быстро преодолела расстояние до деревянных ворот погоста.

Брат уехал через пять дней, срочно вызвали на службу. Напоследок подарил мобильный телефон, при этом пошутил:

— Сестрёнка, теперь мы будем всегда на связи. Звони, не забывай меня! Я скучаю по тебе, волшебница, — подмигнул он. — Послушай, а может, поедешь со мной?

С трудом заставила себя ответить:

— Нет, мой дом здесь.

— Послушай, Рада. Ну зачем тебе жить одной? У меня есть квартира, она пустует. Я не часто там появляюсь, моя профессия такая, по полгода мотаюсь неизвестно где. А ты хоть будешь там жить. Знаешь, порой даже неохота возвращаться туда. Поехали?! — и он посмотрел на

меня таким тоскливым взглядом, что стоило большого труда отказать.

— Ладно, как хочешь, — со вздохом сожаления согласился Митя. — Но обещай, подумать над моим предложением.

— Обещаю, — улыбнулась я.

С этого разговора прошло два года, всё больше становилось людей, которые хотели моей помощи. Постепенно способности к целительству возрастали, даже появился, так сказать, побочный эффект. В редких случаях накал моих эмоций влиял на погоду, не важно, какие они были — хорошие или плохие.

С завидным постоянством приходившие люди советовали мне обратиться на стремительно набирающее популярность шоу «Битва экстрасенсов», попробовать поучаствовать в ней. Но эти предложения вызывали лишь недоумение. Да и как можно верить всякого рода передачам, где без обманов не обходились. Связываться с телевидением не хотелось, но у судьбы на этот счёт были другие планы.

Следующий приезд брата принёс неожиданные перемены в мою тихую жизнь. Знай, чем они грозили, ни за что на свете не поддалась бы на уговоры Мити. Но, увы, тогда предугадать дальнейшие события, которые раз и навсегда изменят остальную жизнь, никому не удалось, а

заглядывать в своё будущее желаний не возникало.

В тот раз он появился у калитки неожиданно, случайно бросив взгляд в окно кухни, я увидела брата. Встретив его у самого порога, удивилась, заметив в руках лишь небольшую сумку. Обычно на широком плече висел объёмный баул, а не полупустая сумка, больше напоминавшая пакет.

— Привет, сестрёнка! — во весь голос прокричал он, войдя в дом. — Как же я скучал за тобой!

— Митечка! — кинулась я к нему и обняла, обхватив шею. — Почему не позвонил?

Он усмехнулся, отстранившись, подмигнул и ответил:

— Хотел сделать сюрприз. Так собирайся, поедешь со мной.

Растерялась, подняв голову, посмотрела в лицо.

— Куда собираться? Ты же только приехал, а уже распоряжаешься.

— Я не к тебе, я за тобой приехал. Разницу понимаешь? — пошутил он. — Давай, собирайся.

Глава 12

Он снова подмигнул мне и выжидательно посмотрел.

— То есть, что это значит? Куда и зачем?

Объясни, — я засыпала вопросами брата.

Митя присел на ближайший табурет и старательно, словно маленькому ребёнку, стал разъяснять ситуацию.

— Рада, послушай, не перебивай. Хватит тебе в этом захолустье жить. Во-первых, сестрёнка, я хочу познакомить тебя со своей невестой, — он сделал останавливающий жест рукой, заставил меня сдерживать порыв радости и не кинуться к нему с поздравлениями. — Во-вторых, я взял и записал тебя на кастинг в отборочный тур «Битвы экстрасенсов», у нас времени в обрез. До Москвы путь не близкий, да и поезд нас ждать не станет.

От возмущения разом забыла все слова, только открывала рот, как выброшенная на берег рыба.

— Да почему ты не спросил меня, хочу ли я участвовать в этой показухе! Думаешь там всё по правде?

— Ну, не нужно сердиться, сестрёнка. Я же хочу как лучше, поехали?! В ту лабуду про шаманов и колдунов не верю, но в тебя, волшебница, верю. Надо показать им, на что ты способна, если не победишь — развлечёшься, — уговаривал он.

В моём уме промелькнула шальная мысль: «А почему бы и нет? Ведь, в конце концов, чего бояться? Хоть Митю порадую».

— Ладно, уговорил, — согласилась я. —
Когда в путь?

Брат просиял, обрадовано ответил:

— Сегодня, у нас поезд через три часа. Давай по-быстрому вещички в сумку закинь, я такси заказал.

— Да?! Неужели в нашу деревню можно его заказать? — не поверила я.

— Конечно, дело только в цене. Ой, совсем забыл. — Хлопнул себя по лбу брат.

Вытащил из бокового кармана пиджака маленький пакетик и протянул мне со словами:

— Вот, это тебе подарок, Рада.

Взяв мою руку, повернул ладонью вверх и высыпал в неё содержимое. На раскрытой ладошке лежали серьги. Серебряные, невесомые с овальным темно-зелёным камушком. На конце каждой серьги был прикреплён рельефный серебряный кленовый листик. Камушек напоминал отцовское кольцо, которое я продолжала носить как кулон на шее.

— Нравится? — спросил брат.

— Ага, очень. Только вот уши не проколоты, к чему их цеплять буду? — вопросительно посмотрела на дарителя.

— А у нас будет время решить эту проблему, сдадим в багаж вещи и пойдём уши прокалывать, — оптимистично заявил Митя. — Главное вовремя добраться до вокзала.

И вот мы вполне благополучно и с запасом времени в два часа приехали. Пока Митя сдавал наши пожитки, я беспечно прохаживалась по перрону, любопытно рассматривала сквозь тёмные солнцезащитные очки пёструю толпу спешащих по своим делам людей.

Яркое солнце по-летнему припекало и, закрыв глаза, подставила своё лицо под тёплые лучи, как совершенно неожиданно рядом со мной зазывающий женский голос произнёс нараспев:

— Эй! Красавица, давай погадаю на жениха!

Оглянувшись, увидела смуглую черноволосую женщину средних лет в пёстрой одежде, беспечно засмеялась и ответила:

— Спасибо, я сама вам могу погадать не хуже.

— Да? — удивилась цыганка, пристально окинула меня взглядом. — Ты зря отказываешься от моих услуг, ещё никто не разочаровался.

— Не нуждаюсь я в этом.

Всё ещё забавляясь этим разговором, я сняла очки и просто посмотрела на женщину, она отшатнулась, прошипела:

— Ведьма! Чур меня!..

Резко развернулась и быстрым шагом пошла прочь, при этом что-то бормотала не по-русски.

Усмехнувшись, вслед ей крикнула:

— Ха! От ведьмы слышу!

Подошедший Митя посмотрел рассерженной

ворожее в след и спросил:

— Рада, чего это она от тебя хотела и почему разозлилась?

В ответ я пожала плечами и произнесла:

— Пристала, уговаривала погадать на жениха. Ну, а наш поезд скоро?

— Да где-то часа через два-три, пойдём уши прокалывать...

Дальнейшие события прошли без приключений, поездка заняла всего несколько дней. Разговоры с братом проходили под нескончаемый стук колёс. Виды лесов, речек и мостов проносились медленно, будто в замедленной съёмке. Он скупно делился своей жизнью, ещё меньше говорил о службе.

И только раз в шутку проскользнула фраза о том, что сослуживцы считают его везунчиком.

— Знаешь, сестрёнка, все друзья думают, что я счастливчик, — поделился он со мною и, рассмеявшись, продолжил:

— Представляешь, однажды в горах неожиданно моя группа напоролась на боевиков. Сначала все растерялись, а потом стали хвататься за оружие. А в меня один ваххабит нацелил «макаров». Думал всё, допрыгался. Но представляешь, его пистолет два раза осечку дал! Вот после этого ребята и стали говорить: «Димон — заговорённый»!

Заставив себя сохранить на лице спокойную улыбку и не показать истинных эмоций, едва сдержалась, чтобы сию секунду не попросить Митю бросить армию. Да и вряд ли он тогда бы внял этой просьбе, он не знал о грозящей опасности. Стоило только на один миг представить брата под дулом пистолета, как дыхание перехватывало в груди, и сердце начинало биться быстрее.

Он продолжал говорить, а я даже не вслушивалась, по инерции кивала. В мыслях возникали разные картинки, одна страшнее другой. Перебирала всевозможные аргументы убеждения и, к сожалению, в голову напрашивалась только одна мысль: нужно было объяснить причину, по которой брат должен уйти со службы.

Но как можно сказать Мите, что за ним по пятам ходит смерть?! Может, и надо было поговорить, но тогда я не решилась. Думала, ещё успею предупредить и отвести беду...

Москва встретила нас летней духотой города и нескончаемой пробкой, в которую мы попали по дороге от вокзала. В открытые окна такси залетал раскалённый, пахнущий асфальтом и чадящим выхлопом машин ветерок.

С непривычки от жары и всевозможного шума у меня разболелась голова. Закрыв глаза, постаралась отвлечься от раздражающих звуков, почти легла на сиденье прижала пальцы к

пульсирующим вискам. В салоне негромко играло радио, мужской голос ведущего без умолку тараторил разные слухи и новости, временами звучала музыка.

Наконец, мне удалось задремать и, сквозь полусон, слышалась песня, женщина пела о любви:

Где-то есть корабли
у священной земли и
соленые губы твои...

Катастрофически
тебя не хватает мне, жгу
электричество, но не
попадаю я,

Воздух толчками, и
пульс на три счета-та...

Бьёт в переносицу, я
знаю, все знаю я, но
катастрофически тебя не
хватает мне,

Катастрофически
тебя не хватает.

Где-то есть корабли
у священной земли и
горячие губы твои...

Мы срослись
плавниками, мы срослись

плавниками, мы срослись
плавниками,
Камикадзе
выползают на отмель,
чтобы влёт задохнуться,
чтоб недолго по краю,
умираю...

Слушая слова, мысленно я уплывала куда-то в заоблачные дали. Возник неясный образ. Мужской размытый силуэт, весьма смутно знакомый. И, как в стихах этой песни, захотелось почувствовать солёные губы незнакомца на своих, чтобы его руки крепко обняли, прижали к себе и не отпускали. Откуда взялись такие странные желания, понятия не имела, а тем более мужчина!? Вот тут мне и припомнился давний сон, когда лёжа в коме, я встретила с бабушкой, и в конце на поляне появился этот незнакомый, но странно родной силуэт. Интересно, почему он возник именно теперь?

— Ну, слава Богу, поехали, — раздался громкий возглас брата прямо над ухом, резко прервал моё забытьё.

Вздрогнув, я подскочила на сидении, сон как рукой сняло. Оглядываясь по сторонам, с любопытством рассматривала людей, спешащих по своим делам.

Огромный город с небоскрёбами, кафе, кинотеатрами, ресторанами и множеством разных зданий.

Такси подъехало к многоэтажному зданию, у входа нас ждала симпатичная светловолосая молодая девушка худощавого телосложения. Она радостно улыбнулась, едва увидела выходящего из машины брата и кинулась к нему на встречу.

— Димка! Ну, наконец-то, ты приехал! Я так соскучилась.

Обняла его за шею. Брат подхватил её и поцеловал.

— Оля, привет! Я тоже скучал. Хочу тебя познакомить с Радой. Сестрёнка, это Оля — моя жена. Вернее через неделю будет ею.

Я протянула руку девушке, которая с нескрываемым интересом разглядывала меня.

— Приятно познакомиться, очень рада, что у брата есть невеста.

— Мне тоже приятно, Рада, — ответила любезностью на моё приветствие Оля. — Дима много рассказывал о тебе.

— Да? Интересно, что он говорил обо мне? — поинтересовалась я...

Продолжая беседовать, мы вошли в подъезд и поднялись на их этаж.

Ольга оказалась милой, общительной девушкой. Прожив у них несколько дней, я

радовалась за влюбленную пару. Тем более что через восемь месяцев у них ожидалось прибавление в семье.

Было забавно наблюдать, когда Оля пришла в ужас, увидев мою одежду, и не стала слушать возражений, потащила покупать новый гардероб.

Затем, несмотря на мои протесты, в компании Димки отправилась на кастинг передачи.

Должна сказать, там собралась весьма колоритная толпа. Кого там только не было. Колдуны и колдуньи, ведьмы, потомственные знахари и самозванцы всех мастей, шаманы, ведуны.

При первом испытании большинство отсеялось, второе задание найти машину, в которой спрятался человек, удалось пройти далеко не всем. Неизвестно по какому критерию отбирались участники, но в итоге нас осталось десять человек.

Всех, кто прошёл отбор, поселили в гостинице, в том числе и меня. Я, несмотря на недовольство брата, переселилась туда.

Свадьба Димы и Оли прошла в кафе, которое они сняли на вечер. Пришли друзья по службе и общие знакомые, набралось человек пятьдесят. Веселились от души, сослуживцы брата наперебой приглашали меня танцевать и так рассматривали, что становилось неудобно под такими испепеляющими взглядами. И лишь один парень

сидел, отрешенно и смотрел на праздник. Молодой, лет двадцати пяти, коренастый. Чёрные волосы, загорелая кожа, высокий лоб, тёмные брови и орлиный нос, настороженный взгляд карих глаз.

Отозвав в сторонку брата, я спросила, что случилось с его другом. Он нахмурился, тяжело опустился на ближайший стул, сунул пальцы в светлую шевелюру и сказал:

— Это Макс. Он был на задании. Ему не правильно дали координаты отряда боевиков, ребята высадились прямо на их базу. Без подготовки. Все вещи и боезапас пришлось оставить. Половину парней сразу расстреляли, а Макс, и ещё троим, удалось уйти. Они бродили по лесам неделю, голодные почти безоружные, пока не вышли в нужное место. Вот теперь приходит в себя, хочет найти ту суку, которая их доставила, дав ложные координаты.

— М-да! Ты думаешь, это специально сделали? — спросила и поёжилась от нехорошего предчувствия.

На что брат пожал плечами и ответил:

— Не знаю, но такое стало происходить у нас частенько. Конечно, все такие случаи тщательно расследуют, только пока толку нет.

— Митя, ведь у тебя жена беременная, может, стоит найти работу поспокойнее? — попробовала я убедить брата.

— Нет, Рада! Я не крыса и с корабля не побегу! А Ольга знает, какая опасная у меня работа.

— Ладно, извини! — случайно посмотрела на ручные часы, и ойкнула. — Мне надо ехать в гостиницу. Завтра, нам сказали, ранняя съёмка.

— Как ты доберёшься? Может, проводить?

— Такси вызову, не переживай! Лучше жену береги. Пойдём, я с Олей хочу проститься.

Пока я прощалась и отбивалась от предложений выпить за здоровье молодых, брат нашёл мне попутчика. Макс обещал ему довести меня в целости и сохранности, так как приехал на авто и не пил за столом.

Наша поездка проходила молча, лишь иногда я ловила на себе изучающие взгляды.

Затем он нарушил молчание:

— Так ты сестра Селивана? Он говорил, что у него красивая сестра. Не соврал, очень и очень красивая. А я слышал, ты приехала на «Битву экстрасенсов»?

— Да, участвую.

Он удивлённо приподнял брови.

— И как успехи? Хочешь победить?

— Нет, не хочу. Мне это не нужно.

Макс ухмыльнулся, но ничего не сказал до самой гостиницы. Поблагодарив за помощь, я вышла из машины и направилась к входу.

Три месяца спустя

Очередное задание выдалось трудным, не физически, а скорее морально. За помощью обратилась мать зверски убитой молодой девушки с просьбой найти её убийц. Каждый из участников старался показать свои способности и перейти в следующий тур. Отвечая на вопросы ведущей и полицейского, я непроизвольно теребила в ухе серьгу.

Наконец, съёмка закончилась. Вздохнув полной грудью, поднялась со стула и направилась на выход из студии.

— Радмила, постойте! — раздался позади меня голос несчастной матери. — У вас отломился от серёжки листочек.

Удивлённо обернувшись, я, сделав шаг навстречу ей, протянула руку.

Как в замедленной съёмке, женщина медленно вложила в мою открытую ладонь серебряный листочек от подаренной братом серьги. И в тот самый момент меня словно огнём обожгло виденье. Избитый, с пулей в голове, брат лежал в луже собственной крови с открытыми глазами, откуда ушла жизнь. От такого зрелища дыхание перехватило, но невероятным усилием воли заставила себя посмотреть на довольные незнакомые лица, запоминая их навсегда. Убийц,

которые только что расправились с единственным дорогим мне человеком на целой земле.

Развернувшись по инерции я, не разбирая дороги, выскочила со съёмочной площадки, не обращая внимания на окрики людей. Неимоверный клубок чувств из боли, злости, жгучей ненависти, бессилия, отчаяния завладело мной. Красная пелена застилала глаза, я мчалась по коридору студии, никого не замечая. Натыкалась на людей, которые в испуге шарахались в стороны.

В конце концов, оказавшись в каком-то мало освещённом тупике, задыхаясь от бессилия, принялась молотить кулаками стену, сбивая с костяшек пальцев кожу в кровь. Перед глазами всё стояла картина, в которой мертвый брат с простреленной головой и два подонка, весело смеющиеся над ним. Если бы в тот момент я имела возможность оказаться там, убила бы их голыми руками. И плевать на последствия.

Не знаю, сколько я так была ни в чём не повинную стену, пока от бессилия и горя не прижалась к ней спиной и медленно не сползла на пол. Обняв, колени и уронив голову, ощущала внутри всепоглощающую боль, пустоту, холод, от которых меня спасал Митя своей любовью и верой в добро.

Как говорят: месть — это блюдо, которое подают холодным. Вот в тот момент я и стала той

ведьмой, которой все меня считали. Вся доброта умерла в тот миг вместе с братом, и я тоже.

А на свет, как змея из старой шкуры, появилась совсем другая девушка. Жестокая, циничная, грубая, не знающая пощады и жаждущая мести, как древняя богиня. Моё сердце истекало кровавыми слезами, а глаза были сухими.

Кто-то легонько дотронулся до моего плеча, вздрогнув, я подняла голову и посмотрела на стоящего. Это наш гримёр Васичка-душка, все его так звали из-за его ориентации. Да он её и не скрывал, наоборот, выставлял напоказ. Вычурно одеваясь, пользовался косметикой и растягивал слова на манер гламурных девиц. Всем поведением заявляя, что не такой, как все. Вот даже сейчас он стоял с обиженной миной, надув губы и сложив руки на груди.

— Дорогая, что случилось? Какая муха тебя укусила, а? — спросил он. — Неужели провалила задание? Да ты не расстраивайся так! Вон как молотила по бедной стене, все пальцы себе изуродовала, я даже боялся подойти. Пойдём, помогу. Так уж и быть, спасу от инфекции, а то здесь, — он брезгливо поморщил нос и нараспев продолжил, — недолго подхватить любую заразу. Вставай, нечего сидеть на холодном полу, а то попу отморозишь.

Несмотря на горе, постигшее меня, на пару

секунд забыла о нём и ухмыльнулась, слушая болтовню этого клоуна. И тут только до меня дошла одна интересная мысль: этот Васичка-душка вовсе не так прост, как хочет показать всем, выставляя мнимые недостатки. Сощуриив глаза, пристально рассматривала его. А он, причитая и по-детски возмущаясь, наклонился и цепко схватил меня за рукав кофты, потянул, вынуждая подняться и следовать за собой.

Я пошла за ним по длинному тусклому коридору, и он казался бесконечным. Наконец, мы пришли в гримёрку, там как всегда толпились разные люди. Васечка в своей манере выгнал всех словами:

— Вон! Все вон отсюда! Уйдите, противные! Мне нужно лечить человека, — жеманно размахивал он руками.

Посадив меня в кресло, он быстро извлёк откуда-то из многочисленных ящичков аптечку. Выложил на примерный столик все, что в ней было, стал обрабатывать раны на сжатых в кулаки пальцах, изредка посматривая на моё равнодушное выражение лица.

Наверно искал признаки нестерпимой боли, но зря! Я её не чувствовала, совсем ничего. Она разрывала меня изнутри ржавым, тупым, с зазубринами ножом, оставляющим глубокие незаживающие раны в душе. Не давая времени на

восприятие горькой правды и попыток смириться с утратой.

Даже раньше, задумываясь о приходящих за помощью ко мне со своим горем людях, задавалась невольным вопросом, насколько трудно смириться с потерей близких людей. Я приходила к неутешительному для себя выводу, что простить убийцу не для меня. При одной только мысли об этом, во всем теле закипала кровь. Теперь в действительности я стояла на распутье перед таким выбором. Знала, что выбрав путь мести, уже не смогу вернуться к старой жизни и исправить ошибки. Но поступить иначе, простить мучителей, отпустить их, означало предать память брата и всё то, что любила.

Погрузившись в свои мысли, я не слышала, что всё это время говорил Васичка. Только когда он позвал меня по имени, очнулась.

— Рада? Ты здесь?! — прокричал он у самого уха и помахал рукой перед лицом, пытаюсь привлечь внимание.

Повернув голову, я посмотрела на него, моргнула растерянно.

— Вася, что нужно?

Он стоял с йодом и ватой в выжидательной позе.

— Наконец, услышала, я тут разоряюсь почти полчаса. Ты сидишь, как восковой манекен в музее

Мадам Тюссо. Кулак разожми, там кровь. Обработать надо. Не хватало заражение получить по глупости.

Опустив взгляд на свои руки, с удивлением заметила, что они до сих пор сжатые. Мне не под силу их разжать.

— Не могу, пальцы онемели, — ответила я.

Он отложил приготовленные для обработки препараты, присел на корточки и нажал на какую-то точку запястья, насильно разжал мои пальцы.

На раскрытой ладони, впечатанный в неё, лежал окровавленный серебряный листик. Он с такой силой вжимался плоть, что тупые края прорезали кожу, кровь проступила сквозь порез, и контуры отпечатались на нежной коже.

— Как символично, — заторможено подумала я, глядя на кусочек металла, окрашенного кровью, словно этот контур отпечатался в душе.

— Ого! — присвистнул Вася и постарался очень осторожно вынуть его, боясь причинить лишнюю боль.

Вынув из раны сломанную деталь, он с тихим позвякиванием положил её на полированную до блеска деревянную столешницу.

— Рада, что случилось? Расскажи, тебе станет легче. Давай, не молчи, — впервые прекратив свой спектакль, серьёзно потребовал Вася, довольно

ощутимо потряс меня за плечи. — Нельзя держать всё в себе, это вредно! Слышишь меня?! Если хочешь, поплачь. Только не закрывайся ото всех!

— Холодно, мне так холодно, — прошептала я, обнимая себя и пытаюсь согреться.

Но этот холод шёл изнутри от зияющей раны, от чувства безнадежной потери. Удерживая боль внутри, понимала, что только она поможет мне выстоять в задуманном деле.

Холод не уходил, хотя меня и пытался согреть, укрыв пледом, новоявленный друг. Стараясь отвлечься от гнетущих мыслей, усилием воли переключилась на суетливого Васю, который всячески пытался достучаться до девушки с потухшим взглядом в отражении зеркала.

— Вася? А ты зачем ломаешь комедию? — без предварительной подготовки спросила я.

— В смысле? — не понял вопроса он.

— Ну, почему выставляешь то, кем не являешься на самом деле. Ты же не гей!

Он растерянно ухмыльнулся и с долей восхищения, ответил:

— Надо же! За столько времени ты первая, кто это понял. Как догадалась? В чём я прокололся?

— Вася или как там тебя на самом деле зовут, это нетрудно было. Стоило лишь внимательнее присмотреться и отбросить стереотипы. Как говорили в одном старом детективе: «Никто не

замечает прислугу, почтальона, врача и другой персонал. Они все на одно лицо». Вот и к тебе настолько привыкли, что почти не замечают. А ты этим комплексом великолепно пользуешься, вопрос только — зачем? — поинтересовалась я.

Он присел на край стола, на секунду задумался и со вздохом признался:

— Всё началось с моего увлечения игрой в карты. Вначале я даже выигрывал, удача улыбалась, но однажды нарвался на крутых парней. Проигрался до трусов, ещё и должен остался весьма кругленькую сумму. Платить долги было не чем, тогда я ещё учился в «ЩУКЕ»* и обратился к другу за помощью. Он согласился дать денег, но с условием. Костя, так звали моего знакомого, оказался бандитом в группировке Севера, — он замолчал.

— А дальше? И что это — «север»? — подтолкнула к дальнейшему рассказу Васю.

Он грустно улыбнулся и спросил:

— Ты умеешь хранить секреты? Надеюсь, да. Совсем забыл, не все знают Севера. Это самый влиятельный человек, очень жестокий, беспощадный. Мне говорили парни, которые на него работают, что в молодости он в первый раз сел в тюрьму за серийное убийство пяти человек. Родители убитых были очень влиятельными людьми, постарались упечь его на всю жизнь. Но он

выжил в тюрьме строгого режима. Через пятнадцать лет вышел, сколотил свою банду, поднялся из рядового до крутого бизнесмена, с которым считаются не только паханы, но и политики приходят на поклон. Так вот угораздило меня ему задолжать, теперь отрабатываю здесь. Видите ли Северу нужен свой экстрасенс, не знаю зачем. Только он обещал отпустить меня, как только найду бедолагу.

— Почему сразу бедолагу? — спросила я.

— Рада, пойми — это билет в один конец! Ведь если он согласится на такую «работу», будет в курсе всех дел и тайн, а остальные будут охотиться за этой информацией. С её помощью можно сделать многое, а за носителем этих тайн следить будут как за президентом. Будут стараться найти «ахиллесову пяту» прилагать усилия подкупить или шантажировать. Короче, кандидатов в камикадзе не видно. Вот я и выбрал такой имидж, зарплата хорошая, поклонники и бабы не пристают. Я в курсе всех и вся, и никто ни в чём не будет подозревать, — закончил он.

— Говоришь, твой «знакомый» ищет экстрасенса?! — задумчиво произнесла я.

Если он такой, как Вася наболтал. То ему нужен человек, которому нечего терять. Да и он обладает влиянием для защиты своих интересов, а мне как раз и нужен такой.

— Эй! Ты что удумала?! Детка! Не влезай в это дерьмо! — поняв мой интерес, воскликнул Вася. — Оттуда выхода нет, вернее он последний в жизни. Билет на тот свет!

— Сама знаю, мне теперь нечего и некого терять. Скажи Северу, я согласна, но с одним условием.

— Да? И каким условием?! — полюбопытствовал Вася. — Прежде всего, не называй его Север, его зовут Святослав Николаевич Северский.

— Передай ему, я согласна. Хочу с ним встретиться, пусть скажет где и когда, — не давая себе шанса отказаться, настаивала я.

«ЩУКА»* — ТАК СОКРАЩЁННО называют Щукинское театральное училище.

Глава 13

Дверь в гримёрку, где Вася меня лечил, рывком распахнулась, и на пороге появился Евгений — невысокий черноволосый парень, потомственный маг-чародей, участник шоу. Он был весь мокрый, как будто на него вылили ушат воды. Мы, не сговариваясь, переглянулись и одновременно спросили:

— Что случилось? Кто это тебя так?...

Он ошалело зыкнул на нас и раздражённо

пояснил:

— Вы что, не слышите?! Погода на улице с ума сошла! Я на пять минут покурить выскочил. Светило солнце, и вдруг небо почернело. Гроза началась, дождь как из ведра, не успел даже глазом моргнуть. Светопреставление какое-то!

Я лишь хмыкнула, поняв, откуда растут ноги у катаклизма. Побочный эффект моих способностей проявился во всей своей красе. М-да-а-а... Надо держать эмоции под контролем, а то как бы обещанный майя конец света не наступил раньше срока.

Неожиданно зазвонил мобильный в моём кармане. Вытащив его, я посмотрела на дисплей. Оля! Ну что сейчас я могу ей сказать?! С силой сжала телефон, набрала воздуха в грудь и медленно выдохнула. Ответить на звонок все равно придется.

— Алло! Оля, привет! Ну как там у вас дела? — начала я бодрым голосом.

— Радачка, как хорошо, что ты ответила! А то к Димке не могу пробиться. Он вроде обещал позвонить, да вот молчит. Приезжай ко мне, поболтаем.

Взглянув на свое отражение в зеркале, ужаснулась — на меня смотрела совершенно белая, как простыня, девушка. Огромные зелёные глаза, казалось, кричали о боли и отчаянии. Как с таким лицом показываться Ольге?!

Но делать нечего, ведь она — единственная родственница, и ей ещё хуже, чем мне.

— Да, да, конечно я приеду. Жди. Только такси поймаю и сразу к тебе. Вась! Сможешь привести меня в божеский вид? — спросила я временно притихшего друга.

— Ой! Дорогая моя! — запричитал он в своей обычной манере. — Что ты с собой сделала?! Попробую, но за результат не ручаюсь.

Выставив за порог гримёрки онемевшего от подобной наглости мокрого потомственного мага, Вася принялся за дело.

Через час я была в гостях. Улыбаться и не выдать свои чувства давалось с великим трудом. Как бы в невзначай спросила Олю о родителях. Они должны быть здесь, когда я сообщу ей о пропаже брата. Понадобятся их поддержка и помощь. Одна я с этим не справлюсь.

Когда Ольга отвлеклась, я завладела ее телефоном и записала в свой номер родителей. Пробыв у нее еще какое-то время, отправилась в гостиницу.

Все последующие дни и ночи я не могла найти себе места от разрывающих сердце боли и ненависти. Металась по гостиничному номеру, как дикий зверь в клетке. Лишь спустя двое суток меня сморил тяжёлый сон, в котором пришла бабушка.

Она сидела у изголовья кровати и смотрела на

меня с тоской в глазах.

— Радочка, бедная моя девочка! Прошу тебя, поплачь. Станет легче, не нужно всё держать в себе. Пожалуйста, только не делай глупостей! Знаю по себе, как это трудно, но надо.

— Нет, бабушка! Я успокоюсь, только когда эти твари будут мертвы. А пока они ходят по этой земле и убивают людей — не будет мне покоя!

— Внучка, послушай старую женщину. Оставь всё как есть, они получают по заслугам. Не губи свою душу.

— Прости, но иначе не могу. Стоит только закрыть глаза, как вижу мертвого Митю и их довольные рожи.

— Ну, что же Рада, видно судьба посылает тебе очередное испытание. Мужайся, девочка! Ибо, если ты свершишь задуманное, наказание за души этих нечестивцев будет долгим и мучительным. Ведь отнимать жизнь может только Господь Бог! Искупить грех ты сможешь, лишь спасая людей от болезней! Запомни мои слова, внучка!

И она исчезла, а меня разбудила трель мобильного. Посмотрев на экран, увидела незнакомый номер.

— Алло!

Грубый прокуренный мужской голос проговорил:

— Это ты, Радмила?

— Да, а вы кто?

— Мне передали твоё согласие. Завтра Василий привезёт тебя, если ты, конечно, не передумала, — игнорируя мой вопрос, сказал мужчина.

— Нет, я приеду, Святослав Николаевич, — понимая кто мне звонит, заверила «Севера».

— Что ж, тогда жду завтра в десять утра.

И, не прощаясь, закончил разговор.

Посмотрев на часы, я тихо простонала: «Три часа ночи. Теперь не усну до утра». Поднявшись с тёплой кровати и закутавшись в тонкое одеяло, прошла к окну. Открыла его, села на широкий подоконник, обняв колени руками. Так и просидела до самого рассвета, вспоминая Митю.

Утром я отправилась на съёмочную площадку. Там уже всюду суетились осветители, звукооператоры, декораторы... Царила обычная богемная атмосфера.

В поисках неутомного гримёра, я чувствовала себя здесь чужой. Обходила павильоны и ловила себя на мысли: «Зачем мне всё это? Ведь теперь даже победа бесполезна. Мити больше нет. А без него жизнь теряет смысл».

Вася удивился моему появлению. Я же, в свою очередь, удивилась его удивлению, о чем и спросила. Он молча покачал головой, как будто отгоняя морок.

— Рада, ты выглядишь отвратительно! С таким лицом только в гроб класть, а не к «Северу» в гости идти! Ты сколько не спала, неделю?!

— Спасибо, друг, утешил! Вася, прекрати! Не преувеличивай!

— Это я преувеличиваю?! — возмутился он, мгновенно вспыхивая. — Нет, ты на себя в зеркало, когда в последний раз смотрела? Вылитое привидение. От тебя скоро люди шарахаться станут! Пойдём-ка со мной, подруга...

Ухватив за рукав, он потянул меня в сторону гримёрки.

— У нас в запасе час. Попробую совершить за это время чудо, — деловито изрек Вася, усаживая меня перед зеркалом.

Через час мы стояли возле высотного офисного здания. Охрана без задержек пропустила нас внутрь. Секретарь в приемной, отделанной в стиле хай-тек, пригласил меня пройти в кабинет. Друг остался ждать снаружи.

Так я впервые увидела Севера. Он расслабленно сидел в кожаном кресле и с интересом рассматривал меня. Это был сухощавый мужчина, лет пятидесяти, с коротко стриженными седыми волосами. Высокий лоб, испещренный глубокими морщинами, тёмные брови, глубоко посаженные чёрные глаза, прямой нос, впалые щёки, сжатые тонкие губы с сеткой морщин и

волевой подбородок. Он производил впечатление волевого, сурового, но, как ни странно, справедливого человека.

— Здравствуйте, Святослав Николаевич.

— Ты, значит, и есть Рада?! Девочка, сколько тебе лет? Иди домой, в куклы играй.

Моё, с трудом сдерживаемое, возмущение прорвалось:

— В куклы?! Вы шутите?! Я с девяти лет живу одна и вполне могу отвечать за свои поступки. А вы считаете меня ребёнком?!

Он лишь усмехнулся и ответил:

— А что ты можешь, девочка?! Васька-идиот расписал мне, что нашёл настоящую ведьму, а я вижу перед собой маленького цыплёнка.

От злости я даже забыла, кто передо мной. Только было открыла рот, чтобы поставить нахала на место, как позади меня без стука отворилась дверь, и вошедший произнес:

— Север, извини, не знал, что у тебя встреча.

— Она уже уходит, — отмахнулся тот. — Говори уже, хватит выпендриваться, Кондрат! Удалось найти хоть что-нибудь?

Кондрат прошёл мимо меня, и раздражённо кинул на стол пачку фотографий. Одна из них спланировала к моим ногам.

— Нет! Этот мудака чист!

— Как это? Совсем ничего не нашёл?

— Нет! Он прямо как ангелок, только крыльев не хватает, — раздражённо ответил Кондрат.

Я наклонилась и подняла упавшее фото. От нахлынувших эмоций сразу же захотелось брезгливо вымыть руки.

— Такому как он, даже в аду места не будет! Сумасшедший маньяк! — кинула я фото к остальным.

Развернулась и направилась к выходу. Но следующие слова заставили меня остановиться:

— Что ты сказала, малявка?! Почему он маньяк?!

— А как назвать человека, у которого собственное кладбище?

Меня развернул лицом к Северу Кондрат.

— Откуда знаешь, знакома с ним?

— Нет, я его не знаю, и знать не желаю. Увидела по фотке.

— Как это, увидела? Мои люди следили за ним днём и ночью в течение трёх месяцев и ничего не увидели!..

Глава 15

Я лишь усмехнулась и язвительно ответила:

— Мало значит, следили, он очень умный маньяк. Убивает через каждые четыре месяца, его никто ещё не заподозрил. Тем более, кладбище

находится в подмосковной заброшенной деревушке, там жителей нет.

— Так с ним два года живёт девушка и никуда не пропадала. Кого он убивает? — растерянно спросил Кондрат, запустив пальцы в свои короткие, русые волосы.

Пройдя к столу и сев на стул, я пристально посмотрела на мужчин.

— Да кто тебе сказал, что он хоронит женщин?!

— А кого ещё? Не понимаю твоих намёков...

— Кстати, а как его зовут?

— Ты не знаешь? — удивлённо спросил Кондрат.

— Нет, а почему я должна его знать?

— Шутишь?! По ящику каждый день только его показывают, расхваливают на всю катушку. Это же будущий кандидат в гендиректоры Роснефть! Свиридов Валерий Евгеньевич. Тридцать восемь лет. Самый молодой, амбициозный и перспективный претендент на эту должность.

В ответ я лишь пожала плечами.

— Телевизор не смотрю, думать мешает. Голова должна быть свободной от плохих мыслей, а там один негатив, да чернуха.

— Девочка, ты кто?

— Экстрасенс.

— Ведьма, что ли?!

— Не люблю, когда меня так называют, но да. Грубо говоря, ведьма, — ухмыльнулась я.

— Чего?! Она это серьёзно? — перевел он взгляд на Севера.

— Наверное... Васька её притащил. Утверждает, что она очень сильная. И сама согласилась работать на меня. Только ещё не понял, зачем ей это, — с насмешкой пояснил Север.

— Мне от вас нужна защита и помощь в одном деле, Святослав Николаевич.

— Да, неужели?! И какого рода помощь?!

Только хотела ответить на его вопрос, как Кондрат, заёрзав на стуле от нетерпения, спросил:

— А сможешь показать следующую жертву нашего олигарха?

— Конечно, смогу, если у вас есть фотки всех, кто работает на него.

— Есть! Сейчас принесу, — он обрадованно соскочил с насиженного места и вылетел из кабинета.

Север сокрушённо развёл руками:

— Ох! Слишком нетерпеливый. Как ребёнок, хот и взрослый мужик. Ну, да ладно... Вернёмся к нашим делам: говори, зачем пришла?

— Как бы вам объяснить?...

— Не тяни кота за одно место, говори. Умом не обделён, пойму.

— Хорошо. У меня был брат, его убили

несколько дней назад. Он служил в спец войсках. Их послали на задание в Чечню, и там они попали к боевикам. Остальные остались живы, а Митю взяли в плен и убили. Пока это всё, что я знаю.

— Да?! И какая тебе нужна помощь? — задумчиво спросил Север.

— Хочу отомстить за брата, лично! Не могу видеть довольные рожи этих уродов. Почему они ходят по этой земле безнаказанно, им позволено издеваться и убивать людей?!

— Так тебе киллер нужен?

— Киллер?! Нет, не хочу чужими руками. Я сама их накажу без крови. И ни один доктор, знахарь или колдун их не спасёт! Пуля — слишком быстрое и мягкое наказание для таких, как они.

Север выглядел изумленным.

— Послушай, девочка, старого, битого жизнью, человека. Прости их, ради себя! Ты не сможешь с этим грузом жить, по себе знаю.

— Нет! Всё уже решено, и вы лишь зря время теряете!

— М-да, Рада... А не боишься их мести?

Пожала плечами:

— Нет, мёртвому нечего страшиться. Хочу, чтобы меня все боялись.

— В чём будет заключается моя помощь, если соглашусь?

Ответить я не успела — вернулся

запыхавшийся Кондрат. Положил на стол пачку фотографий и придвинул её ко мне.

— Давай, покажи его жертву.

Разложив карточки перед собой, я внимательно всмотрелась в изображения. Несколько отобрала, остальные отодвинула, чтобы не мешали.

Положив ладонь на одно из изображений, закрыла глаза и сосредоточилась. Перед мысленным взором с огромной скоростью проносились фрагменты жизни незнакомого человека.

То же я проделала с остальными отобранными карточками. Когда прикоснулась к последней, ощутила могильным холод, исходящий от нее. Увидела ноги в дорогих ботинках, как они спихивают труп в свежевырытую могилу.

— Этот! — открыла я глаза, убирая подальше руку.

Кондрат с недоумением посмотрел на меня.

— Он?! Уверена? Ничего ни путаешь?!

Усмехнувшись, попросила:

— Возьми это фото в руки, зажми между ладонями и закрой глаза.

— Зачем?

— Хочу показать кое-что, если не боишься...

Он не ответил, молча сделал, как просила.

Встав со стула, подошла к Кондрату сзади и

положила руки ему на голову. Сосредоточилась, передавая ему видение. Некоторое время он оставался недвижим, затем вздрогнул и отбросил фото, словно обжёгся.

— Как ты это делаешь?! — панически спросил он.

— Не знаю, — пожалала я плечами, возвращаясь на место. — Раньше не получалось, а сейчас далось легко. Ну, видел?...

— Да, уж! Точно он. Даже не верится... Вроде живой ещё ходит, а увидел, как его в могилу бросают! Аж, жутко стало! Сколько пришлось всякого повидать, но такого никогда! Слушай Рада, а ты можешь указать на карте, где находится это кладбище?

— Могу, но только при условии сотрудничества со мною.

Хозяин кабинета легко поднялся из кресла и подошёл к нам.

— Согласен. И ты подходишь нам! Твою просьбу исполню, но, надеюсь, ты понимаешь, чем рискуешь, и жалеть потом не станешь.

— Да, Святослав Николаевич. Знаю, на что и к кому иду. Самое главное, что вы согласились.

— Вот и хорошо, — удовлетворенно кивнул он. — А теперь расскажи Кондрату всё про олигарха. А то он уже извёлся весь от любопытства.

На съёмках меня поджидал провал. Задание

вроде было несложным, но горестные мысли мешали сосредоточиться. Так и не дав вразумительного ответа, пришлось расписаться в собственной беспомощности.

Покинув павильон, я направилась к раздевалке. Уже протянула руку за курткой, когда меня окликнул Вася:

— Рада, привет. Хорошо, что застал тебя.

— Вася?! Что случилось?

Он отвёл меня в сторону, и приглушённо произнес:

— Север просил передать, он решил твоё дело. Собирай вещи и поезжай к нему.

Впервые за эти дни я искренне улыбнулась и, привстав на носочки, губами коснулась гладко выбритой щеки.

— Фу! Зачем лезешь ко мне с поцелуями?! — манерно скривился возмущённый гримёр, при этом в его глазах плескался смех. — Дорогуша, я женщин не люблю!

Глава 14

У продюсера передачи я отпросилась на две недели по семейным обстоятельствам. Не теряя времени, отправилась в гостиницу. Быстро собрала необходимые вещи.

Я уже выходила за дверь, когда зазвонил

телефон. Номер высветился незнакомый.

— Алло! Говорите!

— Рада, привет! Это Макс, друг Димки. Помнишь, после свадьбы я подвозил тебя?...

— А, да, конечно, — вспомнила я.

— Так вот, Рада, нам срочно нужно встретиться.

— Зачем? Про исчезновение брата мы уже знаем...

— Знаете, но не всё. Но это не телефонный разговор. Если тебе интересно узнать подробности, жду тебя через час в кафе... — дальше он назвал адрес. — Придёшь?

— Да. Только не понимаю, к чему такая срочность?

— Так надо. Потом сама поймёшь, — напряжённым голосом проговорил Макс. — Давай быстрее. Жду!

Недосказанность и нервозность друга Мити настораживала. Почему-то вспомнилась давняя беседа с братом во время свадьбы, когда я заметила сидящего отдельно от гостей, хмурого Макса...

В полупустом кафе за столиком одиноко сидел напряжённый Макс. Он нервно барабанил пальцами по столешнице, что-то рассматривая за окном. Заметив приближающуюся меня, он выдвинул свободный стул и хмуро наблюдал, как я усаживаюсь за стол.

— Итак, что за срочность? Куда ты втравил его?! Говори, жду! — не здороваясь, требовательно спросила я.

Макс вздохнул и заговорил:

— Димка мне помогал разобраться в одном запутанном деле. Когда просил, не думал, что всё так обернётся. Всё началось задолго до этого задания, которое поручили моей группе. С виду было всё как обычно — нас должны были забросить на территорию, контролируруемую «чертями» (так называют боевиков), но что-то меня настораживало. А вот дальше... — Макс взъерошил короткие волосы и продолжил: — Короче, как только выбрались из этого дерьма, я сразу к начальнику припёрся с претензиями, а он нагло заявил, что это я сам виноват! Сколько нервов моих ушло на доказательство своей невиновности, но получилось. Уж очень хотелось найти ту суку, которая нас сдала. Постепенно я стал собирать информацию про всех замешанных в этом деле. А Димка мне помогал. Он парень общительный, умный... Вот, как раз накануне своей командировки он и позвонил, хотел что-то рассказать, но не успел. У него были подозрения насчёт некоторых людей. У нас не было доказательств, одни догадки. Да и с этим последним заданием для Димкиной группы всё непросто.

Макс замолчал, отхлебнув из чашки

остывшего кофе. Затем посмотрел на меня с затаённой надеждой и прошептал:

— Рада, а может... Димка живой? Он же заговорённый, и мёртвым его никто не видел.

На что я сразу же покачала головой и с трудом заставила себя говорить:

— Нет! Он мёртв! Я знаю, видела это. Так что там такого подозрительного с его заданием?

Тяжело вздохнув, парень продолжил:

— Когда стало известно о его пропаже, я всё-таки надеялся на чудо и поговорил с ребятами. Они сами в растерянности были, так и не поняли, за каким лешим их отправили в Чечню. По официальной версии для предотвращения теракта, но там и своих людей выше крыши. Знаешь, обычно нас не привлекают к этим делам, стараются лишний раз не светить. А тут ещё один факт ребята рассказали: они пошли на базар и старались держаться вместе. В какой-то момент Димка чуть отстал, и к нему подошли трое, с виду военные. Парни не слышали, о чём они беседовали. Димка махнул им и сказал, что у него есть дело, и что он их догонит.

Я пыталась сопоставить новые факты. Оказывается, брат ввязался в тёмную историю и пока неизвестно, имеет ли она отношение к его гибели. Интуиция подсказывала, что все эти события связаны между собой. Поездка в Чечню

должна была прояснить ситуацию.

— Макс, послушай меня, пожалуйста! Я еду искать тело Мити, и постараюсь выяснить всё. А ты сиди тихо, хватит одной смерти. Обещаю, когда вернусь, мы продолжим твоё расследование. Но пока прошу, не высывайся. Дождись моего возвращения!

Он ухмыльнулся.

— Рада, это очень серьёзные люди. Если они узнают, что под них копают, то нас проглотят.

— Не-а! Не проглотят. Подавятся! Смерть брата я им не прошу.

Требовательно запищал телефон в кармане.

— Алло! Да, я вас слушаю.

В трубке раздался хриплый голос недовольного Севера:

— Ну, и где ты? Куда пропала?

— Еду к вам, вернее стою в пробке, — моментально сориентировалась я.

— Ладно, — уже более миролюбиво отозвался он, — ждём. Здесь Кондрат жаждет тебя видеть срочно. До вашего отъезда надо кое-что сделать. Появишься — сразу ко мне, поняла?!

— Вы что, хотите послать со мной ещё кого-то?!

— Девочка, а ты думала ехать одна?! В такое место?! Я пока не выжил из ума, позволять малявке играть в камикадзе!

— В няньке не нуждаюсь!

Север рассмеялся.

— Вот появишься, тогда и разберёмся, кто и в чём нуждается.

Как всегда, не прощаясь, он отключился.

— Дурдом... — пробормотала я, глядя на телефон. — Он сильно ошибается, если думает, что я соглашусь!

Торопливо попрощалась с Максом, напоследок напомнив ему об обещании не вмешиваться, и покинула кафе. Чуть ли не бегом вылетела на улицу и остановила первую попавшуюся попутку. От возмущения, что мне хотят навязать попутчика, а ещё и называют малявкой, даже не заметила, как добралась до места. Машина резко затормозила возле офисного здания. Я поднималась в лифте, мысленно готовясь к неприятному разговору.

Глава 15

Уже сидя в кабинете у Севера, я слушала спор между ним и Кондратом. Последний категорически отказывался становиться моей нянькой.

— Ну, вот что, друг мой! Прекрати выпендриваться! — громко стукнул по столу ладонью Север. — Если я сказал, поедешь с ней, значит поедешь! Или ты думаешь, она одна

справится?! Мне, знаешь ли, не в кайф будет, если её оттуда по частям доставлять придется! А без тебя она не справится. Девочка обстановки и как себя вести не знает, поможешь ей. Ты же у нас мужик опытный, битый, в обиду не дашь. Догадываюсь, почему у тебя нет желания там появляться, но это же не Афган! Хотя, за твои подвиги «духи» до сих пор награду обещают.

— Да ладно! — ухмыльнулся спорщик. — Бог не выдаст, свинья не съест! И сколько они на этот раз за мою голову дают? Слышал, года два назад три лимона предлагали.

— Кондрат, колись, чем ты так им насолил?! Слухи дошли, что последняя цена за тебя аж четыре лимона евро! Однако эти твари не скупятся на обещания.

— О, как! Оказывается, я миллионер! Север, знаешь, как говорят молодые «обещать, не значит жениться»! Про свои подвиги расскажу как-нибудь в другой раз. А теперь давай ближе к теме, так понимаю, тебе, девочка, тоже не нравится идея с нянькой в моём лице? Да?

— Да! — слишком поспешно ответила я. — Вы оба считаете меня ребенком?!

— А ну-ка! Сбавь обороты! — строго велел Север. — Не ори! Мала ещё на меня голос повышать! Рада, ты хоть знаешь, куда собралась ехать?! Там война, девочка! И твои способности

бесполезны! Это другой мир, другие законы и порядки! А Кондрат, он знает их. Не зря же с рождения жил среди таких, как они. Воевал с ними, язык знает, сможет защитить. Так что поедете вместе или никак! Решай!

С трудом сдержала раздражение и желание послать их подальше со всей их заботой. Глубоко вздохнула и ответила:

— Хорошо, я согласна. Что ещё?

— Будешь во всём слушать Кондрата. Чёрт, как эта поездка ваша сейчас некстати! С трудом добился разрешения от генерала на эту авантюру. Неделю назад эти с... — оборвал он себя на полуслове, прежде чем ругательство сорвалось с языка. — ... начали очередную заварушку. И теперь полная ж...а! В Грозный пускают только по специальному пропуску. И пока летают пассажирские самолёты, вам надо торопиться. Кондрат, отвечаешь за неё головой!

— Я это и без твоих ЦУ знаю! Мог бы и не предупреждать! — недовольно проворчал мой провожатый.

— Лады, тогда я вас не задерживаю, — откинулся на спинку кресла Северский, пожав на прощание руку Кондрату.

Бросив на него единственный хмурый взгляд, я подхватила рюкзак и поплелась за временной нянькой.

За дверью кабинета остановились. Почувствовав на себе взгляд Кондрата, я не удержалась от язвительности:

— Что смотришь? Неужели нравлюсь?

Тот хмыкнул.

— Не льсти себе, девочка! Ты совершенно не в моём вкусе, так что не зарывайся! Поехали на рынок, надо успеть тебе одежду купить до нашего полёта.

— Это еще зачем?! У меня есть своя одежда.

— Она не подходит. Там, куда мы отправляемся, женщины одеваются по-другому. Брюки, обтягивающая, короткая, яркая, сексуальная одежда запрещена законом! Ходят в длинных тёмных юбках и в хеджабах.

— В чём?! — переспросила я.

— Хеджах — это типа нашего платка. Закрывает не только голову, но шею и плечи, — охотно пояснил он.

— А может ещё и паранджу надеть?! — окончательно разозлилась я.

— Тебе она не поможет. Разве что язык укоротить, а то слишком смелая выискалась. Прекрати доставать меня! Думаешь, мне хочется с такой язвой возиться? Да если бы не Славкин приказ, послал я б тебя подальше и всё! — раздражённо высказался Кондрат.

— Ну, знаешь, что?! Хватит, достал уже!

Никуда я с тобой не поеду! — уже вовсю кипятилась я.

Повернулась к дверям и протянула руку, чтобы открыть её, но не успела — на запястье легла крепкая мужская рука.

— Отпусти! — зло зашипела я на Кондрата, стараясь вырваться.

— Ага, шас! Уже бегу исполнять! — весело возразил он, и улыбнулся. — Ну, и что дальше? Ударишь меня?!

От кипящих внутри эмоций, я, не задумываясь о последствиях, сжала пальцы в кулак и замахнулась на спокойно стоявшего мужчину. Он лишь чуть-чуть отклонился в сторону и легко перехватил руку. А потом снова рассмеялся:

— Ну что, Рада, выпустила пар? Вот для этого Славка и приставил меня к тебе. Ты не сможешь постоять за себя сама!

Я сделала вид, что смирилась. Расслабила тело и даже постаралась улыбнуться в ответ. И когда Кондрат попался на этот трюк, шагнула навстречу и ударила по его колену каблуком туфли. Он скривился от боли, а я прошипела:

— Никогда меня руками не трогать, понял?! Да кто ты такой, а?! Думаешь, скрутил руки слабой девушке и всё, справился?! Может, я на вид божий одуванчик, но проверять, насколько этот вид обманчив, не советую!

— Хм! А тебе палец в рот не клади, откусишь!

— Да! — и для большей наглядности
кляцнула зубами.

— Ладно, проверок не будет. Но, как ни крути, нам придётся ехать вместе. Считаю, я твой телохранитель, ибо если ты сделаешь глупость и помрёшь, то мне лучше сразу сделать себе харакири! Славка мне башку оторвёт, а перед этим «отделает под орех». Мы в одной лодке, хотим мы того или нет. Прекращай препираться и показывать характер, не поможет! Там, куда мы летим, женщины не перечат, не ругаются с мужчинами и вообще ведут себя максимально незаметно! Придерживай свой темперамент, а то приключения найдут тебя сами. А теперь поехали, нужно до отлёта купить тебе одежду, чтобы от местных не отличалась.

— Кондрат, а ты откуда столько знаешь про их обычаи?

— Я родился в средней Азии ещё при Союзе. Отец военный, служил начальником погранзаставы на Кушке... Пошли, по дороге расскажу.

— Так ты бывший военный, да? А как у Севера оказался? — спросила я с детской непосредственностью.

Мы сели в авто и влились в поток машин. Всю дорогу мой вынужденный охранник рассказывал о себе.

Металлический монстр совершил посадку. Я дождалась полной остановки двигателя и подумала: «Ну, вот и всё. Теперь остаётся лишь узнать, кто и за что так жестоко поступил с братом, — в горле образовался комок, и глаза защипало от невыплаканных слёз. — И сделать то, зачем я приехала». Посыпать голову пеплом поздно, да и незачем. Я сделала выбор. Нужно сосредоточиться на предстоявшей работе и не отвлекаться на посторонние мысли. Нельзя показывать свою боль, тем более, в том месте, куда мы прилетели.

Привычным движением я надела солнцезащитные очки и повернулась к спящему соседу. Кондрат моментально открыл глаза и внимательно окинул взглядом салон — привычка военного всё и всегда держать под контролем.

Люди потянулись к выходу. Мы последовали их примеру.

— Пойдём, Радмила. Нас уже ждут, — сказал Кондрат и первый пошел вперёд, вынуждая меня его пропустить.

Грозный полностью оправдывал своё имя, встретил нас холодным, порывистым ветром и низкими, тяжёлыми, серыми тучами.

Порыв ветра трепал концы чёрной косынки, которой я повязала голову. Я быстро спустилась по траппу. Кондрат уже ждал меня внизу.

Мы проследовали к пункту досмотра. Мужчина в военной форме внимательно и долго рассматривал моё лицо, а потом велел:

— Снимите очки и предъявите паспорт, разрешение на посещение военной зоны действий, пожалуйста. Цель приезда в Чечню, Радмила Селиванова?

— Цель приезда — туризм. Хочу посмотреть горы, — соврала я, даже не моргнув.

— Очки снимите! — потребовал военный чин.

В ответ лишь пожала плечами и подчинилась. «Сам напросился»- промелькнула мысль.

Встретившись со мной взглядом на долю секунды, военный вздрогнул и поспешно вернул мои документы. Стараясь больше не смотреть на меня, сказал:

— Туризм, как же!.. Не ищите неприятностей на свою ж... Здесь таких туристов пачками увозят в гробах.

Кондрат, не дожидаясь продолжения беседы, потянул меня за руку в зал ожиданий.

Не успели мы пройти и двух шагов, как из толпы встречающих к нам навстречу кинулся мужчина лет тридцати. Среднего роста, крепкого телосложения, с бритой головой и шрамом через всю левую щеку.

— Какие люди! Змей! Ты ли это? Друг, вот кого не ожидал увидеть тут, так это тебя! — и

кинулся с объятиями к опешившему от неожиданности Кондрату.

— Лёха! Ты что ли?! Ну, братан! — восторженно проговорил он и крепко обнял друга. — Надо же, живой! Ещё и здесь обитаешь!

Тот лишь усмехнулся в ответ, и продолжал похлопывать друга по плечу.

Я с неподдельным интересом наблюдала за ними из-под тёмных очков. Пассажиры и встречающие толкалась со всех сторон, но Кондрат будто не замечал этого.

Наконец, приветствие подошло к концу, и Лёха с нескрываемым интересом посмотрел на меня.

— Ах, какая красotka! За какие это заслуги нашему Бесу такое счастье привалило?! Это кто с тобой приехал? Жена или сестра?

— Придержи коней, Казанова! Она здесь по делу, также, как и я. Так что хватит светиться. Не хватало ещё встретить «старых знакомых», которые очень жаждут меня видеть по долетевшим до Москвы слухам. Ты на машине? — уже строго спросил мой телохранитель.

— Да, конечно. Вот вас встречаю по заданию нашего пахана, — ответил парень, всё ещё рассматривая меня. — Но кто именно прилетит, не сказали. Эх! Если бы парни знали, что такая девочка прилетит, то встречать её бы очередь

образовалась.

Только наставления Кондрата, данные мне перед поездкой, удержали меня от желания поставить этого зарвавшегося нахала на место, и прикусить губу, чтобы язвительные слова не вырвались наружу.

— Тогда поехали отсюда поскорее. Нечего лишний раз отсвечивать...

Кондрат быстро пошёл вперёд, я поспешила следом, стараясь не отставать.

Выйдя из здания аэропорта, мы направились через дорогу к припаркованному авто. Обернувшись, я заметила плакат, тянувшийся вдоль всего фасада здания аэропорта. На нем был изображен какой-то бородач. Кондрат недовольно хмыкнул, проследив за моим взглядом:

— Как в советское время, когда повсюду развешивали вождей. Только тут вместо Брежнева этот м...к висит. Вот скажи брат, зачем только мы с ними воевали?! Чтобы потом на их довольные рожи смотреть!

— Да, ладно тебе, Змей. Чё теперь вспоминать! Они здесь власть, а мы никто. Сдали нас наши козлы, начальники. Ну, ничего, и тут можно жить неплохо, — примиряюще произнес Лёха.

Мой телохранитель ничего не ответил, только сжал кулаки.

— Куда едем? — спросил Кондрат, когда мы уселись в машину.

— Как куда? В гостиницу или на базар, если надо, — ответил Лёха. — А вечером вас Бес ждёт, он теперь наш пахан.

По привычке я дотронулась до мочки уха. Пальцы скользнули по сломанной серьге, причиняя душевную боль, напоминая о горе. Я попросила:

— А можно заехать в мастерскую, мне очень нужно одну вещь отремонтировать. Пожалуйста!

Водитель переглянулся с Кондратом, тот лишь махнул в знак согласия.

— Что, шпильку на туфле сломала? Так легче купить новые, — нахально дал совет Лёха.

— Нет, серьга сломалась. Такое уже не купишь — ручная работа и подарок.

— Чей? Любовника, небось? Может, купит ещё или он жадный? Такая красотка заслуживает лишь одного, чтобы ее золотом осыпали, — рассуждал водитель, бросая на меня заинтересованные взгляды в зеркало заднего вида.

— Подарок брата. И прекрати болтать, почём зря. В таких советниках не нуждаюсь, — раздражённо отчеканила я.

Машина подъехала к одноэтажному зданию с вывеской «Ломбард». Салон покинули все — парни следовали рядом со мною. Я ощущала на себе пристальные взгляды проходящих мимо мужчин.

К нам вышел пожилой мужчина маленького роста, с седыми короткими волосами, смуглой кожей и чёрными, как угли, глазами. Поздоровавшись с Лёхой, он спросил:

— Ты что хотел: купить или продать?

— Не-а! Ни то, ни другое. Тут у девочки серёжка сломалась. Помоги, а?

— Можно посмотреть?

Я полезла в рюкзак, достала сломанный серебряный листочек от серьги и любезно подала мастеру.

— А где остальное? — спросил он.

Нехотя, со вздохом я расстегнула сломанную серьгу. Впервые за всё время сняла ее и положила на раскрытую ладонь мужчины.

— Не переживайте, просто у вас скрепляющее звено сломалось и выпало. Сейчас посмотрю. Вам срочно или подождёте? — спросил мастер.

— Срочно. Я хочу сразу забрать её.

— Ну, тогда придётся доплатить за срочность.

И с этим я тоже согласилась.

— Ждите, через полчаса будет готово.

Мастер развернулся и скрылся за дверью. Я присела на маленький диванчик, закрыла глаза и постаралась ни о чем не думать.

Глава 16

Машина катилась по очень современному городу. Новенькие многоэтажки точно сошли со страниц какого-нибудь глянцевого журнала. Широкие улицы по обеим сторонам дороги. Но почему-то, смотря на этот мирный на первый неискушённый взгляд мегаполис, я ловила себя на мысли, что внутренним взором вижу совершенно иную картинку. Разрушенные, разбитые взрывами и изрешечённые пулями стены домов. Изувеченные, исковерканные улицы. Грязь, кровь и мёртвые тела людей...

Сначала я даже не поняла, откуда возникли эти жуткие явления. А потом прислушалась к разговору Кондрата и его болтливого друга и поняла, что это воспоминания Лёхи.

— Змей, а помнишь, как ты со своими ребятами нас здесь спас? Нас, необстрелянных солдатиков, после учебки под новый год кинули сразу в бой, и забыли! Чёрт! Даже сейчас вспомнить жутко, что тут творилось! Взрывы, мат, крики чеченцев: «аллах акбар» и «русские свиньи, сдавайтесь». Ребята рядом грязные, раненные, которых нечем перевязать! Голодные, перепуганные, не знающие, где свои, а где чужие. Патронов почти не осталось, рация бесполезна, потому что чеченцы перехватывают разговоры! Тогда я впервые испытал ужас. Думал, всё, кранты, зарежут, как баранов, нас эти суки! И вдруг посреди

этого бардака ты, чертяка! Возник из неоткуда. Мы уже думали, что эти ублюдки пришли по наши души. Ведь тогда ты спас всех пацанов, ну и видок у тебя был, точный абрек! Худой, чёрный от загара с бородой и какой-то хренью на голове, вместо шапки, и твои ребята не лучше — чумазые, обвешанные оружием, точняк абреки, только с гор спустились!

Кондрат молча слушал монолог друга, не перебивая. Лишь на последней фразе скупно улыбнулся уголками губ.

— Помню, Лёха. Я тогда впервые плюнул на приказ начальства, послав его подальше, собрав отряд из пятнадцати проверенный бойцов. Кинулся в заварушку. В таких делах у каждого за спиной опыт Афгана, и шли со мной только добровольно. Вы были пятой группой, которую мы нашли. Дела шли из рук вон плохо. Кинули всех не обстрелянных солдат прямо в бой, на «духов», у которых опыт войны был как у нас! Странно даже видеть сейчас такой город. Перед глазами все еще развалины, холод и снег кружится над головой... — с тяжёлым вздохом мой телохранитель замолчал и устало потёр лицо.

Затаив дыхание, я слушала воспоминания. На секунду перед глазами возник образ такого Кондрата, как описывал его Лёха. Высокий, худой парень с длинными до плеч выгоревшими на солнце

и собранными в хвост русыми волосами, в сером камуфляже и с самодельной банданой на голове, короткой бородой. На загоревшей до шоколадного цвета коже, ярко выделялись одни глаза — светлые, серо-голубые, они гневно сверкали.

Усмехнулась ведению, спросила:

— Кондрат, а у тебя были когда-нибудь длинные волосы?

Он резко обернулся и окинул меня изумлённым взглядом.

— Да, носил. Как раз возвращался с очередного задания, оброс как леший! Ладно, что теперь вспоминать, надо жить сегодняшним днём, — с горечью в голосе закончил он.

По привычке дотронулась до подаренной братом серьги, непроизвольно глядя пальцами холодный камешек изумруда.

— А что такое «груз двести»? — поинтересовалась.

Хмуро зыркнув на меня, Кондрат промолчал. Вместо него на вопрос ответил Лёха:

— Это цинковые гробы с телами убитых, порой даже не телами, а так... частями.

Перед глазами промелькнули видения, от которых к горлу подступила тошнота, заставляя непроизвольно задержать дыхание и судорожно схватиться за горло.

— Останови машину! — тихо попросила я и

спешно открыла окно.

— Рада?! Что случилось? — телохранитель явно встревожился и рывкнул на водителя: — Лёха! Твою мать! Стой!

От резкого торможения нас по инерции кинуло вперёд, заставляя желудок сжаться в комок. Рванув ручку дверцы на себя, я пулей вылетела из салона, и вдохнула холодный горный воздух. Медленно выдохнула, стараясь прогнать из мыслей страшные картины изувеченных человеческих останков. Рядом хлопнула дверца, и на плечо легла мужская рука.

— В чём дело? Тебе плохо? Ты белая, как стена...

— Как вы это выдерживаете, ещё и спите по ночам? Я видела, какой «груз двести» он имел ввиду, и представила, что найду Митю в таком... — не сумев договорить, закрыла лицо ладонями, не желая показывать боль.

— Ну, что ты девочка! — обнял меня Кондрат. — Успокойся, всё будет хорошо.

Не знаю, сколько мы так стояли, пока я немного пришла в себя. Кондрат молча прижимал меня к своей груди и, как ребёнка гладил по голове.

— Рада, а Митя — это твой брат? Мне Славка рассказал твою историю, — прервал он молчание.

— Да, я приехала найти его тело. Его жене отказали, объяснив тем, что не знают, где он

находится и вообще может брат в бегах.

— А ты знаешь?

— Знаю, и всегда этого боялась. Мой дар, — горько усмехнулась при этих словах. — Он не оставляет место для иллюзий. Поверь, страшно жить, зная будущее, и не имея возможности его изменить.

— Так ты не можешь совсем изменить ничего?!

— Ну, кое-что могу. Если это не предрешено, и есть другие варианты развития. Как бы тебе объяснить подходчивее?... — задумалась на секунду я. — Жизнь человека можно сравнить с мчащимся по дороге автомобилем. Если встречаются перекрёстки, значит, от человека зависит, какой путь он выберет. Тогда возможно что-то изменить, исправить, посоветовать. Но если путь прямой и нет объездных дорог, я не могу помочь. Даже при великом желании, я не Бог. Могу лишь подсказать, что сделать, чтобы избежать той или иной опасности, если это возможно.

— М-да... Так ты знаешь, когда умрёшь?

— Да. Но это случится не скоро, я не горю желанием заглядывать в своё будущее. Многие люди хотят иметь такие знания. Им кажется, что обладание ими даёт власть над всеми. Но это лишь самообман. Поверь, если бы у меня был выбор, возможность отдать дар кому-нибудь другому, я

бы, не задумываясь, так и поступила, чтобы иметь возможность жить спокойно.

За разговором мы совсем забыли о ждущем нас в машине Лёхе. Но он сам вскоре наполнил о себе.

— Эй, вы! — опустив стекло, нетерпеливо крикнул он. — Долго ещё ждать, а? В гостинице базарить будите, раз до того не перетёрли. Поехали уже, не стоит маячить на дороге и ждать пока приключения найдут вас.

— Ты как? Полегчало? — не обращая внимания на Лёхино недовольство, спросил Кондрат.

— Да, спасибо. Поехали, твой друг прав не стоит нам здесь стоять.

Весь последующий путь мы проехали молча, Лёха иногда посматривал на меня в зеркало, но вопросов не задавал.

Наконец-то, машина затормозила возле не высокого здания гостиницы «Зама» в центре Грозного. Роль забора играло воздушное кружево кованой решётки.

Мы вошли в просторное фойе и направились к ресепшену.

— Здравсьте! Я заказывал у вас два люкса для своих друзей, — сказал неугомонный Лёха.

Администратор-мужчина, скривив губы в фирменном оскале, ответил:

— Добрый день! Да-да, конечно. Паспорта предъявите, пожалуйста.

Кондрат протянул ему наши документы, и он быстро записал нужные данные. Вскоре мы получили ключи от соседних номеров и, попрощавшись с Лёхой, который должен был заехать за нами вечером, пошли в свои комнаты.

Не обращая внимания на обстановку, я, как была в одежде, завалилась на кровать, укрылась покрывалом и погрузилась в сон. Проснулась от настойчивого стука в дверь. С трудом прогнав остатки сна, впустила в номер Кондрата.

— Ты, что спала? — удивленно смотрел он на меня.

— Да.

— Уже вечер, собирайся. Скоро Лёха прибудет, а ты ещё не готова.

Жестом пригласила его войти, а сама пошла приводить себя в порядок. Приняв душ, расчесав всколоченные волосы и переодевшись в джинсы и светлый тёплый свитер, вышла и как раз вовремя.

В комнате, уже сгорая от нетерпения, ходил из угла в угол Лёха.

— Привет, я готова. Поехали.

— Рада, почему ты меня не слушаешь? Зачем так оделась? Мы же договаривались с тобой о другом гардеробе! — недовольно спросил мой телохранитель.

— Потому что незачем мне скрываться. Всё равно его шеф, — я кивнула в сторону Лехи, — знает, что мы не местные. Едем, пока твой друг дыр в ковре не наделал носками своих ботинок.

С тяжёлым вздохом смирения, Кондрат поднялся с кресла и направился к выходу.

Глава 17

Авто затормозило возле высоченного, сложенного из необработанного камня, забора. Он больше походил на стены какого-нибудь древнего замка, чем на современное строение. Железные ворота медленно открылись, запуская машину внутрь. Трёхэтажный особняк в восточном стиле, с ухоженными лужайками и клумбами с экзотическими цветами поражали буйством красок. Отвыкшая от природы за несколько месяцев жизни в Москве, я еле дождалась, когда Лёха остановится. И, немедля ни секунды, открыла дверцу и выскочила из машины, даже не обратив внимания на водителя, пытавшегося мне что-то сказать.

— Стой, дура! Куда?! — заорал во всё горло Лёха, однако не делая попытки выйти за мной следом. — Совсем шизанутая! Сядь обратно! Там же собаки!..

И правда, откуда-то со стороны послышалось раскатистое рычание и топот нескольких пар лап.

Обернувшись, я изумлённо замерла. На меня неслось нечто, весьма условно напоминающее собаку. Ростом с телёнка, покрытый светлая с бурыми пятнами шкурой, пасть широко разинута... Невольно вспомнился старый фильм про Шерлока Холмса «Собака Баскервилей». Наверное, именно такой ее и задумывал писатель. Только, вот уж чего я совсем не боялась, так это животных. А потому, спокойно стояла с улыбкой на губах, наблюдая за приближением этого увальня. Как только он оказался на расстоянии вытянутой руки от меня, я тихо, но чётко приказала, глядя псу в глаза:

— Стоять!

Собака замерла на месте. Я же продолжила командовать, не прерывая зрительного контакта:

— Сидеть!

Эта зверюга тут же плюхнулась на асфальт, всем своим видом выказывая недоумение.

Шагнув к животному, я присела рядом, слегка погладила её морду и почесала за ушами.

— Молодец! Хорошая, послушная, — похвалила я, и она лизнула шершавым языком мою руку.

Существует заблуждение, что гипноз на животных не действует. Все зависит от того, кто внушает. Псина сейчас видела перед собой хозяина. Поэтому и подчинялась.

Прошло буквально несколько секунд, как за

моей спиной снова раздалось гулкое рычание. Ко мне неслось ещё одно животное, а за ним с криком бежал запыхавшийся парень.

— Алтай! Геракл! Стоять! Мать вашу!.. Да что с вами такое?! — на бегу орал он.

Заметив меня, парень опешил и замолчал. Затем, тихо ругнувшись, строго спросил:

— Девушка! Вам кто разрешил выходить из машины, жить надоело?! Лёха, блин!.. Ты что, не предупредил её?

— Филин, я пытался. Но она и слушать не захотела, — оправдывался водитель, рискнув выйти из авто.

— Нет, только гляньте на него! Он пытался!.. Ну, ты баран! Знаешь где надо пытаться?! У бабы в кровати, а здесь мочь надо! Этих крокодилов и танком не остановишь, если вырвутся! — распекал недотёпу. — А вы, девушка, почему не прислушались к этому... — он проглотил матерное слово, и оглядел меня с интересом. — Жаль будет, если такую красотку эти алабаи покусают.

— Я бы больше за собак беспокоился, — ехидно произнес Кондрат из-за моей спины. — Ещё вопрос, кто кого покусает. Видишь, как она быстро укротила твоих крокодилов, прямо шёлковые стали.

— Эй! Что у вас здесь происходит? — спросил кто-то, заставив меня обернуться.

У входной двери в дом стоял высокий

мужчина лет сорока пяти. Его серые глаза, резко контрастирующие с загорелой кожей лица, с недобрим прищуром смотрели на меня. Я тоже окинула быстрым взглядом его фигуру и заметила недюжие мышцы в расстегнутом вороте рубашки и под закатанными рукавами.

От его холодного взгляда по спине пробежали колючие мурашки. Подсознание подкинуло: «Держись от него подальше! Очень опасный тип!».

— Я, кажется, спросил, что у вас происходит?!

Он неспешно спустился с крыльца. Проходя мимо, небрежно потрепал собаку по шее.

— Кирилл Анатольевич, у нас всё хорошо. Просто Лёха не успел предупредить гостей о ваших собаках.

— А! Надеюсь, мои любимцы вас не сильно напугали?! — ухмыльнувшись, спросил он, обращаясь ко мне. — Ужасно жаль, если они испугали такую девушку.

— Бес, прекрати ломать комедию, — скривился Кондрат. — Рада не из робкого десятка, её твои крокодилы не съедят. Уж скорее она их в бараний рог согнёт. Лучше посмотри, как она усмирила волкодава!

«Так это и есть Бес?! Тогда кличка ему подходит на сто процентов. Одного взгляда достаточно, чтобы понять, что есть в нём что-то

демоническое».

— Привет, Кондрат! Давно не виделись, лет пять, да? — проговорил он.

— И тебе не хворать, Бес, — холодно поприветствовал Кондрат хозяина дома. — Может, хватит здесь разводить китайские церемонии? Мы по делу...

— Хм! Все-таки не любишь ты меня, Кондрат.

— Ты ж не девка, чтоб я тебя любил. А ориентацию я не меняю, запаadlo! — неожиданно грубо ответил мой телохранитель.

Ох, как мне этот их диалог не понравился! Между ними явно существовал какой-то скрытый конфликт. Пора вмешаться, пока ещё до открытого мордобоя не дошло.

— Очень приятно познакомится. Радмила, — быстро сказала я и протянула руку.

Бес кривился от злости, но пожал её в ответ.

— Кирилл, — представился он. — Мне тоже... Эх, Кондрат нарываешься! Ну, да ладно. Север мне звонил, просил помочь. Проходите в дом, там и продолжим беседу.

Бес театральным жестом пригласил нас следовать за ним.

Дом, или скорее загородная вилла, поражал вычурностью. Высоченные потолки, яркие ковры, сияющая белизной широкая мраморная лестница, помпезная мебель... Всё больше напоминало

съёмочную площадку, чем пригодный дом.

Присев на обтянутое светлой кожей кресло, я попыталась немного расслабиться. Кондрат заметно нервничал, беспокойно постукивал пальцами по подлокотнику дивана, и только хозяин был абсолютно спокоен.

— Ну, может, хватит играть в молчанку? — не выдержав гнетущей тишины, спросил Кондрат. — Мы к тебе не в гости припёрлись, Бес!

— Так говори, а не разводи тайны. Я ещё мысли не научился читать. Север толком ничего не объяснил. Сказал, чтобы помог вам, а в чём будет состоять помощь, не соизволил пояснить.

— Мне нужно найти тело одного человека, который пропал у вас полторы недели назад, — начала я. — Он русский военный, двадцати шести лет.

Бес недовольно хмыкнул.

— Кто он? Раз военный, то пусть его свои и ищут. Я-то здесь с какого боку?

— Это мой брат. Его надо найти, и без твоей помощи мы не справимся.

— Детка, послушай меня. Ты хоть знаешь, сколько тут трупов, таких, как твой брат?

— Нет, не знаю. Но Святослав Николаевич мне сказал, что ты мне поможешь, отыскать его?!

— Понял, помогу. Раз тебе Север пообещал. Фотка есть?

Открыв рюкзак, я достала фото и протянула Бесу.

— Это всё, или?...

— Или! Надо раз искать... — но договорить мне не дали.

В прихожую влетела худенькая девушка, с гривой огненно-рыжих волос.

— Кирюша! Ты ещё не готов?

Он слегка нахмурился и растерянно спросил:

— Ира, к чему готов?

— Ну, вот я так и знала, что ты забудешь! Нас Алихан пригласил, у его сына день рождения сегодня. Так что быстро собирайся, ты же не хочешь опоздать?!

— Вот чёрт!! Совсем из памяти вылетело! Кстати, знакомьтесь: моя сестра Ирина, — запоздало представил он девушку.

— Привет, я Рада. Очень приятно познакомится с тобой, — улыбнулась я и протянула руку.

— Ой! Простите, не хотела так врываться... Но братик страдает крайней степенью забывчивости, — игриво проговорила она. — Я тоже рада.

Я не выдержала и рассмеялась:

— Рада — моё имя, то есть Радмила. Но ты можешь называть меня Мила, если хочешь.

— Извини, что не поняла. А вы кто? —

спросила она Кондрата.

— Игорь, её телохранитель, — представился он, кивнув в мою сторону.

Сказать, что я удивилась, услышав его имя, значит ничего не сказать. Оказывается, он не Кондрат! М-да!.. Хотя могла бы и сама догадаться.

Девушка протянула мне свою узкую ладошку, которую я быстро пожала. Стоило только коснуться её пальцев, как перед мысленным взором возникла картинка пышного праздника и лица тех, кого я так жаждала лицезреть. Теперь их не нужно было искать — стоило лишь попасть на эту вечеринку, где все они и будут. Осталась одна проблема, как убедить сестру Беса взять с собой новоявленную гостью. Можно попросись об этом Кирилла, но не хотелось раньше времени выказывать заинтересованность. План созрел мгновенно.

— Ирочка, там, наверное, будет так весело и шикарно! — просящим голосом блондинки проговорила я со вздохом сожаления. — Как бы я хотела это увидеть, настоящий восточный праздник!..

— А поехали с нами, — тут же предложила она. — Думаю, Кирюша не будет возражать против этого. Правда, братик? — спросила она, умоляюще глядя на него.

— Да, я не против. Места в джипе хватит на всех, тем более для такой очаровательной

девушки, — поддержал нашу затею Кирилл. Подвоха он не заметил или сделал вид.

— Вот только одна проблема, Ирочка. Я не рассчитывала на вечеринку, и одежда у меня, мягко говоря, не подходящая, — оглядела я себя.

— Ой! Тоже мне, проблема! Пойдём, у меня этих платьев вагон, подберём тебе наряд.

С этими словами она подхватила меня под локоть и потащила по лестнице вверх. На середине её оглянулась и бросила:

— Кир, ты что, замер?! Давай, собирайся или опоздаем. И Игорю тоже дай что-нибудь, ведь он с нами едет, да?!

— Конечно, куда я без него! — подтвердила я, не глядя на Кондрата.

Сестра Беса оказалась очень живой и общительной девушкой. Не замолкала ни на секунду, помогая мне подбирать наряд и делать макияж.

Окинув взглядом её туалетный столик, я заинтересовалась одним предметом.

— Ир, а это что? — показала на не большую коробочку.

— Это линзы для глаз.

— У тебя проблемы со зрением?

Ирина рассмеялась и ответила:

— Нет, это цветные линзы. Иногда хочется изменить цвет глаз, вот и купила. Всего раз и одела,

больше как-то не хочется.

— Какой будет цвет?

— Голубой. Хочешь, можешь попробовать. Хотя у тебя и без линз красивый цвет.

И я решилась на эксперимент, правда сначала было ужасно некомфортно. Но затем, когда привыкла, мне даже понравилось. В зеркале отразилась хрупкая, похожая на фарфоровую статуэтку, девушка с тёмными, собранными в элегантный пучок, волосами. Небесно-голубые глаза и яркий макияж делали меня какой-то другой. Платье, которое подобрала Ирина, как нельзя выгодно подчеркивало фигуру. Длинное, цвета слоновьей кости, на одно плечо, с широким серебряным поясом, оно плавно переходило в более темный оттенок к низу. А высокие каблуки делали меня еще более стройной.

— Как тебе? Нравится? — оглядывала меня Ира.

— Ой! Очень! Ты прямо фея. Никогда ещё так сказочно не выглядела! — искренне восхитилась я.

— Ты сильно преувеличиваешь мои скромные заслуги! — отмахнулась девушка. — Пойдём? А то Кир опять будет всю дорогу брюзжать по поводу непунктуальности женщин.

И мы спустились обратно в холл, где нас ждали мужчины, нервно прохаживаясь возле лестницы.

Глава 18

Сидя на заднем сидении джипа, все дружно хранили молчание. Даже словоохотливая Ирина помалкивала под тяжёлым взглядом брата. Он явно не обрадовался прибавлению в их компании, но вслух не высказывался. Лишь кривился, словно от зубной боли, поглядывая на нас. Игорь же только весело подмигнул нам и галантно предложил локоть, чем мы не преминули воспользоваться, подхватив его под руки с двух сторон.

Авто мягко затормозило у входа в ресторан, яркая вывеска которого переливалась всеми цветами радуги. Как пояснила Ирина, это был самый дорогой и шикарный ресторан Грозного. Именно его владелец собирал весь местный бомонд на день рождения сына. Он владел ещё почти десятком гостиниц и парочкой ресторанов поменьше.

Стоило только приоткрыть дверь в ресторан, как музыка так ударила по перепонкам, что захотелось заткнуть уши. Не дав опомниться, Ирина схватила меня за руку и потащила за собой. Мне оставалось лишь быстро перебирать ногами и не запутаться в подоле вечернего платья. А это, надо заметить, было не так уж легко, учитывая высоту каблучков и скорость, с которой девушка

неслась по фойе.

Хозяин сего празднества встречал всех как дорогих и долгожданных гостей, с белозубой, голливудской улыбкой. Он сам был мужчиной среднего роста, плотного телосложения, в дорогом костюме. С чёрными, как угли, глазами и загорелой кожей.

Поприветствовав виновника торжества, девушка принялась представлять меня своим знакомым. Кирилл остался далеко позади разговаривать с каким-то типом, который вынырнул из толпы и сразу завладел его вниманием. Кондрат держался в стороне ото всех, но не выпускал нас из полу зрения. Я спиной чувствовала его внимательный взгляд, ощущая себя под защитой. Старалась морально подготовиться к встрече с теми, ради кого пришлось разыграть весь этот спектакль. Стоя лицом ко входу в зал, я старалась не пропустить их появления.

Кирилл нашёл нас в толпе гостей и теперь стоял рядом с сестрой, кивая как китайский болванчик в знак приветствия знакомым.

Наконец, я заметила одного. Убийца Мити стоял и спокойно разговаривал с хозяином ресторана. Не знаю, как мне удалось сдержать себя, но все мышцы напряглись, нервы натянулись... Я готова была моментально и собственноручно растерзать его.

Сжав кулаки так, что ногти впились в ладони, я неотрывно следила за убийцей, поэтому и не расслышала слов Ирины.

— Мила?! Ты слышишь?! — коснулась она моего плеча.

Я встрепенулась и посмотрела на нее.

— Прости! Задумалась... Что ты сказала?

— Ты с ним знакома? — кивком показала она на беседующих мужчин.

— Да нет. Просто задумалась... А кто это? Знаешь его? — я старалась говорить как можно беспечнее.

Ирина скривилась, но ответила:

— Это Доку Загаев, мутный тип. От его одного взгляда меня в дрожь бросает, точно в глазах что-то дикое есть, — нервно передёрнула она плечами. — Кстати, я вижу впервые, что он пришёл один, без брата. Они прямо не разлей вода, всегда вместе.

Будто что-то почуяв, убийца Мити повернулся к нам лицом. Прищурился и обвёл меня высокомерным взглядом. Попрощавшись с Алиханом, он направился в нашу сторону.

Я застыла, наблюдая, как он шаг за шагом приближался к нам. С каждым ударом сердца сладкий миг мести становился всё ближе и ближе. Неимоверных усилий мне стоило сохранять на лице беспечную улыбку.

Казалось, секунды стали минутами, когда он, наконец, приблизился к нам и широко улыбнулся. Ирина была права, описывая его. Во внешности Доку Загаева крылось что-то хищное, особенно, в надменном прищуре карих глаз. Перед нами стоял безжалостный зверь, тварь в облики человека.

Поздоровавшись с Бесом, он протянул руку Ирине. Бедная девушка с трудом заставила себя ответить на рукопожатие. Затем настала моя очередь. Кирилл представил меня, как подругу своей сестры, приехавшей из Москвы погостить. Я с замедленной грацией первой подала руку и заглянула ему в глаза. С нетерпением ждала его прикосновения. Он решил, наверно, продемонстрировать светские манеры и не только слегка пожать руку, но и поцеловать её. Как только это существо коснулось моей кожи, перед глазами с невыносимой скоростью пронеслись очень интересные картинки. Теперь я знала, кто приказал этому нелюдю убить Митю и почему. Он всего лишь исполнитель, киллер, которого попросили об услуге, выгодной всем. Митя с Максом ввязались в чужую и смертельную игру, не зная с кем. Количество виновных в гибели брата пополнилось на одну персону. Но не только это заинтересовало меня. Недавний пленник! Он только вчера попал к Доку в зидан (земляная яма, где держат пленников). И взяли его явно не из-за банального выкупа. Вот с

кем бы я не отказалась побеседовать. Но, увы, это невозможно, и даже Бес мне здесь не помощник. Я понимала, что даже по настоятельной просьбе Севера он не сможет открыто пойти против Доку.

подавив желание немедленно стереть прикосновение губ мерзавца к ладони, я посмотрела на блестящий предмет, который Доку крутил в пальцах. Золотая зажигалка, в виде волчьей головы со звериным оскалом. Странная вещица, явно дорогая и сделана на заказ. Какая-то мысль настоятельно стучалась в мою голову, но нервное состояние не давало ей сформироваться в чёткий образ.

— Куришь? Понравилась зажигалка? — спросил он, заметив мой интерес.

Я непринуждённо улыбнулась и отрицательно качнула головой.

— Не курю. Просто вещица оригинальная... Золотая?

— Да. Сделана по моей просьбе одним мастером. Его уже давно нет на этом свете, а она со мной уже лет десять. Вещи порой долговечнее людей.

— Можно посмотреть? — спросила я, не рассчитывая на успех.

— Конечно! Разве я могу отказать такой очаровательной девушке?!

Стоило мне прикоснуться к зажигалке, как

сразу же захотелось зашвырнуть эту зажигалку в самый ад. Эта дорогая безделица служила изощренным орудием пыток. Этот монстр обожал жечь несчастных людей, поднося пламя к их коже. И первой жертвой стал тот мастер, который сделал её. И все ради того, чтобы быть единственным владельцем такой красоты. Я поняла, что именно эта вещь идеально подходила мне для ритуала. Осталось решить, как заполучить зажигалку.

Ещё немного покрутив её в руках, я вынуждена была отдать вещицу владельцу.

— Очень оригинальная вещь, я бы хотела купить подобное брату. Доку, скажите, вы бы не согласились продать её мне? Жаль, что мастер мёртв, как его имя?... Возможно, у его семьи осталось что-то подобное.

— Извини, но нет. Она не продаётся! А имя кого, кто сделал её, я не помню, давно это было. Да и вообще...

Он ещё что-то хотел добавить, но за моей спиной раздались чьи-то торопливые шаги и, на лице Доку отразилась неприкрытая досада. Обернувшись, я видела второго убийцу. Он стремительно подошёл к Доку и, склонившись, тихо проговорил что-то на непонятном языке.

Тот недовольно нахмурился, торопливо попрощался с нами и быстро направился к выходу. Ведомая интуицией, я последовала за ними,

держась от них на расстоянии. Они стояли на пороге ресторана и минуты две беседовали, а затем всё резко изменилось. Я отвлеклась на подошедшего Кондрата, как до того мирный Доку изменился в лице, резко ударил кулаком собеседника в нос, а потом в челюсть. При этом с него слетела маска доброжелательности, и обнажилась звериная сущность. Нанеся ещё несколько ударов, он зло плюнул на поверженного противника, схватил того за лацканы пиджака и прошипел ему что-то в лицо. Резко развернулся и направился обратно к гостям, попутно раздражённо кинув в урну, разломанную в ярости зажигалку и вытирая носовым платком кровь с кулаков.

Я даже не поверила в удачу, едва не захлопала в ладоши от радости. Поднявшись на цыпочки, дотянулась к уху Кондрата и спросила:

— Видел?

— Да, а что?

— Мне нужно то, что он выкинул. Сможешь достать, не привлекая внимания? — я ждала ответа с замиранием сердца.

Кондрат пожал плечами.

— Конечно, могу. Только зачем оно тебе?

— Потом объясню, обещаю.

— Хорошо, жди...

Лишь тогда я позволила себе немного. Уж кому-кому, а своему телохранителю я верила. Он

обещал и не подведёт, за это можно не переживать.

Я поискала взглядом Ирину. Её яркое платье мелькнуло рядом с Кириллом.

— Мила! Ты где пропала? Я тебя ищу, пойдём со мной, — проговорила она, появившись из ниоткуда.

— Ира, прости, я так устала. Слишком шумно, голова разболелась. Здесь есть дамская комната? Мне нужно освежиться.

— Да-да, конечно. Выйдешь из зала и направо четвертая дверь. Или проводить?

— Нет, Ира, спасибо. Я сама найду, — поспешно отказалась я.

Глаза слезились от режущей боли в глазах из-за линз. Злясь на себя за эту глупость, с трудом нашла нужную дверь. Сняла линзы и умылась. Хорошо, макияж оказался водостойким, а то даже представить страшно, как бы я выглядела.

Уже взявшись за ручку двери, я расслышала чьи-то торопливые шаги, переходящие в бег. Раздалась нерусская взволнованная речь, какой-то грохот, после которого все стихло. Осторожно приоткрыв дверь, я никого не увидела. Уже направилась обратно, когда меня словно магнитом потянуло назад. Сердце тревожно забило в груди. В мозгу прозвучал детский призыв о помощи. Ноги сами привели меня к открытой настежь двери. В окружении суетящейся толпы, на полу корчился в

приступе эпилепсии мальчик. Люди бессильно метались из стороны в сторону, не зная, чем ему помочь.

— Пропустите! — потребовала я. — Я помогу.

— Поможешь? Ты?! Чем? — грозно спросил хозяин праздника.

— Увидишь. Ну?!

— Пропустите её, — приказал он, тяжело вздыхая. — Хуже не будет.

Преодолев расстояние в несколько шагов, я, не теряя драгоценных секунд, опустилась на колени перед мальчиком и положила свою прохладную руку ему на голову, тихо зашептала старинный заговор.

Глава 19

Его надо перенести на кровать, он спит.

Мужчина присел на корточки, очень осторожно, словно хрупкую вазу, легко подхватил сына на руки и, прижав к себе, молча вышел в коридор. Там остановился и негромко сказал, Я отчётливо почувствовала тот момент, когда под моими пальцами ребёнок расслабился и затих. Ласково провела рукой по смоляным волосам и посмотрела на Алихана.

— Твой сын? обращаясь ко мне:

— Иди за мной, нам надо поговорить.

Поднявшись с колен, я последовала за ним. Пройдя некоторое расстояние, Алихан свернул влево и пинком ноги открыл одну из дверей. Свет из коридора проник в комнату и позволял все видеть. Мужчина осторожно, стараясь не разбудить, положил ребёнка на диван. Потом обернулся ко мне, смерил тяжёлым взглядом и сказал:

— Заходи, нечего стоять на пороге. Дверь закрой, не хочу лишних свидетелей.

Сам он прошёл вглубь комнаты. Раздался тихий щелчок, и вспыхнул неяркий свет настольной лампы. Присев на край стола, он поманил меня рукой.

— Что топчешься? Проходи, не бойся.

Невесело усмехнувшись, я закрыла за собой дверь.

— Я и не боюсь, просто не понимаю, зачем?! — спросила я, подходя к столу, и стала напротив мужчины.

— Хочу спросить, как ты это сделала?

— Что сделала? — недоумённо вскинула бровь я.

— Остановила приступ у Мурата? Даже врачи, к которым я его возил, только руками от бессилия разводили! А ты лишь дотронулась, и он успокоился. Как ты это делаешь?

«Чёрт! И надо же было мне сюда влезть, теперь придётся выкручиваться!» — мысленно ругала я себя за несдержанность.

— Ну, говори! Кто ты? — уже более требовательно спросил он. — Или думаешь, мне будет трудно узнать?

Поняв, что другого выхода нет, и Алихан всё равно узнает обо мне, решила зря не злить его.

— Хорошо, я расскажу. Ты хочешь спросить, могу ли я помочь твоему сыну? Могу! Но зачем мне это?

— Деньги не проблема, говори сколько.

Тут я не выдержала и рассмеялась:

— Нет, эти бумажки мне не нужны.

— Тогда что? Дом? Машина? Бизнес? Говори!

— Алихан, не всё в этом мире продаётся и покупается. А я уж и подавно не продаюсь! Да и прежде чем предлагать сделку, узнай, кто я. Может, я дьявол в юбке? И предложу тебе душу продать в обмен на здоровье сына?

— Если ты сможешь его вылечить, то я согласен и на это. Не могу видеть, как Мурат страдает, будто с меня живьём медленно шкуру сдирают. Мой единственный сын, наследник — и больной. Куда я только его не возил, всё бесполезно. Все врачи говорят одно, что дальше будет только хуже. Эти приступы будут всё чаще повторяться, и постепенно он превратится в овощ.

О, Аллах! За что ты меня так наказываешь?!

— Ты действительно хочешь знать, за что?

— Да, хочу!

— Ну, тогда слушай, раз желаешь. Как ты своё богатство сколотил?! Непосильным трудом? Землю копал? Нет! Не буду говорить очевидное. Думал, деньги не пахнут?! А они воняют, кровью пропитаны насквозь! Почему все вы возомнили из себя властелинов мира и думаете, что слёзы и проклятия людские ничего не значат, а? — я всё больше распалялась и почти кричала от возмущения, потому что хотела достучаться до души этого человека, если это ещё возможно. — Вы как дикие звери, уничтожаете всех, врагов, друзей, семью — ни с кем не считаясь. Всем рискуете ради каких-то призрачных бумажек с семью нулями. Но когда приходит беда, и деньги не помогают, тогда вы начинаете роптать, вопрошая у Бога «За что?!» Вот и ты, Алихан, спрашиваешь. Скорее не за что, а почему именно я?! У каждого из нас своя глубина чаши терпения, и твоя уже переполнилась. Последней же каплей стала та, пожилая женщина, внука которой убили твои люди. Эта несчастная прокляла твой род, до седьмого колена, начиная с сына. Семья твоя будет страдать из-за тебя. Дети, внуки, правнуки, они все ответят за твои грехи. Поверь мне, ты будешь долго жить, и смотреть, как по твоей вине на их головы обрушатся болезни,

смерть.

— Всё! Хватит! Заткнись! — не выдержав, рывкнул он мне в лицо.

— Что, не нравится? Правда глаза колет, да? Но ты сам этого хотел! И нечего на меня орать, не поможет.

— Да иди ты к чёрту! Праведница нашлась!

— Я твоя совесть, которую кровавыми бумажками не заткнёшь!

— Совесть?! — он издевательски захохотал — Ты кто такая?! Что ты видела в своей маленькой, сытой, беззаботной жизни?! Голод, холод или нищету? Что такая, как ты, может знать о реальной жизни? Богатенькая кукла состоятельных родителей будет учить меня, как надо жить?!

Теперь настала моя очередь смеяться. Вот, значит, какое впечатление у окружающих обо мне.

— Это тебе Кирилл рассказал? О богатеньких родителях?! Вот уж не думала, что он сказочник. Надо же какой талант пропадает почём зря, — съязвила я. — А о том, как желудок сводит от голода, и, как зуб на зуб не попадает в холодном, по три дня нетопленном доме, я могу тебе много рассказать! Так что нечего давить на жалость, к таким как ты у меня её нет.

— Ого! — удивлённо присвистнул он. — Да у зайки есть зубки! А ты, оказывается, не так проста, как кажешься.

Этот бессмысленный спор меня утомил и, не дождавшись приглашения, я опустила в кресло.

— Будем и дальше ругаться или перейдём к делу? — устало спросила, расслабляя мышцы.

Хмыкнув, Алихан пожал плечами.

— Согласен, давай по делу. Ты действительно можешь помощь моему сыну?

— Да, могу.

— Я так же понял, что деньги тебя не интересуют. Тогда не понимаю, чего ты хочешь взамен? Ведь не за спасибо же ты его вылечишь?!

— Ты будешь мне должен одно желание, услугу. Хорошо подумай, прежде чем соглашаться. Если попробуешь обмануть, пожалеешь.

Мужчина рассмеялся.

— Девочка! Ты мне не угрожай, пуганый я.

— Хорошо, но даю тебе на раздумья два дня. За сына не беспокойся, того, что я сделала, ему хватит на четыре дня. А дальше всё станет, как и было, если лечения не будет. Теперь вернёмся ко мне, ты спрашивал, кто я? Радмила, но называют меня по-разному. Кто целительницей, другие ведающей, а чаще всего ведьмой, — грустно улыбнулась я. — Теперь страшно?

Алихан хмыкнул.

— Ага, очень. Считаю, напугала до ужаса. Не верю я в эти бабьи сказки.

— Ты материалист, веришь лишь в то, что

можно увидеть и потрогать руками. Это не имеет значения, главное, они в тебя верят. Дай мне ручку и бумагу, я напишу, что понадобится для лечения твоего сына.

Взяв блокнот и ручку со стола, я написала по памяти всё, что нужно было для исцеления мальчика.

Затем протянула список Алихану. Пробежав его глазами, он нахмурился.

— А зачем тебе церковные свечи? Мой сын мусульманин, и ему ни к чему христианские свечи!

— Это решать не тебе, Алихан! Могу открыть небольшой секрет — Бог един, и ему, так же как и мне, всё равно, какой веры пришедший за помощью человек. Для меня не имеет значения, на каком языке молится больной. Если тебя что-то не устраивает в методах лечения, смирись с этим или откажись! Я никого силком не собираюсь тянуть к себе! Выбор за тобой!

Я поднялась с кресла и направилась к выходу. Затем обернулась и добавила:

— Если всё же решишься на лечение, адрес гостиницы в конце списка. Советую не тянуть, моё время не бесконечно, и через две недели меня уже в Грозном не будет. Так что думай побыстрее.

— Я думал, ты живёшь у Беса. Или ты не подруга его сестры?

— Подруга я или нет, тебя это не касается. Ты лучше решай, нужна ли твоему сыну помощь. Скажи, как отсюда обратно выйти, а то потеряюсь ещё.

На обратном пути я обдумывала ситуацию, в которую невольно вляпалась. Лечить мальчика нужно до ритуала с проклятием, то есть с чистой душой, ибо после этого должно пройти не менее трёх недель. Причём в течение этих недель целитель должен соблюдать пост и раскаяться в своих прегрешениях. Я же не собиралась сожалеть о том, что задумала делать. Поэтому сначала лечение, затем остальное. Планы придётся менять, не спеша обдумать в спокойной обстановке.

Поискав глазами Кондрата, я зацепилась взглядом за троицу — Ирину, Беса и... Доку, который говорил с ним, кивая и явно соглашаясь с чем-то. Очень интересно, что Бес пообещал этому зверю? И как узнать это? Есть один вариант — надо осторожно расспросить Ирину, она явно в курсе их беседы. Пока я подходила к ним, интересующий разговор закончился, и Доку быстро ушёл.

— Мила! Ты где была так долго, неужели заблудилась? — обеспокоенно спросила Ира.

Пришлось соврать:

— Да, немного. Ой! Я, кажется, забыла твои линзы в уборной, — спохватилась я.

— Ничего страшного, они всё равно

одноразовые.

— Ир, ты бледная. Что-то случилось, пока меня не было?

— Снова этот Доку приставал к Кирюше, вроде по делу. Чтобы брат помог в поиске какого-то человека. А сам так смотрел на меня, будто очередную жертву выбирал! Брр! — девушка передёрнула плечами.

— Успокойся, Ир. Никто тебя не тронет, просто не бойся.

Утешая, я словно невзначай провела по её руке. На самом деле, нужно было выяснить подробности разговора. Хватило нескольких секунд, чтобы увидеть и услышать их беседу. Оказывается, сбежал пленник, который интересовал меня. Судя по всему, доверять Кириллу нельзя, он ведёт дела с моим врагом. Придётся рассчитывать на свои силы и Кондрата. И этого пленника нам срочно нужно найти первыми. Поиск надо начинать завтра с утра.

Погрузившись в думы, я напрочь забыла о стоявшей рядом девушке, пока она не заговорила:

— Мила, а Игорь тебе кто?

— Просто друг.

— А-а-а! Я решила, что он твой любовник.

— Кто? Кондрат?! Ты шутишь, да? — весело рассмеялась я. — У него есть семья, жена, любимая дочка.

— Ну почему? Я вполне серьёзно спросила, он ещё не старый и симпатичный мужчина, а жена ещё никого не останавливала.

Я изумлённо посмотрела на девушку.

— Это не для меня! Женатый парень — табу. На чужом горе счастья себе не построишь, поверь.

— Как знаешь! — пожала плечами Ирина. — Я в эти предрассудки не верю, сколько людей разводятся, женятся на любовницах и ничего, живут припеваючи.

Циничное заявление сестры Беса изумило меня. В очередной раз убедилась, как внешность бывает обманчива. Хрупкая девушка в золотом платье оказалась на деле расчётливой стервой.

— Ир, всё хочу спросить тебя...

— Спрашивай, — милостиво разрешила она.

— Ты хотела надеть изумрудное платье, а в итоге оказалась в золотом. Почему?

— Мила, у меня совершенно вылетело из головы, к кому мы идём на праздник.

— А при чём здесь это? — удивилась я.

— При том, что мы пришли в гости к мусульманам, а у них зелёный цвет считается священным, и было бы оскорблением их веры, явись я на праздник в зелёном. Понимаешь? Мы вынуждены считаться с их правилами.

— Не знала, что всё так серьёзно.

— Это потому что ты живёшь в Москве, а не в

Грозном. Здесь все обязаны придерживаться нормы поведения, даже если ты сам не мусульманин. Это догма, мать её! — зло закончила девушка.

— Теперь понятно, почему Кондрат так настаивал на другой одежде. Я не думала, что всё так серьёзно.

Ирина ухмыльнулась.

— Ну да, он прав. В Грозном ещё ничего, можно иногда кое-что позволить себе, а вот за городом ни в коем случае. Мне иногда хочется плюнуть на всё и одеться, как ходят в столице. Но если я это сделаю, то брат меня запрет до конца жизни или до свадьбы! Что одно и тоже.

Я сочувственно улыбнулась, и поискала глазами Игоря. Он стоял в тени и внимательно рассматривал гостей. Заметив мой взгляд, слегка кивнул и провёл рукой по карману, давая понять, что выполнил обещание.

Извинившись перед Ирой, я направилась к Игорю.

— Рада, тебя что-то беспокоит?

Я удивлённо вскинула бровь.

— С чего взял?

— Вижу, у меня глаз намётанный. Давай, говори! — потребовал он.

— Ладно, ты прав. По-моему, зря мы сразу обратились за помощью к Бесу.

— Вот как?! Поясни, почему? — нахмурился

Кондрат.

Понизив голос до шёпота, я объяснила:

— Он не будет нам помогать, даже несмотря на настоятельную просьбу Святослава. Бес не пойдёт против чеченцев, у него с ними дела. В этой заварушке нам нужно найти кого-то другого, третью силу. Он не станет рисковать всем, а тем более из-за нас.

— Да ну?! Интересно, откуда такие сведения? — изумился Кондрат.

— От его сестры, в случайном разговоре она обмолвилась о том, что Бес собирается помогать Доку в поиске. А как ты понимаешь, незнакомому человеку, пускай даже с деньгами, наш авторитет будет оказывать услуги.

— Доку? Это ещё что за фрукт?!

Я зло ухмыльнулась.

— А это тот, кто убил Митю, собственноручно.

Игорь тихо присвистнул.

— М-да! Чувствую, огребём мы по полной программе приключений на одно место! Умеешь ты врагов выбирать. Вот же не зря Славка беспокоился и меня с тобой послал. Чуйка у него, дай бог каждому, не раз выручала из, казалось бы, безнадёжных ситуаций. Ладно, надо всё предельно и детально обговорить, но не здесь. Как только приедем в гостиницу, приходи в мой номер, будем

думать вместе. Поняла меня?

— Ты прав. Боюсь, одной мне не справиться со всем этим, — нехотя согласилась я.

Я вкратце рассказала ему о недавних событиях.

— Ого! — присвистнул Игорь. — Надо же, удача к тебе сама в руки идёт.

— В смысле? — не поняла я.

— Да пока ты ходила по дамским комнатам, я тут разузнал об этом человеке. Этот Алихан очень влиятельный и богатый. Ты что-то говорила о поиске третьей силы? Так вот, он и может как раз оказаться ею, мужик реально сможет защитить тебя, если что. Но вопрос в том, как его заставить нам помогать?

Я обрадованно улыбнулась и с трудом заставила себя не кинуться на Кондрата с объятиями.

— А его и не надо заставляя, он сам придёт к нам.

— Как это? — недопонял Игорь. — Зачем мы ему, объясни? Что ты задумала? Или я чего-то не знаю?

— Давай не здесь, а? Вот приедем в гостиницу, и там я всё тебе расскажу, обещаю.

Между тем, гости начали расходиться. Наша компания тоже двинулась на выход. Кирилл держал сестру и меня под руки с обеих сторон, а мой

телохранитель шёл чуть позади, стараясь держаться в тени и не привлекать лишнего внимания к своей особе.

Хозяин вечеринки с неизменной улыбкой на лице попрощался с нами, на секунду задержав взгляд на мне.

Лёха отвёз нас в гостиницу, сказав напоследок, что с завтрашнего дня по приказу Кирилла он наш личный водитель, и будет утром как штык.

Взглянув на часы, висевшие в холле гостиницы (они показывали три часа), мы решили отложить все разговоры на завтра и разбрелись по своим номерам.

Глава 20

Проснувшись утром и наскоро приняв душ, я надела ту одежду, которую ещё в Москве купил мне Кондрат, и направилась в его номер. Стоило постучать в двери, как она моментально распахнулась, будто только меня и ждали.

— Рада, проходи! — не поздоровавшись, жестом поманил телохранитель.

— Доброе утро, Игорь. Знаешь, у вас со Святославом есть одна общая вредная привычка.

— Знаю, уже не раз мне об этом говорили. Давай о деле поговорим.

— Согласна. Что ты хотел узнать?

— Всё. Какой план у тебя?

— План?... — я задумалась. — Был, но вчера он поменялся...

— Почему?

Присев на край кресла, я ответила:

— Это связано с Алиханом, вернее, с его сыном. Мальчик очень болен, я случайно об этом узнала и сказала, что могу помочь с лечением.

— М-да... Умеешь ты находить приключения на свою голову, девочка. Ладно, рассказывай дальше...

— План был прост, я хотела отомстить Доку за смерть брата. Но из-за лечения сына Алихана с мстью придётся повременить.

— Ясно. Но пока Алихан думает, чем мы займёмся?

— Есть одно дельце. Ты Лёхе доверяешь?

Кондрат нахмурился.

— А причём здесь Лёха?

— Нам понадобится помощь знающего местность человека. Твой знакомый подходит на роль проводника, только нужно, чтобы Бес не знаю о наших телодвижениях. Ну, и?...

— Честно говоря, не знаю, — он почесал за ухом. — Лёху я плохо знаю. Так, чисто символически, — взъерошив короткие волосы, пожал плечами. — Могу лишь довериться своей

интуиции, а она меня ещё ни разу не подводила.

— И что она говорит сейчас?

— Могу попробовать прощупать его, но гарантии нет. А почему тебе так важно, чтобы Бес не узнал?! Ты ему не доверяешь?

— Нет, конечно! Бес будет искать того же человека, что и мы. Это очень важно, Игорь, нам надо его опередить и спасти парня от расправы Доку.

— Так, а вот с этого момента поподробнее! Что за поисковая операция, кого будем спасать? Он кто?

— Тебе не всё равно?! — возмутилась я. — Он человек, журналист, которому реально угрожает смерть, если мы не поторопимся. Парень приехал проводить своё расследование, но, когда стал задавать слишком много вопросов, его сдали Доку. Ему сказочно повезло, что сбежал из лап этого нелюдя. Но здесь ему не выжить. Кто заступится за чужака? Парень обладает нужной мне информацией про гибель Мити и про то, кто его подставил. Надо спешить, каждая секунда дорога. Нужна карта города, самая подробная.

— А зачем? Ты что, не знаешь, где он? В Москве с тем маньяком вышло легко и просто, а с этим журналюгой почему такие трудности?

— Понимаешь, Игорь, кроме воспоминаний в мыслях Доку, у меня нет ничего, за что можно было

бы зацепиться. Ни вещи, ни фотки, ни фамилии, только имя, а для поиска этого мало. Но я попытаюсь, точного места не назову, только примерно. Поэтому мы будем ездить по предполагаемым точкам и надеяться на удачу.

— Лады, понял не дурак. Ну, а с этим что прикажешь делать? — спросил он, выуживая из кармана пиджака маленький пакетик, внутри которого виднелась сломанная зажигалка вместе с платком Доку, и протянул мне.

Я обрадованно схватила пакет и, покрутив в руках, положила на стол.

— Спасибо тебе, Игорь. Пусть пока побудет у тебя, хорошо? А то ещё потеряю.

Кондрат пожал плечами.

— Пускай лежит. А зачем тебе понадобились эти вещи, ты обещала пояснить.

— Это для ритуала. Я не прощу убийц Мити и не собираюсь ждать их естественной смерти. Эти твари миллион раз пожалеют, что перешли мне дорогу. Пуля для них слишком милосердное наказание, — мне с трудом удавалось выговаривать слова от бушевавшей в душе ярости и боли. — Прокляну так, что им никто не поможет. Если даже найдётся смельчак, который попытается их лечить, я ему не завидую. Он умрёт, также, как и эти шакалы. От них будут шарахаться, как от чумных. Даже после их смерти слухи о моём проклятии